

ПОЛЬ ДУМЕРЪ

КНИГА
МОИХЪ
СЫНОВЕЙ

PAUL DOUMER

ПОЛЬ ДУМЕРЪ

КНИГА
МОИХЪ
СЫНОВЕЙ

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОДЪ

—
ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ
ПОСМЕРТНОЕ

ORESTE ZELUK, EDITEUR
PARIS
1932

Книга набрана и отпечатана в типография
Editions et Imprimerie
Rapide de la Presse
4, r. Saulnier, Paris - 9.

*Памяти моих сыновей,
Марсея, Ренэ, Андрэ, Армана Думерв
умерших за Родину,
посвящается эта книга.*

В М Ъ С Т О П Р Е Д И С Л О В І Я

О Т Ъ Р У С С К А Г О И З Д А Т Е Л Я

«Авторизованный переводъ», — эти слова на обложкѣ настоящаго изданія означаютъ, что еще такъ недавно, такъ незадолго до своей кончины, Президентъ Французской республики Поль Думеръ разрѣшилъ, чтобы его «Книга моихъ сыновей» появилась на русскомъ языкѣ.

Когда мы обратились къ нему за этимъ разрѣшеніемъ, г-ну Думеру понравилась мысль, что его работа можетъ послужить воспитанію русскихъ молодыхъ людей за-границей. Покойный Президентъ Республики сознавалъ, какъ полезны могутъ быть его совѣты для этой молодежи.

Судьба захотѣла, чтобы именно русскій, своимъ ужаснымъ и бессмысленнымъ жестомъ, совершилъ низкое убійство того, кто, среди своихъ безчисленныхъ и утомительныхъ занятій, нашелъ еще время написать этотъ трудъ, чтобы преподать совѣты и жизненныя правила молодому поколѣнію, будущимъ гражданамъ своей страны.

Кто знаетъ, — быть можетъ, если бы гнусный убійца въ свое время проникся этими наставленіями, полными отеческой заботливости и сердечной искренности, его преступная рука остановилась бы передъ свершеніемъ непоправимаго, а извращенный мозгъ направленъ былъ бы по иному пути, болѣе чистому и плодотворному...

Выпуская «Книгу моихъ сыновей» Поля Думера на русскомъ языкѣ, издательство имѣетъ въ виду, въ качествѣ читателей, главнымъ образомъ, русскую молодежь за границей.

Самъ авторъ покойный Президентъ Французской республики, отецъ пяти сыновей, изъ которыхъ четыре геройски погибли во время Великой Войны, посвятилъ свою книгу памяти своихъ сыновей и писалъ ее для молодежи.

Онъ полагалъ, что современное ему французское юношество нуждается въ совѣтахъ и руководствѣ въ жизни и, въ видѣ простыхъ и искреннихъ бесѣдъ, изложилъ въ своей книгѣ мысли о томъ, какъ слѣдуетъ жить, чтобы жизнь человѣка была полна и счастлива, полезна, красива и благородна.

Авторъ не задается цѣлью установить твердый моральный кодексъ, создать философски обоснованную систему жизни. Придавая огромное значеніе воспитанію въ семьѣ, словомъ и примѣромъ, онъ беретъ среднюю нормальную семью, гдѣ вечеромъ, послѣ трудового дня, отецъ, мать и дѣти собираются въ мирной и уютной обстановкѣ домашняго очага и проводятъ время въ бесѣдѣ о жизни...

Въ этой семьѣ нѣтъ разрыва и борьбы между отцами и дѣтьми. Отецъ дѣлится съ сыновьями своими знаніями, опытомъ, а дѣти, привыкшіе уважать отца и довѣрять ему, прислушиваются къ совѣтамъ и размысленіямъ, внушеннымъ жизнью, разумомъ и любовью.

Такъ бесѣдуютъ они о патриотизмѣ, о мужествѣ, о бракѣ, любви, о всѣхъ вопросахъ практической жизни, стоящихъ передъ юношей, желающимъ стать честнымъ человѣкомъ и гражданиномъ, прожить свою жизнь благородно, счастливо и плодотворно.

И авторъ вѣритъ, что эти мирные семейные разговоры и совѣты глубоко западутъ въ душу юноши и помогутъ ему во всей дальнѣйшей дѣятельности.

Личный примѣръ Президента Французской республики, сумѣвшего путемъ труда, честности и энергіи подняться изъ

скромнаго положенія до высшаго и самаго почетнаго поста въ странѣ, придаетъ его сужденіямъ и совѣтамъ особенную силу и убѣдительность. Безупречное благородство, сильная воля, энергичная дѣятельность и неутомимая работа, посвященные полностью на пользу родины, сдѣлали его тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ бы видѣть всѣхъ будущихъ гражданъ своей страны.

Но если такіе совѣты казались автору нужными для французской молодежи, живущей въ свободной демократической республикѣ, какъ неизмѣримо болѣе необходимы и драгоценны они для русскаго юношества, воспитывающагося въ изгнаніи, безъ родной почвы, внѣ нормальныхъ условій образованія и воспитанія.

Разразившаяся надъ Россіей катастрофа лишила эту молодежь родины, выбросила и разбросала ее по всему міру. Безъ нормальныхъ наставниковъ и руководителей, взволнованная самыми противоположными политическими и моральными теченіями, служа объектомъ пропаганды самыхъ крайнихъ взглядовъ слѣва и справа, молодежь наша мучительно мечется изъ стороны въ сторону, пламенно и страстно изыскивая правильнаго пути въ жизни.

Намъ думается, что въ этихъ тяжелыхъ сомнѣніяхъ и поискахъ «какъ жить» глубокія, полныя великодушія и сердечности сужденія Поля Думера и твердость его принциповъ могутъ оказать русской молодежи немалую услугу и помочь ей разобратся въ хаосѣ современной жизни.

Въ этомъ цѣль нашего изданія.

Орестъ Зелюкъ.

AVANT-PROPOS DE L'ÉDITEUR RUSSE

« Traduction autorisée par l'auteur » — ces quelques mots sur la feuille de garde de cette édition signifient que, tout récemment encore, peu de temps avant sa mort, M. Paul Doumer, président de la République Française, avait permis que son « Livre de mes Fils » soit publié en langue russe.

Lorsque nous le lui avons demandé, M. Doumer fut séduit par la pensée que son oeuvre servirait à l'éducation des jeunes émigrés russes à l'étranger.

Le président de la République se rendait bien compte combien ses conseils pouvaient être utiles à l'enseignement de ces jeunes gens.

Le sort a voulu que ce soit justement un Russe qui, dans un geste odieux et insensé, ait basement assassiné celui qui, malgré ses occupations si multiples et si absorbantes, avait encore trouvé le temps d'écrire cet ouvrage pour donner des conseils et des préceptes à la jeune génération, aux futurs citoyens de son pays.

Qui sait? — peut-être, si l'abject assassin avait en son temps reçu cet enseignement, si plein de sollicitude et de cordiale sincérité, sa main criminelle aurait-elle hésité avant de commettre son terrible forfait et son cerveau détraqué aurait-il été dirigé vers d'autres voies, pures et autrement fécondes.

En publiant en langue russe le « Livre de mes Fils » de M. Paul Doumer, l'éditeur s'adresse tout particulièrement à la jeunesse russe à l'étranger. L'éminent auteur, défunt président de la République Française, père de cinq fils, dont quatre sont morts d'une mort héroïque au service de la Pa-

trie, pendant la Grande Guerre, a dédié son livre au souvenir de ses fils et l'a écrit pour les jeunes gens.

Il a estimé que la jeunesse contemporaine française avait besoin d'être conseillée et guidée; sous la forme de causeries, simples et sincères, il a exposé, dans son ouvrage, ses idées sur la vie, telle qu'il faut la vivre pour qu'elle soit utile, belle, généreuse, noble et aussi heureuse.

M. Paul Doumer n'avait pas l'intention d'établir un code de morale rigide, ni de composer un système philosophique. Attachant une importance toute particulière à l'éducation familiale par la parole et par l'exemple, il nous a présenté une famille de bourgeois moyens, dans laquelle le soir, après une journée de travail fécond, le père, la mère et les enfants se trouvent réunis dans l'atmosphère calme et affectueuse du foyer, et causent tranquillement des grands problèmes de l'existence quotidienne.

Dans cette famille, il n'existe ni lutte, ni incompréhension mutuelle entre les parents et les enfants.

Le père donne à ses fils des conseils basés sur son expérience et sur son savoir; et les enfants, affectueux et confiants, écoutent avec attention et respect les conseils et les réflexions que lui dictent son expérience, son intelligence et son affection.

C'est ainsi que les entretiens roulent sur le patriotisme, le courage, le mariage, l'amour, sur toutes les questions de la vie pratique pouvant préoccuper le jeune homme qui veut devenir un bon citoyen et rester un honnête homme, qui entend avoir une existence noble, heureuse et utile.

L'auteur est convaincu que ces causeries familiales et ces simples conseils laisseront des traces profondes dans l'âme du jeune homme et le guideront dans la vie.

L'exemple personnel du défunt président de la République Française qui, par son travail acharné, sa probité politique et son énergie indomptable a su s'élever au poste de premier magistrat du pays donne à ses conseils et à ses réflexions une force d'enseignement exceptionnelle. La haute noblesse de son caractère, sa forte volonté, son activité agissante toujours consacrée au bien de la Patrie, ont fait de lui ce qu'il voudrait que soient tous les futurs citoyens de son pays.

Mais si ces conseils paraissaient à l'auteur nécessaires à la jeunesse française, qui vit dans une République libre et démocratique, combien plus précieux encore doivent-ils être pour la jeunesse russe, déracinée et élevée en exil, en dehors des conditions normales d'éducation et d'instruction.

La catastrophe qui a bouleversé la Russie, a privé ces jeunes gens de leur patrie; elle les a jetés dehors et dispersés à travers le monde entier. N'ayant ni guides, ni éducateurs, agités par les tendances politiques les plus diverses et les plus opposées, ils sont douloureusement ballottés dans tous les sens et cherchent ardemment et passionnément leur voie dans la vie.

Il nous est apparu que dans ces circonstances douloureuses, dans ces perpétuelles recherches du « comment vivre », les réflexions de M. Paul Doumer, pleines de noblesse et de sincérité, et la fermeté de ses principes pouvaient rendre de grands services à la jeunesse russe et l'aider à s'orienter au milieu du chaos moderne.

Tel est le but de cette édition.

Oreste Zeluk.

ПРЕДИСЛОВІЕ
ПОЛЯ ДУМЕРА

ПОСЛѢ ИСПЫТАНІЯ

«Книга моихъ сыновей» появилась впервые вначалѣ 1906-го года, за восемь лѣтъ до страшнаго испытанія, которому подверглось молодое поколѣніе Франціи.

Неоднократно, со времени окончанія войны, просили меня переиздать эту книгу*). До сихъ поръ, однако, мнѣ казалось нужнымъ воздержаться отъ этого.

Слишкомъ много переменъ было возможно въ національной жизни; слишкомъ много вещей казались неустановившимися.

Ввиду того, что большинство людей ненавидятъ войну и считаютъ ее страшнымъ бѣдствіемъ, я льстилъ себя надеждой, что между цивилизованными странами быстро установится новый политическій порядокъ, способный дать неизвѣстныя прежде гарантіи мира. Защита нашей побѣдоносной родины стала бы для молодого француза менѣе суровымъ, менѣе требовательнымъ долгомъ. Вслѣдствіе этого, нѣкоторыя страницы книги слѣдовало бы измѣнить.

Съ другой стороны, какъ это всегда бываетъ послѣ большихъ переворотовъ, послѣ болѣе или менѣе длительныхъ періодовъ, когда царствуютъ всемогущими властелинами страданіе и смерть, вихрь безумія охватилъ людей всѣхъ классовъ, мужчинъ и женщинъ, духовныя силы которыхъ не въ состояніи были перенести грозу. Жить! Жить интенсивно, безумно, — къ этому сводилась вся ихъ программа. Чтобы вознаграждать себя

*) Предыдущія изданія «Книги моихъ сыновей», въ декабрѣ 1905-го и январѣ 1906-го гг. привели къ послѣдовательнымъ тиражамъ, давшимъ въ общемъ тридцать тысячъ экземпляровъ. Эти изданія давнымъ давно распроданы. Экземпляры остаются въ публикѣ, сохраняются въ семьяхъ, и рѣдко какой нибудь изъ нихъ появляется у букинистовъ. Перепечатаніе книги являлось, слѣдовательно, необходимымъ.

за воздержаніе, трудъ и волненія войны, нужны были всѣ матеріальныя наслажденія жизни. Трудъ, экономія, честность, приличія — старыя слова, старыя, забытыя понятія. Въ модѣ были лишь праздность и веселіе, спекуляція и расточительность, грубые нравы и грубыя наслажденія.

Какъ заставить себя слушать въ этомъ вихрѣ, какъ напомнить молодежи важныя обязанности человѣка и гражданина? Какъ не возмущаться при видѣ людей, забывающихъ все, вплоть до траура Родины, лишенной своихъ лучшихъ дѣтей, вплоть до горя миллионовъ семействъ, понесшихъ столь тяжкія потери?

Къ счастью, это зло, казавшееся пессимистамъ глубокимъ и длительнымъ, было лишь переходящимъ. Оно сглаживается, и виденъ уже его близкій конецъ. Это кошмаръ, отъ котораго завтра останется лишь тяжелое воспоминаніе. Основы нашей духовной жизни не поколеблены.

Но въ томъ, что касается общественныхъ вопросовъ, международнаго равновѣсія и всеобщаго мира, — что сказать о разочарованіи, которое приносятъ намъ событія? Осуществленіе нашихъ великодушныхъ надеждъ отсрочено на неопредѣленное время. Гдѣ организація мира? Гдѣ ожидавшаяся съ такимъ нетерпѣніемъ высшая сила, способная обуздать аппетиты и уничтожить ненависть, внушить всѣмъ народамъ уваженіе къ справедливости и рѣшимость выполнять договоры? И, благодаря тому, что такой силы не сумѣли создать, проявляется новое пробужденіе дурныхъ инстинктовъ, на потемнѣвшемъ горизонтѣ вырисовываются новыя угрозы войны.

Въ томъ состояніи безпокойства и неуравновѣшенности, въ которомъ живутъ сейчасъ Европа и большинство государствъ во всемъ мірѣ, единственной гарантіей нашей безопасности, какъ и лучшей гарантіей мира на всемъ свѣтѣ, является военное могущество Франціи.

Національный долгъ Франціи, какъ и долгъ ея моральный и соціальныи — сегодня тотъ же, что и вчера.

И сегодня должны мы считать вѣрными старыя уроки гражданства, содѣйствовавшіе образованію поколѣній дивныхъ солдатъ великой войны, которымъ Франція обязана побѣдой,

а народы тѣмъ, что они избѣгли грубаго и унижительнаго покоренія.

«Книга моихъ сыновей» можетъ быть вновь полезна и своевременна.

Среди молодыхъ людей, когда - то прочитавшихъ ее и принявшихъ за правила ея совѣты, -- друзей или незнакомыхъ, — сколько принесшихъ въ жертву Родинѣ свою жизнь, вмѣстѣ съ тѣми, которые вдохновили меня на эту книгу, и которые были мнѣ дороже всего на свѣтѣ! Рѣшительно и съ веселымъ спокойствіемъ принесли они Родинѣ свое горе, свои страданія и до послѣдней капли свою кровь. «Они умерли, но побѣдили».

Дабы они мирно покоились въ своихъ славныхъ могилахъ, нужно, чтобы новыя поколѣнія были достойны ихъ поколѣнія. Оно безъ слабости несло въ трагическіе часы тяжелое наслѣдіе двадцати вѣковъ образованія французскаго Отечества, въ теченіе которыхъ геніемъ, трудомъ и мужествомъ предковъ выковывалась современная цивилизація. Оно стерло минуту малодушія, оно исправило мимолетное, но тяжкое пораженіе.

Французскіе герои настоящаго вѣка были великими среди великихъ. Они оставляютъ тѣмъ, кто слѣдуютъ за нимъ, кто уже вошелъ или только вступаетъ въ жизнь, наслѣдство, увеличенное морально и матеріально.

На обязанности нынѣшнихъ молодыхъ людей лежитъ приобрѣсти необходимыя качества, чтобы сохранить и украсить это наслѣдіе. Тѣ же качества, которыя позволили ихъ старшимъ братьямъ побѣдоносно перенести ужаснѣйшую изъ войнъ, позволяютъ имъ установить миръ и дать Франціи благоденствіе и величіе.

15 апрѣля 1923 г.

Поль Думеръ.

ИДЕЯ ЭТОЙ КНИГИ

ИДЕЯ ЭТОЙ КНИГИ

Духовное и гражданское воспитаніе, даваемое учащимся въ школахъ, лицеяхъ и другихъ учрежденіяхъ, въ общемъ, довольно примитивно. Къ счастью, оно пополняется уроками, получаемыми въ семьѣ, а также чтеніемъ, наблюденіями и размышленіями молодыхъ людей, когда къ тому приводятъ ихъ возрастъ и умственное развитіе.

Тѣ изъ нихъ, которыхъ не слишкомъ рано втягиваютъ жизненныя потребности, которые дольше могутъ продолжать свое образованіе и которыхъ, поэтому, дольше окружаетъ семейная атмосфера, получаютъ отъ нея, отъ того, что они видятъ и слышатъ у домашняго очага, глубокой и длительный отпечатокъ.

Въ духовномъ развитіи молодыхъ людей книги также могутъ оказать серьезное вліяніе.

Лично я сохранилъ въ памяти то, что читалъ между шестнадцатю и двадцатю годами, и это чтеніе имѣло дѣйствительное, если не рѣшительное, вліяніе на направленіе моей жизни, на установленіе твердыхъ правилъ, принятыхъ мною тогда же и неизмѣнно руководившихъ мною въ теченіе истекшихъ тридцати лѣтъ.

Эти воспоминанія, и болѣе близкія, относящіяся къ моимъ бесѣдамъ съ сыновьями, съ содержавшимися въ нихъ совѣтами и съ естественно вытекавшими изъ нихъ правилами, подали мнѣ мысль написать книгу для юношества.

Осуществленіе этой мысли я сейчасъ и предпринимаю.

Это не должно быть новымъ учебникомъ морали и гражданства, но просто обращеніемъ отцовъ къ своимъ дѣтямъ, въ тысячѣ различныхъ формъ, каждый часъ, въ зависимости отъ темы семейныхъ разговоровъ.

Это будетъ «Книга моихъ сыновей», книга молодыхъ людей, для которыхъ наступаетъ возрастъ мужчины и которыхъ зоветъ жизнь.

Какъ примутъ они эти страницы, заключающіеся въ нихъ серьезные слова и строгіе совѣты?

Я желалъ - бы, чтобы, читая ихъ, они испытали глубокое желаніе пишущаго ихъ убѣдить, любящаго ихъ и на нихъ возлагающаго свои надежды; чтобы они нашли здѣсь повтореніе поученій ихъ родныхъ и учителей и какъ бы слабое эхо великаго голоса Родины, говорящаго, чего ждетъ она отъ ихъ ума, характера и мужества.

Я желалъ бы, чтобы они создали себѣ высокое представленіе о человѣкѣ двадцатаго вѣка, о хорошемъ французѣ, о гражданинѣ нашей Республики и, чтобы, устремивъ глаза на этотъ примѣръ, они старались подражать ему, создать въ себѣ самихъ качества и доблести, которыми они его надѣлили.

Помощь этой небольшой и скромной книги, быть можетъ, не будетъ имъ бесполезна. Быть можетъ, поможетъ она имъ установить дорогу въ жизни или, по крайней мѣрѣ, вступить на нее рѣшительнымъ и смѣлымъ шагомъ, какъ людямъ, умѣющимъ владѣть собой, уравновѣшеннымъ морально и физически, мужественно принимающимъ заранѣе долги и обязанности, налагаемые на нихъ въ этомъ мірѣ, понимающимъ, сколько благородства, красоты и истиннаго счастья въ хорошо заполненной жизни.

Эта книга скажетъ имъ, что нужно культивировать въ себѣ чувство, разумъ и волю; поддерживать здоровье своего тѣла и развивать физическія силы, данныя имъ природой; однимъ словомъ, слѣдовать принципамъ древней мудрости: хранить здоровый духъ въ здоровомъ, ловкомъ и сильномъ тѣлѣ.

И когда принадлежащее имъ человѣческое орудіе будетъ хорошо выковано, разумъ и тѣло твердо закалены, молодые люди приготовятся использовать ихъ во всѣхъ видахъ дѣятельности: частнаго человѣка, главы семейства, работающаго, поддерживающаго и воспитывающаго своихъ, гражданина, заня-

таго общественными дѣлами, заботящагося о благосостояніи, независимости и величіи своей страны.

Какъ частные люди, они захотятъ быть справедливыми, добрыми и терпимыми, будучи въ то же время проникательными и твердыми, дѣтельными и энергичными. Они ревниво будутъ хранить въ своей душѣ чувство чести, любовь къ прекрасному, доброму и великому. Они будутъ ненавидѣть зло, низкія и унижающія мысли и дѣйствія, ложь и трусость, позорящія человѣка.

Они будутъ продолжать развивать свое тѣло физическими упражненіями, приучать его переносить усталость, какъ для того, чтобы представлять собою первые элементы хорошаго солдата, нужнаго Родинѣ, такъ и затѣмъ, чтобы всегда сумѣть выпутаться въ матеріально затруднительныхъ обстоятельствахъ.

При помощи разума и твердой воли, они сохраняютъ здоровье; они сумѣютъ предохранить себя отъ большинства болѣзненныхъ зачатковъ, угрожающихъ слабымъ тѣламъ и безпокойнымъ умамъ; они не будутъ принимать слишкомъ всерьезъ тысячи маленькихъ физическихъ недугованій, отъ которыхъ люди не могутъ защититься, но которыя осложняются до болѣзни если только имъ придадутъ слишкомъ большое значеніе, останавливаютъ на нихъ вниманіе и пугаются ихъ.

Не только для этой слишкомъ легкой самозащиты захотятъ наши сыновья быть смѣлыми людьми.

Они научатся итти спокойно, смѣло и просто, навстрѣчу всему, предъ чѣмъ отступаютъ трусы: отвѣтственности, тяжелому труду, усталости, смертельной опасности.

Они будутъ любить жизнь, потому что она хороша и достойна того, чтобы ее прожить; но они не будутъ придавать ей такой цѣны, чтобы не пожертвовать ею, безъ колебанія и безъ сожалѣнія, для блага Націи, семьи или ихъ ближнихъ въ опасности.

Человѣкъ тогда только великъ, когда онъ видѣлъ смерть вблизи себя и смотрѣлъ ей въ лицо, хладнокровно и невозмутимо.

Всѣ должны быть способны на это, каковы бы ни были обстоятельства, въ какомъ - бы видѣ ни представилась смерть: среди бѣла дня и въ славѣ сраженія или въ темнотѣ и одиночествѣ, въ трагической агоніи несчастныхъ случаевъ или болѣзней, убивающихъ медленно, но безпощадно.

Смѣлый человѣкъ обладаетъ не только этимъ видомъ храбрости, которая, однако, уже является первичной доблестью.

Онъ обладаетъ еще моральной смѣлостью, гражданскимъ мужествомъ, благодаря которому онъ можетъ воспротивиться противному мнѣнію, несправедливой критикѣ, злословію и клеветѣ, когда онъ поступаетъ согласно принципамъ, руководящимъ честнымъ человѣкомъ и добрымъ гражданиномъ, когда онъ оправданъ признаніемъ своей совѣсти.

Наши сыновья будутъ знать, что они должны любить и уважать тѣхъ, кто далъ имъ жизнь, что ничто не можетъ освободить ихъ отъ принятыхъ ими при рожденіи обязательствъ, увеличивающихся съ каждымъ днемъ ихъ роста.

Они будутъ знать, что должны помогать своимъ братьямъ и сестрамъ, любить ихъ и своихъ родственниковъ въ разныхъ степеняхъ и что, вообще, обязанности по отношенію къ семьѣ находятся въ числѣ первыхъ и важнѣйшихъ изъ всѣхъ на нихъ лежащихъ.

Они поймутъ, что когда они будутъ въ возрастѣ мужчины и въ состояніи содержать себя, они, въ свою очередь, должны создать очагъ, основать новую семью, продолженіе той, изъ которой они произошли.

Это не что - то такое, что дѣлаютъ немного раньше или немного позже, или не дѣлаютъ совсѣмъ, по личному желанію, согласно своему вкусу. Это долгъ. Долгъ человѣческой, долгъ природы, въ то же время и долгъ социальный. Достоинство и моральная сторона жизни не одни заинтересованы въ бракѣ, хоть они и очень важны: есть еще страна, желающая дѣтей, раса, жаждущая продолжаться.

Не жениться, не создать семьи, когда это возможно, это — поступать эгоистически; хуже того: это значить, не выполнить важнаго долга человѣка и гражданина.

Черезъ семью увѣковѣчивается жизнь индивидуума: какъ онъ погружается въ прошлое черезъ своихъ предковъ, такъ вступаетъ онъ въ обладаніе будущимъ черезъ своихъ потомковъ.

Тамъ, гдѣ сильна семья, тамъ сильна сама Нація.

Когда трусость и безнравственность народа приводятъ его къ ослабленію семейныхъ узъ, народъ погибаетъ: его паденіе началось, и окончательная гибель близка.

Практическое осуществленіе семейныхъ обязанностей дѣлаетъ легкимъ и естественнымъ выполненіе обязанностей по отношенію къ обществу, обязанностей гражданина по отношенію къ Республикѣ.

Франція есть демократія; правительство ея — республиканское. Это фактъ и это право. Если всегда позволено тѣмъ, кто зналъ другой режимъ, сожалѣть о прошломъ, то навѣрное нѣтъ никого, кто не желалъ бы, чтобы сынъ его былъ человекомъ своего времени и своей страны.

Завтра, наши молодые люди будутъ гражданами Французской Республики.

Нужно, чтобы они были горды этимъ званіемъ и готовы нести его съ честью.

Они будутъ охранять законы, являющіеся выраженіемъ верховной національной власти, и если они могутъ желать измѣнить ихъ, воспользоваться для этого своимъ правомъ голоса и своимъ вліяніемъ, они однако никогда не должны ни бунтовать противъ нихъ, ни предпринимать чего либо такого, что могло бы привести къ волненіямъ въ странѣ.

Ревниво охраняя свою свободу и права, они будутъ уважать свободу и права своихъ согражданъ и ничего не предпримутъ для ихъ ограниченія. Верховный интересъ Государства и поддержаніе общественнаго порядка, равенство, уваженіе къ тому, чѣмъ самъ обладаешь, — даютъ для свободы единственныя пріемлемыя границы.

Нужно проникнуться тѣмъ фактомъ, что въ демократіи права всѣхъ равны. Умъ и знанія, не болѣе чѣмъ богатство и

имя, не дають никакихъ привиллегій, никакихъ частныхъ преимуществъ.

Но если права всѣхъ равны, — морально, по крайней мѣрѣ, существуетъ разница въ обязанностяхъ. Онѣ тѣмъ болѣе велики, возвышенны и многочисленны, чѣмъ лучше вооружень человѣкъ для жизни, чѣмъ умнѣе онъ, образованнѣе или богаче. Такой человѣкъ отвѣтственень передъ согражданами и націей за свои преимущества. Онъ обязанъ передъ ними заботиться объ обездоленныхъ сего міра, посвящать часть своего времени и своей дѣятельности общественнымъ интересамъ и публичнымъ функціямъ.

Во всемъ, подавая хорошій примѣръ, человѣкъ доказываетъ, что онъ лучше или выше другихъ.

Особенно важно обладать въ высокой степени первой добродѣтелью гражданина и республиканца: патриотизмомъ.

Если это долгъ сыновъ всякой страны, то въ сто разъ строже онъ и властнѣе для гражданина Республики, для француза двадцатаго вѣка.

Онъ одинъ несетъ отвѣтственность за судьбы Франціи. Внѣ и выше народной массы нѣтъ никакой власти, чтобы руководить ею, если она заблуждается, никакого провидѣнія, чтобы спасти ее, если она погибаетъ.

А въ состояніи, въ которомъ находятся Европа и весь міръ, наша страна стоитъ передъ дѣйствительными и великими опасностями. Среди народовъ, полныхъ силы и жизнеспособности, растущихъ со дня на день и достигшихъ огромныхъ размѣровъ, мы остановились въ своемъ развитіи. Вмѣстѣ съ силой, мы словно потеряли вѣру въ нашу славную судьбу. Франціи угрожаетъ паденіе, которое было бы хуже смерти, если бы смерть не явилась вслѣдъ за нимъ, скорая и неизбежная.

Въ часъ наступающей опасности, болѣе чѣмъ когда бы то ни было, нужно любить Родину, любовью пламенной, страстной и ревнивой. Нужно любить ее такъ, чтобы пожертвовать ей всѣмъ: имуществомъ, жизнью, дѣтьми; но, — и это, можетъ быть, еще труднѣе, — нужно черпать въ этой любви къ ней силу, смѣлость, — качества, которыя французы какъ будто нѣсколько забросили, и которыя заставляютъ насъ лично рабо-

тать, производить, предпринимать, расти и развиваться ростомъ національнаго благополучія и могущества.

— Работайте съ энтузіазмомъ, молодые люди; пашите и перепашивайте ваше поле, какъ совѣтовалъ баснописецъ: вы найдете въ немъ сокровище не только для самихъ себя, но и на пользу Родинѣ.

Работайте для нея, любите ее всѣмъ сердцемъ, всѣми силами вашей души.

Любите ее въ ея прошломъ, въ ея славѣ, въ ея несчастіяхъ. Любите ее за то, что она представляетъ великаго и благороднаго, за ея землю, плодосную, воспріимчивую и гостепріимную, за ея чудный климатъ, за ея лазурное небо.

Любите Родину за все это. Но особенно любите ее — и другихъ причинъ не нужно — за то, что она Франція и что вы французы.

Этой безконечной привязанностью, этой полной преданностью Родинѣ нужно быть проникнутымъ до самой глубины мысли и совѣсти. О такихъ вещахъ не спорять.

Пусть это не понравится софистамъ, но нельзя, въ самомъ дѣлѣ, безнаказанно снова обсуждать каждый вопросъ, оспаривать, одинъ за другимъ, принципы, представляющіе силу и смыслъ человѣческихъ обществъ; разбивать и унижать великія идеи и высшія представленія души, безъ которыхъ не стоило бы жить.

Рядомъ съ Родиной, самымъ святымъ и дорогимъ, что есть на свѣтѣ, надо поставить семью, чувства чести, долга, честности, справедливости... основу естественной и соціальной морали, не допускающую ни противорѣчій ни споровъ.

Любовь, уваженіе къ этимъ священнымъ лицамъ и вещамъ, представляютъ общую основу и правило для народа съ различными религіозными вѣрованіями, къ которымъ люди, достигшіе извѣстнаго возраста, начинаютъ въ большинствѣ относиться равнодушно, если не скептически.

На этомъ непоколебимомъ фундаментѣ должно покоиться сознание французской молодежи.

Молодежь можетъ быть сильна и дѣйствена, если только

она освобождена отъ противорѣчій, отъ общихъ сомнѣній, ослабляющихъ духовныя силы, нервирующихъ и парализующихъ дѣятельность.

Франціи нужны люди вѣры, смѣлости и воли.

Да сможетъ «Книга моихъ сыновей» содѣйствовать ихъ созданію.

8 сентября 1905 г.

П. Д.

І

ЧЕЛОВѢКЪ

ГЛАВА I.

ВОЛЯ И ХАРАКТЕРЪ

— Умѣй хотѣть; дѣлай, что долженъ.

Этими словами можно резюмировать многочисленныя правила для жизни.

— Исполниай свой долгъ. Будь во всемъ и всегда человѣкомъ долга.

Вотъ высшій законъ, моральное правило, которое должно всегда руководить поведеніемъ человѣка.

Но, чтобы съ нимъ сообразоваться, недостаточно только желать исполнять свой долгъ; нужно еще быть въ состояніи это сдѣлать. Нужно обладать волей и силой; нужно умѣть владѣть собой.

Это — важно и трудно.

Вотъ почему, молодой человѣкъ долженъ раньше всего стараться умѣть себѣ приказывать. Ему нужно овладѣть самимъ собою, своимъ духомъ и тѣломъ, движеніями своей души и всѣми дѣйствіями.

Быть хозяиномъ самого себя, это значить имѣть возможность сдѣлаться человѣкомъ добра; въ очень значительной степени, это значить также сдѣлаться хозяиномъ своей жизни, быть въ состояніи создать свое счастье.

Какъ добиться этого постоянного воздѣйствія на самого себя, которое кажется вначалѣ труднымъ, но которое практика дѣлаетъ легкимъ и почти машинальнымъ?

Какъ противиться неразумнымъ импульсамъ, увлеченіямъ, соблазнамъ, со всѣхъ сторонъ осаждающимъ человѣка? Какъ восторжествовать надъ склонностью къ бездѣятельности разсудка, надъ стремленіемъ предоставить свободу природнымъ влеченіямъ, которымъ такъ сладко и пріятно кажется подчиниться, когда не учиываешь послѣдствій?

Достигнуть этого можно воспитаніемъ и упражненіемъ воли.

Передъ своими фаворитами, предающими его и замышляющими убить, императоръ Августъ сдерживаетъ свое возмущеніе, свой гнѣвъ, свою жажду мести; ему удается восторжествовать надъ ними, чтобы дать волю разуму и сердцу. Борьба была жестокой; онъ чувствуетъ свою побѣду и, властелинъ міра, подтверждаетъ свою власть надъ самимъ собою, восклицая:

«Я владѣю собою, какъ владѣю вселенной;
Таковъ я есмь, такимъ хочу я быть...»

Человѣкъ слабый, пассивный, безвольный, безъ власти надъ собою, не знаетъ такой внутренней борьбы. Безъ сопротивленія скользить онъ по наклонной плоскости, куда влекутъ его самыя бѣглыя, самыя неразумныя душевныя движенія.

Наоборотъ, описанное Корнелемъ положеніе часто бываетъ, въ малыхъ дѣлахъ, какъ и въ большихъ, у тѣхъ, кто не хочетъ быть безсознательной игрушкой своихъ страстей. Многимъ приходится, такимъ образомъ, выдерживать тяжелую борьбу, въ которой они не всегда торжествуютъ.

Человѣкъ твердой воли, привыкшій приказывать самому себѣ, достигаетъ побѣды быстро и легко. Съ теченіемъ времени, когда ему удается создать эту счастливую привычку, онъ безспорно утверждаетъ въ себѣ власть разума и мудрости.

Сенека сказалъ: «Если ты хочешь покорить міръ, дай покорить себя разуму». Для французовъ двадцатаго вѣка, можно перевести это такъ:

— Ты будешь достоинъ управлять другими людьми, если только ты полный хозяинъ надъ собою, если дѣйствія твои продиктованы твоимъ разумомъ.

Итакъ, первое условіе, чтобы возвыситься, то же самое, которое позволяетъ стать человѣкомъ добра и счастливымъ человѣкомъ.

Не стоитъ ли это того, чтобы сдѣлать усиліе для его достиженія, чтобы пожертвовать въ молодости наслажденіями низшаго порядка, дабы овладѣть самимъ собою, т. е. стать способнымъ силою воли подчиняться дѣйствию разума?

Философы поставили Волю среди главныхъ способностейъ человѣка. По своему значенію, она не имѣетъ соперниковъ, кромѣ Ума, управляющаго идеями, долгомъ, соображеніемъ, и способности чувствовать, властвующей надъ впечатлѣніями, чувствами, желаніями.

Въ согласіи съ философіей, здравый смыслъ ставитъ волю на первое мѣсто среди человѣческихъ способностей, среди качествъ человѣка, достойнаго этого имени.

Энергичная, постоянная воля можетъ достигнуть всего въ области моральной; многое можетъ она и въ области матеріальной.

Только человѣкъ воли дѣйствительно свободенъ; онъ хозяинъ своихъ сужденій и своихъ актовъ; онъ управляетъ своими мыслями, чувствами, даже воображеніемъ, и все подчиняетъ въ себѣ власти разума. Онъ дѣйствуетъ согласно его предписаніямъ и приказамъ своей совѣсти; онъ способенъ управлять собою по жизненнымъ правиламъ, внушеннымъ ему мудростью.

Сильной волей человѣкъ достигаетъ власти надъ страстями, надъ тѣмъ, что въ нихъ дурного, чрезмѣрнаго или опаснаго, оставляя въ себѣ мѣсто лишь страстямъ великодушнымъ и благороднымъ; онъ рѣшительно отстраняетъ капризы, это безумное дитя слабости; онъ слѣдуетъ лишь чувствамъ, не противорѣчащимъ долгу. Нужно обладать желѣзной волей, чтобы быть человѣкомъ добра, человѣкомъ истинно добродѣтельнымъ. Но съ такой волей каждый можетъ рассчитывать на это совершенство, каковы бы ни были его недостатки, темпераментъ, стремленія, вкусы.

Въ текущей практикѣ жизни, въ тысячѣ повседневныхъ актовъ, столь важныхъ для насъ, ибо они составляютъ какъ бы канву нашего существованія, хорошо было бы имѣть твердыя правила, чтобы не обсуждать постоянно наши рѣшенія, а принимать ихъ простымъ актомъ нашей всегда бодрствующей воли.

Вы знаете, чего стоитъ умѣренность, и приняли за правило никогда не излишествовать за столомъ; вы знаете, напри- мѣръ, что дурно пить алкоголь или курить. Многочисленны и

часты будутъ побужденія и соблазны противъ принятыхъ вами рѣшеній. Нужно, чтобы ваша воля рѣшительно отстраняла ихъ. Ея ежедневное упражненіе въ этихъ малыхъ вещахъ подготовить ее къ дѣйствительному воздѣйствію въ болѣе важныхъ вопросахъ.

Въ области второстепенныхъ актовъ есть весьма естественныя влеченія, съ которыми воля должна бороться.

Предположимъ, что вы человѣкъ науки, человѣкъ кабинета, принужденный долго работать. Вы знаете, какъ важны физическія упражненія для здоровья, для равновѣсія вашего тѣла. Но послѣ утомительнаго дня, въ теченіе котораго вашъ мозгъ былъ все время занятъ, можетъ быть даже переутомленъ, вы жаждете покоя, вамъ хочется спокойно остаться дома или пойти куда нибудь на вечеръ, на какое нибудь удовольствіе, не имѣющее никакого отношенія къ вашимъ мускуламъ. Все влечетъ васъ къ этому рѣшенію, пріятному, но противному гигиенѣ и благоразумію. Если у васъ есть воля, вы сумѣете реагировать, вы «встряхнетесь»; вы дадите вашему тѣлу необходимое ему движеніе. Ему отъ этого будетъ лучше, и вашему мозгу тоже. Это простое и легкое практическое осуществленіе воли хорошо уже само по себѣ, по своимъ непосредственнымъ результатамъ, но особенно потому, что оно развиваетъ привычку «хотѣть», подготавливаетъ сильную волю для большихъ актовъ, для важныхъ случаевъ, гдѣ нужно умѣть рѣшиться, гдѣ, желая твердо, упорно и постоянно, можно прійти къ счастливымъ результатамъ.

Въ частныхъ дѣлахъ, какъ и въ дѣлахъ общественныхъ, благо пріобрѣтается волей. Конечно, она не единственный элементъ, необходимый для успѣха, но, во всякомъ случаѣ, она является первымъ условіемъ, безъ котораго другія недѣйствительны.

Если эта жизненная энергія, называемая волей, неизбѣжно даетъ результаты въ каждомъ дѣлѣ, разсматриваемомъ самостоятельно, то можно представить себѣ, какое вліяніе она должна имѣть на цѣлую жизнь, въ которой она постоянно проявляется.

Человѣкъ, сумѣвшій пріобрѣсти силу желать, опредѣляетъ въ значительной степени, собственную судьбу.

Онъ оставляетъ случаю и несчастнымъ обстоятельствамъ минимумъ вліянія на его жизнь. Онъ самъ кузнецъ своего успѣха и своего счастья.

Человѣкъ безъ воли, даже если онъ одаренъ большимъ умомъ, имѣетъ лишь весьма слабое вліяніе на собственную судьбу. Онъ является игрушкой событій; случай рѣшаетъ его участь. Онъ проходитъ въ жизни, какъ корабль безъ руля въ бурномъ океанѣ. Онъ плыветъ безъ управленія, увлекаемый всѣми вѣтрами и теченіями, до дня, когда затопятъ его волны.

Къ счастью, люди бездѣятельные, слабые, у которыхъ воля совершенно отсутствуетъ, являются исключеніями. Но и люди сильной воли, твердо закаленные для рѣшенія и дѣйствія — тоже исключенія.

Громадное большинство состоитъ изъ людей со слабой волей, съ умомъ нерѣшительнымъ. Они смогли бы сдѣлаться лучше, тверже, рѣшительнѣе, если бы они научились хотѣть.

Колебанія, нерѣшительность, которымъ они подвержены, это болѣзни, переходящія, съ теченіемъ времени, въ настоящій параличъ воли.

Въ извѣстныхъ положеніяхъ, быть колеблющимся и нерѣшительнымъ — самый опасный изъ недостатковъ. Когда онъ проявляется у начальника, онъ приводитъ къ катастрофамъ. Для тѣхъ, кто командуетъ солдатами, управляетъ гражданами, приказываетъ подданнымъ, рѣшительность является существеннымъ качествомъ.

Итакъ, общественная жизнь, какъ и частная, требуетъ умѣнія рѣшаться, способности хотѣть.

Тысячи хорошо извѣстныхъ историческихъ фактовъ говорятъ намъ о томъ, что можетъ совершить сильная воля. Нѣтъ ни одного великаго политическаго дѣятеля, ни одного великаго полководца, которые не обладали бы волей, рѣшительностью, упорствомъ.

Вотъ случайный примѣръ: Наполеонъ, несмотря на свою могучую волю, на свой военный геній, разбился, когда онъ ослабѣлъ, о непоколебимую волю Блюхера и Веллингтона. Будь менѣе сильная воля у того или другого изъ этихъ двухъ полководцевъ, и французская армія побѣдила бы при Ватерлоо. Это не гипотеза, это очевидный фактъ. Ряды англичанъ, распатан-

ные нашими атаками, колебались, готовые къ прорыву, и одна лишь воля «Желѣзнаго Князя» заставила ихъ продержаться до вечера. Блюхеръ, котораго Наполеонъ всегда разбивалъ, побѣжденный и лично опрокинутый французской конницей въ Линьи, хочетъ драться, жаждетъ побѣдить во что бы то ни стало и скачетъ на звуки пушекъ Ватерлоо. Геній побѣжденъ этимъ двойнымъ и энергичнымъ упорствомъ.

Въ другой области есть столь же убѣдительные примѣры, изъ которыхъ нѣкоторые стали, такъ сказать, классическими. Часто говорилось о благородномъ поведеніи того стойка, который, доказывая ученикамъ положеніе его школы, что боль не является зломъ, почувствовалъ въ эту минуту острый припадокъ подагры, но не обратилъ на него вниманія и побѣдилъ силой воли страшную боль.

Гете сообщилъ результатъ, котораго достигъ онъ самъ:

«Во время эпидемической лихорадки, производившей опустошенія вокругъ меня, говорить онъ, я долженъ былъ неминуемо заразиться; мнѣ удалось избѣгнуть этого однимъ лишь дѣйствіемъ твердой воли».

Когда воля, управляемая разумомъ, проявляется постоянно, когда она полностью развита и активна въ человѣкѣ, она становится «характеромъ».

Человѣкъ съ характеромъ есть человѣкъ воли, твердости и смѣлости.

Это то, что есть наилучшаго и въ то же время полезнѣйшаго и наиболѣе рѣдкаго.

Все, что говорится о счастливыхъ результатахъ силы воли, особенно вѣрно по отношенію къ характеру.

Характеръ столь же важенъ для того, чтобы творить добро, чтобы быть добродѣтельнымъ, какъ и для того, чтобы добиться успѣха и счастья.

При его помощи создаютъ свое духовное и интеллектуальное лицо, имъ же творятъ свою жизнь. Ему одинаково принадлежитъ первое мѣсто въ этомъ двойномъ дѣйствіи: внутреннемъ и внѣшнемъ.

Человѣкъ съ характеромъ растетъ интеллектуально, улучшается и совершенствуется.

Между двумя открытыми передъ нами путями — дорогой

добра и дорогой зла, — есть разница; послѣдній путь легокъ, — эта наклонная плоскость, къ которой влечеть; стоитъ отдаться ей, чтобы быстро соскользнуть въ пропасть. Путь добра труднѣе. Чтобы пройти его, нужны постоянное усиліе, упорная воля. Словомъ, нуженъ характеръ.

Улучшаться и совершенствоваться, стараться приобрести необходимыя качества и добродѣтели, бороться и разрушать въ себѣ пороки и недостатки, противиться влеченіямъ, отъ которыхъ надо оградить себя, страстямъ, которыя надо себѣ подчинить, — въ этомъ ежедневная работа, никогда не законченное дѣло.

Въ этомъ добро, добро, которое дѣлаютъ самимъ себѣ.

Есть и другое благо, не менѣе полезное: это то, которое приносятъ другимъ, морально и матеріально, совѣтомъ и примѣромъ, словомъ и дѣломъ.

Человѣкъ съ твердымъ характеромъ никогда не позволитъ отстранить себя отъ этой благородной и прекрасной задачи; онъ выполняетъ ее честно, методически, при свѣтѣ разума и подъ давленіемъ воли. Какъ императоръ - философъ, онъ можетъ и долженъ ежедневно производить смотръ своей совѣсти и своимъ дѣламъ, считать потеряннымъ день, когда ему не дано было быть полезнымъ другому, думать, размышлять, и находить въ этихъ размышленіяхъ новую твердость характера, новыя силы для жизненной борьбы.

Ибо, въ неизбежной борьбѣ за существованіе человѣкъ энергичной воли успѣваетъ лучше другихъ. Онъ вооруженъ для работы на свою пользу, на пользу своихъ, чтобы расти, возвышаться, осуществлять свои стремленія.

Характеръ содѣйствуетъ благополучію и счастьемъ гораздо больше, чѣмъ умъ и богатство.

Тѣмъ, кто хочетъ успѣть въ жизни и кто того достоинъ, нужно пожелать имѣть твердо закаленный характеръ. Остальное придетъ само собой.

Такое же пожеланіе надо сдѣлать своей странѣ: да будетъ у нея много людей, обладающихъ характеромъ! Да готовятъ ей такихъ людей молодая поколѣнія, культивируя свою волю, смѣлость и всѣ мужественныя доблести!

У погибающихъ націй нѣтъ недостатка въ людяхъ ума, можно даже сказать, — наоборотъ; но исчезаютъ люди съ характеромъ.

Къ счастью, Франція не въ такомъ положеніи.

Однако, нужно остерегаться. Въ общественной жизни уже относятся подозрительно къ людямъ съ характеромъ и боятся ихъ. Умъ и талантъ еще ничего: ихъ на время переносятъ. Людей воли и энеріи отстраняютъ, если они не устраняются сами*).

Нѣтъ надобности подчеркивать опасность, которую могутъ породить такіе политическіе нравы.

Англійскій народъ имѣетъ иное, чѣмъ мы, представленіе о цѣнности человѣка. Тамъ характеръ цѣнится выше всего.

Достаточно посмотрѣть, что происходитъ во французской и въ англійской школѣ, когда выдается особенная награда. Во французской школѣ награда выдается ученику, считающемуся самымъ умнымъ; въ англійской школѣ ее выдаютъ тому, кого отличаетъ сила характера.

Несомнѣнно, что нравы тутъ не мы.

Есть въ человѣкѣ, и во французѣ въ частности (ибо его я имѣю въ виду), элементы твердой воли; есть энергія, способности, которыя, за недостаткомъ ухода и культуры, остаются безъ употребленія, инертными и какъ - бы не существующими.

У человѣка, наиболѣе одареннаго физически, мускулы атрофируются, тѣло ослабляется, если они остаются безъ упражненія и работы. Не то ли самое происходитъ съ моральными способностями?

Если мы культивируемъ нашъ умъ, по крайней мѣрѣ въ юности, когда же формируемъ мы свой характеръ?

Пора для молодыхъ людей, къ которымъ я обращаюсь, ра-

*) Эта подозрительность по отношенію къ людямъ съ характеромъ, примѣнявшійся къ нимъ остракизмъ, едва не оказались для насъ гибельными во время войны. Выборъ многихъ начальниковъ арміи производился самымъ неудачнымъ образомъ.

ботать надъ этой формировкой, надъ этимъ духовнымъ развитіемъ своей личности.

Это должно быть ихъ первой и главной заботой.

Чтобы добиться результата, чтобы научиться хотѣть, нужно приняться за это съ рѣшительностью и постоянствомъ. Нужно упражнять свою волю безъ отдыха, безъ усталости, применять ее къ собственному совершенствованію, и ко всѣмъ жизненнымъ актамъ.

Цѣль въ томъ, чтобъ сдѣлать изъ себя человѣка съ характеромъ, владѣющаго собой, способнаго направлять свою жизнь, регулировать свои дѣйствія, быть кузнецомъ своего собственнаго счастья и счастья другихъ, съ пользой и честью служить своей родинѣ.

Если ты рѣшилъ достигнуть этой цѣли, читающій меня юноша, помни о первыхъ словахъ этой главы:

— Умѣй хотѣть!

ГЛАВА II.

Д О Л Г Ъ

Я предполагаю, что это первое и необходимое условие выполнено: человекъ властенъ надъ собой.

Его воля, утвержденная, развитая упражненіемъ, укрѣпленная — создала характеръ.

Къ чему примѣнить онъ себя? Чего будетъ желать?

Онъ захочетъ со всей своей энергіей дѣлать то, что хорошо и разумно, что диктуютъ ему разумъ и совѣсть.

— Дѣлай то, что ты долженъ... теперь, когда ты умѣешь хотѣть.

Воля — только инструментъ, инструментъ необходимый, важнѣйшій, но цѣнный только по тому, что онъ можетъ производить.

Что будетъ онъ производить? Добро, т. е. то, что *должно* быть сдѣлано, то, что есть *долгъ*.

Исполнять свой долгъ. — Есть - ли что либо прекраснѣе этихъ словъ, что либо благороднѣе ихъ содержанія?

Это выраженіе звучитъ строго: чувствуется, что оно исполнено важнаго спокойствія, смѣлости и, въ случаѣ надобности, самопожертвованія.

Кажется, что нельзя объяснить, комментировать его, не ослабляя его въ то же время, не лишая нѣкоторой части его спокойнаго героизма.

Къ тому же, невозможно точно опредѣлить, что такое долгъ. Мы находимъ это сознаніе въ себѣ самихъ, и никакія опредѣленія ничего къ нему не прибавятъ.

Сказать вмѣстѣ со Школой, что долгъ есть «то, къ чему обязываетъ законъ или совѣсть», или что это «категорическій императивъ разума, принципъ дѣйствія, основанный на мораль-

номъ законѣ», — значить ничего не прибавить къ тому, что уже одно слово «долгъ» выражаетъ ясно и возвышенно.

Идея о долгѣ вложена въ душу человѣка.

Она такъ же естественна, такъ же слилась съ нимъ, съ самой глубиной его сущности, какъ чувство любви.

Человѣкъ добра, человѣкъ съ характеромъ, всегда готовъ исполнить свой долгъ.

Однако, принято говорить, что во многихъ обстоятельствахъ легче исполнить свой долгъ, чѣмъ сдѣлать противоположное. Часто это правда.

Слѣдовательно, нужно учиться различать свой долгъ. Частично, онъ вписанъ въ законы. Что касается остального, его диктуютъ разумъ и совѣсть.

Обязанности, предписываемыя закономъ, есть долгъ элементарный, существенный, выполненіе котораго необходимо для существованія общества.

Не убій; не бери у другого того, что принадлежитъ ему; почитай отца и мать своихъ; дай имъ пропитаніе, если оно имъ нужно; будучи супругомъ, ты долженъ дать своей женѣ вѣрность, помощь и поддержку; будучи отцомъ, ты долженъ кормить, содержать и воспитывать своихъ дѣтей...

Таковы, между прочимъ, и въ качествѣ примѣровъ, правила, предписываемыя человѣку закономъ. Сообразоваться съ ними, значить совершать простой актъ честности.

Мораль предписываетъ болѣе многочисленныя, болѣе возвышенныя обязанности, которыхъ законъ не знаетъ. Онѣ не внесены въ сводъ законовъ, какъ легальныя обязанности, и не могли бы ими быть.

Однако, и моральныя правила могутъ быть сформулированы. Существуетъ кодексъ долга, точный, установленный и положенія его всегда должны быть въ нашемъ умѣ, дабы руководить нашимъ поведеніемъ безъ колебаній, безъ вѣчно возобновляемыхъ споровъ съ самими собой. Исключительные случаи, требующіе внимательнаго обсужденія разума и рѣшенія совѣсти, еще слишкомъ часты и многочисленны, чтобы не подчиняться, въ обычныхъ обстоятельствахъ, общимъ правиламъ, установленнымъ заранѣе и остающимся неизмѣнными.

Эти правила представляют собою нормальную основу жизни. Они должны быть общими для цѣлаго народа, если онъ хочетъ имѣть свое мѣсто и играть свою роль въ человѣчествѣ, если онъ хочетъ итти въ будущее твердымъ шагомъ, создать себѣ славную судьбу.

Никому не принадлежитъ представлять эти правила въ формѣ какого либо «кредо»; они выявляются, ясныя и твердыя, изъ разсмотрѣнія частныхъ обязанностей человѣка.

Каковы препятствія, съ которыми сталкивается душа человѣческая въ представленіи объ обязанностяхъ или въ ихъ приемлемости? Другими словами, что въ насъ самихъ борется съ долгомъ?

Это, во - первыхъ, выгода, личный интересъ, доведенный до эгоизма. Часто, это также чувства, въ частности, страсть. Кромѣ того, — лѣнь и трусость.

Выгода есть врагъ долга, чаще всего встрѣчающійся и самый опасный. Его руководства въ принимаемыхъ рѣшеніяхъ долженъ болѣе всего остерегаться человѣкъ добра, съ сильной волей.

Дѣло не въ томъ, что личный интересъ долженъ быть изгнанъ изъ числа стимуловъ нашихъ дѣйствій. Это было бы абсурдно и, къ тому же, невозможно. Естественно и законно, чтобы мы заботились о своей выгодѣ. Это и потребность и необходимость. Но личный интересъ не можетъ служить правиломъ морали. Когда ему противится долгъ, между ними двумя нельзя колебаться: нужно избрать долгъ.

Мораль личной выгоды, даже правильно понятой, въ высшемъ смыслѣ слова, данномъ ему Эпикуромъ, есть мораль недостаточная, опасная, гибельная для пріившихъ ее обществъ. Для творенія блага личнаго и блага общественнаго, существуетъ только мораль долга.

Думать, что работаешь съ пользой для себя, когда считаешься только съ личной выгодой, не ограничивая ее справедливостью, не подчиняя ее долгу, есть грубая ошибка.

Великій человѣкъ добра, которымъ былъ сэръ Джонъ Любокъ (впослѣдствіи лордъ Авебюри) писалъ:

«Вы ничего не прибавите къ своему счастью, пренебрегая долгомъ или обходя его».

И, принимая на свой счетъ слова Уордсворда, англійскій поэтъ семейнаго очага говоритъ также:

«Признакъ человѣка благоразумнаго, какъ и человѣка добродѣтельнаго — не вступать въ разсужденія съ недостойными опасеніями.

Куда зоветъ долгъ — онъ идетъ доврчиво;
Если того требуетъ долгъ, онъ борется съ тысячью
опасностей

И, съ вѣрой въ своего Бога, побѣждаетъ ихъ всѣ».

Итакъ, личный интересъ, въ своей двойной формѣ, полезной и пріятной, если въ нашихъ дѣйствіяхъ онъ не противорѣчить разуму, всегда будетъ подчиненъ долгу.

Такъ же должно быть и по отношенію къ чувству и къ страсти.

Они также являются возможными врагами долга.

Чувства, даже самыя великодушныя, не могутъ быть вѣрнымъ руководителемъ; они не должны стать хозяевами нашихъ дѣлъ; ихъ должно подчинять вліянію разума, который борется съ ними и отвергаетъ ихъ, если они противны принятымъ нами моральнымъ правиламъ, если они идутъ противъ верховнаго закона о долгѣ.

Ему подчинена должна быть и страсть, страсть особенно.

Это движеніе души, часто сильное и безразсудное, можетъ воспротивиться нашимъ моральнымъ обязанностямъ. Человѣкъ воли покоряетъ его, подчиняетъ его разуму.

Борьба между страстями и долгомъ — вещь слишкомъ обычная, чтобы настаивать на ней: она наполняетъ исторію, романы, театр. Она есть и была во всѣ времена и во всѣхъ странахъ.

Человѣкъ съ характеромъ — хозяинъ надъ своими страстями; человѣкъ слабый — игрушка въ ихъ рукахъ.

У послѣдняго долгъ уступаетъ страсти, и лишь только того хотять обстоятельства, онъ идетъ къ моральному униженію и къ матеріальнымъ катастрофамъ.

Чтобы взять наиболѣе важные случаи, посмотрите, что довело мало по малу до полнаго паденія человѣка, покинувшаго свой очагъ, жену, дѣтей, чтобъ итти жить съ какой нибудь недостойной женщиной; банкира или дѣловаго человѣка, бѣжавшаго за - границу, оставивъ за собою пустую кассу и пустой кошелекъ своихъ кліентовъ, людей, довѣрившихся ему. Поищите и вы навѣрное найдете какую нибудь низкую страсть, которой онъ предался, забывъ все, благоразуміе и осторожность, забывши свой долгъ или бѣжавъ отъ него.

Внѣ этихъ жалкихъ и трагическихъ фактовъ, есть тысячи другихъ, гдѣ человѣкъ жестоко наказанъ за то, что нарушилъ свой долгъ и уступилъ своей страсти.

Впрочемъ, не изъ - за вѣрнаго, неизбѣжнаго наказанія слѣдуетъ поступать иначе. Нужно слѣдовать долгу, потому что это долгъ. Нѣтъ другой причины, которая была бы выше или равной этой.

Нужно повиноваться долгу, несмотря на выгоду, на чувство, на страсть; нужно повиноваться ему, даже если это требуетъ большихъ усилій и жертвы.

На самомъ дѣлѣ, лѣнь и трусость — не меньшія препятствія въ исполненіи своего долга.

Чаще всего, выполненіе своего долга, долга положительнаго, требуетъ дѣйствія, акта. Требуемое для этого усиліе смущаетъ слабые умы и тѣла. Зачѣмъ дѣйствовать, говорить себѣ человѣкъ, когда такъ легко и сладко оставаться въ покоѣ? Дѣлать или не дѣлать? Не дѣлать — настолько легче.

Если воля не борется, не приказываетъ, тогда побѣждаетъ лѣнь, тогда уступаетъ долгъ.

Человѣкъ съ закаленнымъ характеромъ не знаетъ лѣни; а если даетъ себя чувствовать усталость, то и тогда онъ не предается ей. Онъ покраснѣлъ бы, еслибъ не выполнилъ своего долга, даже въ мелкихъ вещахъ, въ минуту упадка физической или моральной энергіи.

Еще менѣе можно ожидать отъ него акта трусости. Это вещь невозможная для настоящаго мужчины. Трусость и ложь, это самое унижительное въ жизни.

А между тѣмъ, трусость не рѣдка въ жизни. Быть можетъ,

трусость такъ же часто, какъ эгоизмъ, отклоняетъ отъ долга. Если, въ извѣстныхъ случаяхъ, выполнение долга сопряжено съ опасностью, то это не причина, чтобы отступить, — напротивъ. Нужно выполнять свой долгъ рѣшительно, смѣло, каковы бы ни были послѣдствія. Представляющаяся опасность только усиливаетъ благородство акта и придаетъ ему больше красоты.

Пожертвовать жизнью своему долгу — вотъ что нужно умѣть сдѣлать безъ колебаній и сожалѣнія. Часто отдаютъ свою жизнь дешево, если не совсѣмъ даромъ. Пустая неосторожность, болѣзнь, которую можно было бы благоразумно предотвратить, — прекращаютъ наши дни безъ всякой пользы. Люди умираютъ бесполезно, глупо, бессмысленно.

И мы согласились бы отступить, мы съ ужасомъ или горечью взирали бы на минуту смерти, если - бы эта жертва оплачивалась такой высокой цѣной: сознаниемъ выполненнаго долга?

На Дальнемъ Востоку я нѣсколько разъ чувствовалъ передъ собою смерть: я исполнялъ свои функціи, я выполнялъ свой долгъ. Вокругъ себя я видѣлъ то же спокойствіе у всѣхъ, у кого не размякла душа.

Какая смерть можетъ быть лучше, чѣмъ принятая мужественно, во исполненіе долга?

Трусъ, не принимающій ея, когда представляется рѣдкій случай доблестно умереть, совершаетъ дурной поступокъ; но это также плохой расчетъ. Отдавая часъ смерти, онъ не избѣгнетъ ея, но умереть безъ сладкаго спокойствія, какое даетъ удовлетворенная совѣсть.

Необходимо говорить о смерти, другими словами, о величайшей жертвѣ, какой можно требовать отъ человѣка, чтобы показать, до какой степени законъ долга выше всего, съ какимъ уваженіемъ нужно къ нему относиться. Нужно подчиняться ему, каковы бы ни были послѣдствія.

«Исполняйте свой долгъ, и предоставьте остальное богамъ».

Да, исполняйте свой долгъ всегда и во что бы то ни стало. Въ этомъ несокрушимая моральная обязанность, и это благо.

И если подумать о пользѣ, то очевидно, что въ исполненіи долга есть выгода. Человѣкъ долга, за котораго стоитъ сви-

дѣтельность его совѣсти, пользуется, въдобавокъ, въ жизни преимуществами, на которыя не могутъ разсчитывать другіе. Въ тысячѣ формъ получаетъ онъ заслуженную награду.

Ибо, если хорошенько разсудить, въ этомъ мірѣ больше справедливости, чѣмъ можно подуматъ. Если смотрѣть не только поверхностно, то видишь, что лучшая участь все же предоставлена людямъ добра, совѣстливымъ и энергичнымъ.

Фактъ этотъ драгоцененъ и утѣшительнъ, хотя онъ и не покоится ни на какомъ моральномъ принципѣ.

Долгъ, диктуемый разумомъ и выполняемый волею, не требуетъ никакого другого удовлетворенія, кромѣ спокойной совѣсти. Это дѣло касается только души и внѣшнія вліянія его не трогаютъ.

На практикѣ долгъ дѣлается человѣчнымъ, онъ разнообразится; онъ сообразуется съ безчисленными условіями нашей жизни; онъ вызываетъ *обязанности*.

А обязанности дѣлятся и подраздѣляются на безчисленныя правила, въ зависимости отъ различныхъ проявленій частной и общественной жизни. Эта двойственность нашего существованія указываетъ уже на два рода обязанностей: обязанности человѣка и обязанности гражданина.

Послѣднія, надъ которыми царить высшая изъ всѣхъ обязанностей — обязанность по отношенію къ родинѣ, будутъ здѣсь разсмотрѣны особо.

Обязанности частнаго человѣка суть обязанности его по отношенію къ самому себѣ, къ своей семьѣ и къ другимъ людямъ. Часто эти три категоріи обязанностей переплетаются и сливаются и лишь дидактическій порядокъ учебника морали приводитъ къ ихъ постоянному различію и отдѣльному анализу.

Къ тому же, намъ почти всегда приходится выполнять ихъ одновременно и во взаимномъ согласіи.

Когда эти обязанности не находятся во взаимномъ противорѣчій и не мѣшаютъ другъ другу, эта задача легка. Но какъ часто стоятъ передъ нами обязанности противорѣчивыя и даже противоположныя!

Если бы можно было составить точную лѣстницу по ступенямъ цѣнности нашихъ обязанностей, установить іерархію

между ними, это облегчило бы принятіе рѣшеній въ тѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, когда разумъ колеблется или совѣсть смущена. Никакому философу, никакому моралисту не удалось до сихъ поръ добиться признанія какого - либо порядка или іерархіи обязанностей.

Происходитъ это потому, что слишкомъ много въ нихъ человѣческихъ элементовъ, не поддающихся классификаціи и расчету.

Однако, здравый смыслъ, простая логика, въ совокупности съ сердцемъ, устанавливають превосходство и гегемонію извѣстныхъ обязанностей надъ другими.

Долгъ по отношенію къ родинѣ отстраняетъ, уничтожаетъ, такъ сказать, иногда всѣ другія обязанности. Даже обязанности по отношенію къ семьѣ, самыя дорогія и священныя, исчезаютъ, когда приказываетъ долгъ Родинѣ.

Когда на Францію нападаютъ, когда врагъ вторгается въ нее и угрожаетъ ея независимости, она требуетъ отъ своихъ дѣтей всей ихъ активности, всей ихъ крови, даже всѣхъ помысловъ. Внѣ ея больше ничто не существуетъ. Ея спасеніе — высшій законъ.

Говоря о германскомъ вторженіи въ 1870-мъ году, Викторъ Гюго упоминаетъ о женщинахъ - патріоткахъ, которыя принимаютъ все:

«Голодь, ужасъ, сраженіе, не видя ничего,
Кромѣ великой Родины и великаго Долга».

Въ эти трагическіе часы разуму не приходится взвѣшивать; совѣсть спокойна: долгъ ясенъ, его приказы категоричны.

Въ нормальное время, конфликты между нормальными обязанностями нерѣдки, и нѣтъ абсолютнаго правила для ихъ разрѣшенія. Можно только, можетъ быть, сказать, что тѣ изъ нашихъ обязанностей, которыя ближе къ намъ, стоятъ, такъ сказать, у нашихъ дверей, являются, въ большинствѣ случаевъ, самыми срочными и имъ слѣдуетъ отдавать преимущество.

Мы больше обязаны членамъ нашей семьи, чѣмъ другимъ лицамъ, нашимъ согражданамъ больше, чѣмъ иностранцамъ.

Цитируютъ, какъ умственную аберацію, случай съ тѣмъ англійскимъ пасторомъ, который бросилъ семью и дѣтей, оставивъ ихъ въ нуждѣ, чтобы уйти проповѣдывать евангеліе и идеи цивилизаціи среди дикихъ африканскихъ племенъ, о существованіи коихъ онъ только что узналъ. Онъ нарушилъ свои непосредственныя, точныя обязанности, чтобы исполнить долгъ, столь же смутный, сколь отдаленный. Истинному добру, которое было на его обязанности, онъ предпочелъ добро сомнительное, къ которому ничто его не принуждало.

Это было дѣйствіе неразумное, нарушавшее долгъ.

Донъ - Кихоты имѣютъ право бѣжать къ вѣтрянымъ мельницамъ только тогда, когда они не оставляютъ позади никого, кто бы страдалъ отъ ихъ ухода.

Къ тому же, нѣсколькихъ образцовъ такого типа достаточно для человѣчества.

То что ему нужно, что въ большемъ числѣ требуется для націи, это люди разума, воли и смѣлости, идущіе въ жизни рѣшительно и гордо, руководствуясь своимъ долгомъ. . .

Молодой французъ, готовься стать человѣкомъ, въ которомъ Франція такъ нуждается!

— Дѣлай то, что долженъ!

ГЛАВА III.

МУЖЕСТВО

Мы видѣли, что выполненіе долга, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, сталкивается съ препятствіями, съ противодѣйствіемъ, для преодоленія которыхъ требуется истинное мужество.

Мужество есть качество. Во времена не столь отдаленныя когда оно цѣнилось еще выше, чѣмъ сейчасъ, оно считалось главнымъ качествомъ человѣка. Обладаніе имъ было вполне достаточно для добраго имени; ничто другое не считалось.

«Смѣлые мужчины и цѣломудренныя женщины» — говорилось о знатныхъ родахъ, честь имени коихъ была незапятнана.

Было - бы чрезмѣрнымъ считать, что мужество замѣняетъ все. Смѣшно было бы думать такъ сейчасъ, когда оно имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

Однако, и сейчасъ, это большое и необходимое качество.

Безъ мужества человѣкъ разума и воли ничего не достигаетъ. Онъ безсиленъ въ большихъ дѣлахъ, въ важныя и рѣшительныя минуты.

— Не всѣ рождаются смѣлыми, — скажутъ мнѣ. — Это вопросъ темперамента.

Есть доля истины въ этомъ замѣчаніи, такъ какъ много людей, мужественныхъ отъ природы. Но всѣ, безъ различія, могутъ сдѣлаться таковыми.

Мужество пріобрѣтается, какъ пріобрѣтается благоразуміе и воля.

Часто на полѣ сраженія тѣ, кто сражаются особенно смѣло и побѣждаютъ — въ началѣ битвы бываютъ особенно взволнованы и испытываютъ физическій страхъ, котораго стыдятся.

Тюренинъ рассказываетъ, что, даже послѣ двадцати лѣтъ сраженій, тѣло его дрожало отъ страха, когда должна была начаться битва. И, со смѣсью гнѣва и ироніи, великій полководецъ говорилъ самому себѣ:

«Дрожи, жалкая плоть. Ты дрожала бы еще больше, если бы знала, куда я поведу тебя».

Истинное мужество зависитъ отъ воли человѣка, умѣющаго владѣть собой, обладающаго чувствомъ долга, доведеннымъ до самопожертвованія.

Точно такъ же, какъ въ упражненіи воли, привычка къ мужеству дѣлаетъ его легкимъ на практикѣ.

Совершить первый дѣйствительно смѣлый актъ, когда опасность велика, значить сдѣлать легкими проявленія мужества впослѣдствіи, когда снова представится на то случай.

Тотъ, кто не побоялся морской бури и вѣтра, чтобы броситься на помощь погибающему кораблю, охотно возобновить свой подвигъ въ другой разъ, съ твердымъ духомъ и смѣлой увѣренностью.

Солдаты дрожатъ всѣмъ существомъ своимъ и кланяется пулямъ въ первыхъ битвахъ. Впослѣдствіи, онъ смѣло будетъ идти въ огонь, глядя, какъ смерть косить вокругъ него, и душа его ни на минуту не смутится, и тѣло его не вздрогнетъ.

Итакъ, разъ возможно упражняться въ мужествѣ, нужно это дѣлать. Привычка быть мужественнымъ, пріобрѣтенная въ малыхъ вещахъ, облегчить необходимыя усилія въ вещахъ болѣе важныхъ, чтобы идти, когда нужно, на опасность, страданія и смерть.

Мужество внушается намъ долгомъ.

Такимъ образомъ, возможная награда и мнѣніе другихъ никогда не должны были бы быть стимулами нашихъ дѣйствій. Однако, слишкомъ много людей, гордящихся своими смѣлыми дѣяніями, которые не поступали бы такъ въ тѣни, въ увѣренности, что подвигъ ихъ останется неизвѣстнымъ, какъ они дѣлаютъ это при свѣтѣ, подъ апплодисменты толпы.

Нельзя сказать, чтобы эти люди не были смѣлы, но смѣлость ихъ весьма низкаго качества. Искать награды за доброе дѣло вмѣсто одного самоудовлетворенія отъ сознанія исполненнаго долга, значить сильно уменьшить свою заслугу.

Ла-рошфуко совершенно правильно сказалъ:

«Истинная смѣлость въ томъ, чтобы дѣлать безъ свидѣтелей то, на что способенъ передъ всѣми».

Истинное мужество въ совершеніи того, что диктуетъ долгъ.

Мужество — *едино*.

Человѣкъ мужественный смѣлъ во всемъ, во всѣхъ дѣлахъ.

Трусъ — всегда трусъ.

Его жалѣютъ и презираютъ. Ничто не унижаетъ такъ, какъ трусость. Лгунъ и трусъ — самыя жалкія существа. Впрочемъ, ложь — своего рода трусость.

О фабричномъ рабочемъ, о мужикѣ, о всякомъ труженникѣ, исполняющемъ свое дѣло не теряя времени, не жалѣя силъ, можно сказать, что они мужественны.

Проявляемый ими родъ мужества есть тоже мужество, безъ всякихъ прибавленій.

Это то же мужество, которое воодушевляетъ солдата на полѣ сраженія, толкаетъ его на опасность и на смерть.

Это то же мужество, которое побуждаетъ смѣлаго человѣка бороться съ препятствіями, трудностями, опасностями.

Это все то же мужество, съ которымъ принимаются безъ колебаній и ропота всѣ жизненныя обязанности, будь онѣ наложены долгомъ или вызваны великодушіемъ, безъ всякаго морального обязательства.

Трусость — тоже *едина*.

Изъ трусости уклоняются отъ труда, бѣгутъ передъ усталостью, какъ изъ трусости отступаютъ въ сраженіи, бѣгутъ передъ врагомъ, передъ опасностью, передъ смертью.

Изъ трусости человѣкъ слабъ или эгоистиченъ, трусливъ во всемъ, передъ тяжелымъ или опаснымъ долгомъ, боится принять на себя обязанности, связанные съ семьей, отступить и бѣжить передъ тѣмъ, что приноситъ съ собой жизнь тяжелаго, но и хорошаго, прекраснаго.

Трусость унижительна, но она и глупа. Трусъ, въ общемъ, плохо рассчитываетъ свой покой и безопасность. То и другое покупается усиленіемъ и мужествомъ.

Солдатъ, уступающій страху и бѣгущій съ поля сраженія, легче можетъ быть убитъ, чѣмъ тотъ, который борется съ врагомъ и остается на посту, гдѣ не всегда больше всего опасности.

Человѣкъ, у котораго не достаетъ мужества въ работѣ,

который и здѣсь отступаетъ или бѣжитъ, идетъ въ нищетѣ и готовить себѣ дни, труднѣе и тяжелѣе тѣхъ, какіе онъ провелъ бы, работая отъ всего сердца и обезпечивая свою будущность.

Въ этихъ случаяхъ, невыполненіе долга, отсутствіе мужества, влечетъ за собой скорое и справедливое возмездіе.

Смѣлость передъ смертію не въ томъ только состоитъ, чтобы не отступать при ея приближеніи и принимать ее безъ отчаянія.

Часто человѣкъ видитъ ея приближеніе, когда она неизбежна. Мужество тогда состоитъ въ томъ, чтобы спокойно ждать и приготовиться принять ее съ ясной и твердой душой.

Въ теченіе вѣковъ дается въ примѣръ смерть Сократа. И не только потому, что философъ отказался бѣжать отъ исполненія несправедливаго приговора. Сила въ томъ, что онъ ждалъ смерти, какъ герой долга, какъ человѣкъ прекрасный и смѣлый, безстрашный передъ кончиной, съ сознаниемъ, что онъ заполнилъ прекрасную жизнь.

Въ своихъ діалогахъ Платонъ рассказываетъ о послѣднихъ минутахъ своего учителя. Слуга Афинскаго трибунала поднесъ Сократу кубокъ съ ядомъ. «Онъ принялъ его спокойно, не содрогнувшись, не измѣнивъ ни цвѣта, ни выраженія лица... Мнѣ все же позволено, сказалъ онъ, обратиться съ молитвой къ богамъ и просить ихъ, чтобы я счастливо перешелъ изъ этого міра въ иной. Объ этомъ прошу я ихъ, и да внемлютъ они моей молитвѣ. — И, произнося эти слова, онъ приблизилъ кубокъ къ устамъ, и безъ усилія, безъ возмущенія, опорожнилъ его».

Когда собравшіеся вокругъ него друзья плакали, рыдали и жаловались, Сократъ не далъ волненію овладѣть имъ. Онъ убѣждалъ друзей: «Оставайтесь съ миромъ и ободритесь!»

Эту смерть праведника стоило напомнить.

Можно было - бы цитировать сто другихъ случаевъ смерти, переданныхъ намъ исторіей, рассказанныхъ или живущихъ въ нашихъ воспоминаніяхъ, передъ которыми мы съ восхищеніемъ преклоняемся.

Лѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ, я присутствовалъ при кончинѣ двухъ человѣкъ, которой предшествовала длинная, страшная агонія при полномъ сознаніи. У того и

другого лицо было изрыто ракомъ, который медленно ихъ обезображивалъ и приближалъ ихъ къ неизбежной смерти, при чемъ можно было исчислить, сколько дней оставалось имъ жить. Къ ужасу этого приговора на срокъ нужно прибавить постоянныя страданія, тяжелое и унижительное сознаніе быть предметомъ жалости, а также физическаго отвращенія тѣхъ, кто приближался къ этимъ жертвамъ неумолимой судьбы.

Одинъ изъ нихъ былъ директоръ нашей Высшей Нормальной Школы, Эженъ Берсо; другой — Жоффренъ, бывший рабочій, ставшій представителемъ одного изъ участковъ Парижа въ Палатѣ Депутатовъ. Тотъ и другой, въ разныхъ областяхъ, были людьми выдающимися. Во время ихъ длительной агоніи они показали, что стоили много больше: они были людьми исключительной моральной силы, героическаго мужества. Спокойные, можно сказать, улыбающіеся, несмотря на отвратительныя язвы, покрывшія ихъ лица, они не ослабѣли ни на одинъ день, и оставались самими собою, когда передъ ними уже открывалась могила. Они до конца выполнили свою жизненную задачу, и ни страданія, ни присутствіе явной и стерегущей ихъ смерти ни на минуту не смутили ихъ души.

Смерть Берсо и Жоффрепа достойна смерти Сократа.

Еще ближе къ намъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ я пишу эти строки, люди познали медленную и роковую смерть.

Подводная лодка «Фарфад» затонула на рейдѣ въ Бизертѣ, съ десяткомъ матросовъ и ихъ молодымъ начальникомъ, мичманомъ, запертыми въ заднемъ отдѣленіи лодки. Находившагося въ ихъ отдѣленіи воздуха было слишкомъ мало, чтобы позволить имъ долго дышать. Но кромѣ порчи воздуха, была еще другая причина, которая неизбежно должна была вызвать смерть: дверь и перегородка, отдѣлявшія эту часть корабля отъ остального пространства, наполнявшагося водой, не были герметически закрыты, и вода просачивалась, проникая мало по малу въ тѣсное помѣщеніе.

Корабль покоился на днѣ, на десяти метрахъ глубины. На поверхности работали, чтобы извлечь со дна этихъ плѣнниковъ моря. Надежда была слаба, ввиду недостаточности средствъ Бизертскаго порта. Я не буду описывать спасательныхъ работъ.

въ результатѣ которыхъ лодка была извлечена, но люди погибли.

Они отдавали себѣ отчетъ въ усиліяхъ спасти ихъ, подавали знаки водолазамъ стукомъ въ борты корабля, стѣны ихъ тюрьмы, а скоро и ихъ гроба. Вода все подымалась, уменьшая свободное пространство. Они защищались до послѣдней минуты, испробовали все, чтобы сохранить немного чистаго воздуха. Когда борьба кончилась и наступило неизбѣжное пораженіе, они вошли въ вѣчный покой.

Когда, черезъ нѣсколько дней, корабль былъ извлеченъ, найдены были тѣла погибшихъ моряковъ. Лица ихъ были спокойны, мускулы не были сжаты. Казалось, они уснули съ миромъ въ душѣ, какъ честные люди, исполнившіе до конца свой долгъ и кому жертва жизнью ничего не стоитъ.

Для тѣхъ, кто знаетъ характеръ моряковъ, прекрасный по своей смѣлости, по своей геройской простотѣ, нѣтъ сомнѣній, что матросы и молодой офицеръ «Фарфадэ» доблестно кончили свою жизнь. Они видѣли приближеніе смерти безъ страха и приняли ее безъ жалобы, безъ возмущенія. На камнѣ, лежащемъ въ настоящее время надъ ихъ останками, можно написать:

«Умерли при исполненіи долга на службѣ Родинѣ.

«Да покروютъ ихъ могилу прекраснѣйшіе изъ цвѣтовъ».

Всѣ философіи, всѣ морали, кромѣ теорій разврата и упадка, прославляютъ стойкость передъ смертью.

Въ слѣдованіи этой доктрины стойки дошли до преувеличенія, одобряя самоубійство.

Въ этомъ пунктѣ съ ними нельзя согласиться.

Самоубійство чаще всего является трусостью.

Это всегда преступленіе передъ долгомъ.

Самоубійство является трусостью, когда человѣкъ прибѣгаетъ къ нему изъ страха передъ обязанностями, предъявляемыми жизнью и кажушимися ему слишкомъ тяжелыми, чтобы избѣжать пугающей его отвѣтственности, чтобы покончить съ

физическими или моральными страданіями, которыхъ онъ не можетъ вынести.

Онъ бѣжитъ отъ своего долга, — ибо жизнь есть долгъ, по отношенію къ самому себѣ, къ своимъ, къ своей родинѣ.

Въ одномъ лишь случаѣ самоубійство кажется допустимымъ или, по крайней мѣрѣ, прощательнымъ: это когда оно можетъ спасти отъ безчестья.

Но даже въ этомъ случаѣ его порицають: говорятъ, что человѣкъ все же долженъ жить, чтобы искупить свои ошибки, доведшія его до такого окончательнаго паденія. Въ смыслѣ моральномъ, это совершенно вѣрно. Но, по человѣчески, можно ли упрекать человѣка за то, что онъ не можетъ жить безъ чести?

Ювеналь сказалъ:

«Самое большое зло — это предпочесть жизнь чести и спасти свою жизнь за счетъ того, что дѣлаетъ ее достойной прожитья».

Это справедливо во всѣхъ случаяхъ.

Честь есть единственное благо, которое, разъ потерявъ, никогда невозможно получить обратно. Тотъ, кто потерялъ честь, можетъ прочесть на бѣлой страницѣ будущаго надпись, которую видѣлъ Данте на дверяхъ ада: «Кто входитъ сюда — оставь надежду навсегда».

Это единственный случай, когда самая строгая мораль не можетъ безусловно осудить актъ отчаянія.

Но оставимъ эти ужасныя обстоятельства. Я жалѣю даже, что остановилъ на нихъ на мгновеніе читателя.

Молодой человѣкъ съ закаленнымъ характеромъ, со здоровымъ умомъ и стойкостью, никогда не узнаетъ ихъ лично. Онъ можетъ обсуждать ихъ только для сужденія о дѣйствіяхъ другихъ.

Законы Солона не предусматривали отцеубійства, до такой степени такое преступленіе казалось чудовищнымъ въ Афинахъ. Я тоже не могу вѣрить, что тѣ, кто, до нѣкоторой степени, будутъ моими духовными сыновьями, могутъ когда либо потерять честь.

Напротивъ, имъ прійдется знать и выполнять на практикѣ всѣ виды мужества.

Въ самомъ дѣлѣ, помимо мужества въ общемъ смыслѣ слова, мужества физическаго или духовнаго, о которомъ говорилось до сихъ поръ, есть еще особый видъ мужества, называемый гражданскимъ.

Философы дѣлаютъ еще одно различіе, о которомъ надо сказать нѣсколько словъ. Они отличаютъ мужество разума отъ мужества духовнаго, называя смѣлостью духа способность воспринимать новыя, смѣлыя идеи, не отвергая ихъ изъ - за препятствій или критики.

Различіе устанавливается обычно путемъ изложенія случая Галилея. Великій физикъ, осужденный за свое утвержденіе, что земля вертится, проявляетъ моральное малодушіе, склоняясь передъ приговоромъ суда инквизиціи, и приноситъ публичное раскаяніе. Но онъ сохраняетъ смѣлость духа, продолжая вѣрить въ движеніе нашей планеты.

Если это только простыя философскія тонкости, то не такъ обстоитъ дѣло съ тѣмъ видомъ смѣлости, который называется гражданскимъ мужествомъ. Это мужество человѣка, живущаго въ обществѣ, гражданина, общественнаго дѣятеля.

Онъ долженъ обладать смѣлостью собственнаго мнѣнія, держаться въ сторонѣ отъ неразумныхъ теченій, увлекающихъ иногда толпу и умѣть въ случаѣ надобности противиться имъ; бороться противъ несправедливой критики, злословія и клеветы, держать высоко голову, несмотря на всѣхъ и на все, когда за него стоитъ его совѣсть. Онъ долженъ смѣло нести и принимать на себя полную отвѣтственность за свои рѣшенія и дѣйствія, противиться угрозамъ и насилію, когда за него его разумъ и долгъ. Даже когда вѣтеръ безумія свиститъ надъ всѣми головами, и не склоняться передъ нимъ весьма рискованно, мужественный человѣкъ остается самимъ собой и неуклонно слѣдуетъ по начертанному пути.

Если, какъ всякій другой, онъ долженъ любить добродѣтель и ненавидѣть порокъ, онъ долженъ еще умѣть одобрить первую и порицать послѣдній, даже когда порокъ всемогущъ и добродѣтель осмѣяна.

Онъ не можетъ, подобно столькимъ другимъ, дѣлающимъ это изъ лѣни или трусости, нарушать гармонію между своими актами и поведеніемъ и собственными убѣжденіями.

Дѣйствіе у него должно быть въ согласіи съ словомъ, слово — согласовано съ мыслью.

Говорятъ, что гражданское мужество есть самое трудное и самое рѣдкое.

Человѣкъ, руководимый разумомъ и побуждаемый волей, ставящій долгъ выше всего, будетъ естественно проявлять гражданское мужество. Онъ будетъ смѣль, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Мужество *едино*, сказала я.

Это всечасно подтверждается на людяхъ.

Единство мужества существуетъ также у народовъ.

Есть народы активные и смѣлые; есть также народы слабобольные, инертные и трусливые.

Нѣкоторыя человѣческія расы перешли изъ первой категоріи во вторую. Развращенность мыслей и нравовъ, разлагая людей, обезличиваетъ расу, уничтожаетъ въ ней энергію, самодѣятельность, всѣ мужественныя способности. Иногда, это ослабленіе только временное и, во время воспрянувъ, она можетъ снова возвыситься, снова стать самой собою. Это обновленіе народовъ, правда, весьма рѣдкое, не невозможно, и есть тому историческіе примѣры. Это утѣшительно для тѣхъ, кто видитъ въ своей націи проявленіе уклона моральныхъ чувствъ, воли и мужества.

Оставляя въ сторонѣ эти исключительные случаи и обозрѣвая народы такими, каковы они въ настоящее время, видишь, что они стоятъ на различныхъ ступеняхъ шкалы человѣческихъ доблестей: одни на верху, въ полномъ расцвѣтѣ всего, что дѣлаетъ человѣка великимъ и прекраснымъ, другіе внизу, на границѣ возможнаго ничтожества.

Если раздѣлить ихъ, въ этой іерархіи, на двѣ категоріи, съ неизбѣжно произвольными и неточными границами, къ первой нужно отнести высшіе народы, характерными чертами ко-

торыхъ является мужество, гордость и чувство независимости. Низшіе народы узнаются по недостатку физической энергіи, ихъ духовной слабости, создающей имъ души рабовъ.

Идите къ высшимъ народамъ: вы найдете у нихъ людей, смѣлыхъ въ сраженіи, стойкихъ въ работѣ, мужественныхъ въ возобновленіи рода. Тѣ же качества, которыя нужны для хорошаго рабочаго, для трудолюбиваго крестьянина, для добраго отца семейства, необходимы и для храбраго солдата. Человѣкъ мужественный стоекъ во всемъ.

Таково же и съ народами. Народы, мужественные въ работѣ, смѣлы и въ сраженіи и идутъ къ побѣдѣ. Тамъ, гдѣ есть борьба, они побѣждаютъ, будь это въ промышленности или на войнѣ.

Вамъ, молодые люди, надлежитъ вывести заключеніе.

Вы захотите обладать полнотою мужества, чтобы ваша страна имѣла максимумъ могущества.

ГЛАВА IV.

ДѢЙСТВІЕ И ТРУДЪ

Дѣйствовать, это жить.

Мысли и желанія были бы ничѣмъ, если бы они не служили дѣйствию.

Дѣйствіе, дѣятельность, работа необходимы для физическаго и духовнаго равновѣсія человѣка. Это необходимыя условія его существованія. Это также условія существованія человѣческихъ обществъ.

Природа хочетъ, чтобы они были для всѣхъ моральной необходимостью; моральный законъ сдѣлалъ изъ нихъ долгъ.

Человѣкъ дѣйствія есть человѣкъ полезный; полезный для самого себя, для своихъ ближнихъ, для своей страны.

Болѣе чѣмъ когда бы то ни было, Франціи нужно имѣть въ своихъ дѣтяхъ людей дѣйствія.

Въ ней нѣтъ недостатка въ людяхъ слова. Почти въ теченіе двадцати вѣковъ восхваляли краснорѣчіе нашихъ предковъ. Эти проницательскіе комплименты они получали особенно во дни поражений. Цезарь убивалъ или влачилъ въ крови за своей триумфальной колесницей галльскихъ ораторовъ. Они говорили хорошо, говорили слишкомъ много, — и Галлія была поражена.

Къ счастью, за свою долгую и славную исторію, наша раса доказала, что она умѣетъ дѣйствовать такъ же энергично, и быть можетъ, лучше, чѣмъ всякая другая. О томъ свидѣлствуютъ двѣ тысячи лѣтъ труда, борьбы и славы, и не далекіе отъ насъ конецъ восемнадцатаго и начало девятнадцатаго вѣка достаточно громко доказали міру, на какую силу мы способны, что можемъ мы сдѣлать для свободы, независимости и величія Родины.

Намъ нужно вновь сыскать чувство и волю къ дѣйствию. Въ этомъ цѣна будущаго Франціи, самаго существованія ея.

Если нужно быть человѣкомъ дѣйствія, чтобы быть хорошимъ французомъ, это необходимо также, чтобы хорошо служить самому себѣ. Постояннымъ и энергичнымъ дѣйствіемъ добиваются успѣха, благодаря ему выполняютъ съ пользой свою роль на міровой сценѣ, тамъ, куда бросила насъ судьба. Чтобы наложить свою печать на среду, въ которой вращаешься, чтобы возвыситься, нужно дѣйствовать, дѣйствовать неустанно, никогда не отчаиваясь.

Дѣйствіе имѣетъ еще способность поддерживать и развивать въ насъ духовныя и тѣлесныя силы, доставлять намъ физическое и моральное здоровье. Дѣйствіе есть движеніе, дѣятельность, словомъ — жизнь.

Инерція, вялость — это неподвижность. Неподвижность — смерть.

Въ дѣйствіи, во всѣхъ его проявленіяхъ: дѣйствіи умственномъ, моральномъ и физическомъ, — все то, что называютъ «интенсивной жизнью», единственной пригодной для большой души, единственной, которую стоитъ прожить.

Молодой человѣкъ, чувствующій въ себѣ склонность къ бездѣятельности, къ вялости, долженъ всѣми силами своей воли бороться съ этимъ влеченіемъ. Онъ долженъ энергично реагировать, если не хочетъ, чтобы простая склонность стала со временемъ постоянной привычкой, уничтожающей всѣ его природныя или пріобрѣтенныя качества, дѣлающей его неспособнымъ выполнять свои активныя обязанности.

Въ дѣйствіи можно упражняться, точно такъ же, какъ формируютъ свой характеръ упражненіемъ воли.

Нѣтъ ничего, чего нельзя было бы добиться постояннымъ усиленіемъ.

Итакъ, я скажу молодому читателю, слушающему мои совѣты:

— Умѣй дѣйствовать. Сдѣлайся человѣкомъ дѣйствія.

И я прибавлю:

— Будь активенъ и трудолюбивъ. Отдавай работѣ лучшую часть твоей жизни.

Не всякое дѣйствіе есть трудъ.

Трудъ есть дѣйствіе плодотворное и методическое, дѣйствіе созидательное, преобразующее, словомъ — производящее.

Не достаточно дѣйствовать. Нужно предаться труду, дѣйствію, производящему духовныя или матеріальныя блага.

Трудъ есть вѣчный человѣческій законъ, обязательный для всѣхъ.

Онъ возвышаетъ человѣка и облагораживаетъ его.

Онъ является необходимостью для огромнаго большинства. Для всѣхъ онъ — долгъ.

Кто захочетъ бросить взглядъ на движеніе впередъ человѣчества, увидитъ, что трудъ во всѣ времена былъ необходимымъ условіемъ его существованія и орудіемъ прогресса.

Трудомъ, въ той же степени, что умомъ и мужествомъ, человѣкъ покори́лъ животныхъ. Онъ побѣдилъ и подчинилъ себѣ силы природы.

Цивилизація, вообще, и, въ частности, могущественная европейская цивилизація — дочери человѣческаго труда.

«Трудъ — это свобода», — говоритъ народная пѣсня.

Въ самомъ дѣлѣ, трудъ даетъ тому, кто предается ему, независимость и достоинство, на которыя не можетъ разсчитывать человѣкъ праздный.

Для человѣка небогатаго, онъ является абсолютной необходимостью. Это матеріальная и легальная обязанность и въ то же время, социальный долгъ.

Но обязанность трудиться остается и для богатаго человѣка, пользующагося благами, приобретенными другими и которыя онъ получилъ по наслѣдству. Онъ обязанъ исполнять этотъ долгъ на тѣхъ же основаніяхъ, что и бѣдный человѣкъ.

Какова на землѣ роль человѣка, какова приносимая имъ польза его странѣ и человѣческому обществу, если онъ не работаетъ, ничего не производитъ? Тщетно было бы ихъ искать.

И каково можетъ быть человѣческое достоинство, какова гордость, если знаешь, что не приносишь обществу никакой пользы своимъ трудомъ, ничѣмъ не содѣйствуешь дѣлу общественному, дѣлу національному, находящемуся въ состояніи постоянного созиданія?

Человѣкъ богатый имѣетъ возможность и, слѣдовательно,

обязанность работать больше и лучше другихъ, такъ какъ онъ лучше вооруженъ и обладаетъ болѣе могучими способами дѣйствія. Уже одно то, что для того, чтобы жить, ему не нужно пожинать плоды своего труда, позволяетъ ему свободно выбирать предметъ своей дѣятельности, трудиться безъ личной выгоды, въ предпріятіяхъ общественнаго характера.

Если отцу принадлежитъ заводъ, коммерческое или банковское дѣло, если онъ эксплуатируетъ помѣстья, то предпочтительно, чтобы онъ направлялъ своего сына по тому же пути, чтобы онъ привлекъ его, сначала чтобы помогать, затѣмъ чтобы продолжать его дѣло, внушая ему волю улучшать и развивать его.

Когда, по какимъ либо причинамъ, богатый молодой человѣкъ не можетъ продолжать дѣло своихъ родныхъ, онъ можетъ, собственными средствами, проявлять инициативу, основывая заводы, коммерческія дѣла или земледѣльческія предпріятія. Онъ можетъ дать цѣну областямъ, которымъ недостаетъ лишь капитала, чтобы сдѣлать ихъ продуктивными. Онъ можетъ эксплуатировать новые источники богатства.

Промышленность, торговля и земледѣліе открываютъ неограниченное поле всякой трудовой дѣятельности. Въ эту сторону должно направляться большинство, потому что здѣсь есть мѣсто для всѣхъ, потому что ничто не препятствуетъ здѣсь энергичной и независимой дѣятельности.

Много другихъ путей для тѣхъ, у кого другія склонности, другіе вкусы. Научныя изысканія, искусство, литература, армія, флотъ, гражданская служба государству, представляютъ какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ, почетныя и полезныя карьеры.

Для сына богатой семьи все легко, всѣ двери открываются передъ нимъ безъ труда. Все легко ему въ началѣ жизненнаго поприща. Легче другихъ онъ могъ пріобрѣсти достаточное образованіе. Онъ свободнѣе выбираетъ карьеру, путь, по которому онъ намѣренъ итти.

Но на томъ кончаются его преимущества, быть можетъ, компенсируемыя слишкомъ легкимъ дѣтствомъ, благополучіемъ,

разслабляющимъ тѣло и склоняющимъ больше къ капризу, чѣмъ къ волѣ, къ мечтѣ, чѣмъ къ дѣйствию.

Это не важно.

— Жизнь предъ вами, молодые люди. Она будетъ такой, какой вы ее сдѣлаете.

Исходная точка не имѣетъ большого значенія, когда предстоитъ долгій путь. Въ какое бы положеніе ни поставила васъ судьба, родились ли вы, прожили дѣтство и отрочество въ бѣдности, въ богатствѣ или въ роскоши, — ваша участь въ вашихъ рукахъ.

Способъ преуспѣть въ жизни для всѣхъ одинъ и тотъ же: — Трудитесь. Работайте мужественно и энергично.

Не самый богатый изъ васъ будетъ имѣть жизнь самую счастливую, ни даже самую благополучную и блестящую. И не самый умный. Это тотъ, кто сумѣетъ соединить твердость характера со стойкостью въ трудѣ.

— Трудитесь, трудитесь постоянно. Трудитесь для самихъ себя, для блага своихъ и для общей пользы; трудитесь для собственного удовлетворенія и для собственного удовольствія.

Трудъ дѣлаетъ жизнь легкой и счастливой. Онъ успокаиваетъ горе, онъ помогаетъ перенести неизбѣжное зло.

Это мужественный и священный человѣческій законъ. Это законъ социальный по преимуществу.

Трудъ — созидатель доблести.

Праздность, говоритъ пословица, мать всѣхъ пороковъ.

Человѣкъ праздный не только бесполезенъ, онъ вреденъ для общества, вреденъ самому себѣ. Ничего не дѣлать — невозможно. Кто не работаетъ, кто не дѣлаетъ добра, тотъ неизбѣжно дѣлаетъ зло.

Трудъ поддерживаетъ жизнь. Праздность парализуетъ и убиваетъ.

Когда желѣзо не работаетъ, оно ржавѣетъ. Когда мозгъ и мускулы остаются безъ употребленія, они слабѣютъ и атрофируются.

Люди, занятые трудомъ, ведущіе активную жизнь, имѣютъ шансы сохранить силы и здоровье. Они не подчинены внѣшнимъ вліяніямъ, мнительности, мучающей лѣнивца. Они не идутъ каждое утро смотрѣть на барометръ, изучать состояніе

неба и цвѣтъ своего языка. Они живутъ, дѣйствуютъ. Они разсѣиваютъ и сжигаютъ болѣзненные начала, которыя могли бы угрожать ихъ духу и тѣлу. Они здоровы морально и физически, потому что активны.

Работа помогаетъ легко переносить жизненные обязанности и ея мелкія непріятности. Она даетъ хорошее расположеніе духа и веселость.

Наоборотъ, праздность заставляетъ думать о самыхъ мелкихъ непріятностяхъ. Она преувеличиваетъ ихъ, увеличиваетъ горести и страданія и порождаетъ, такимъ образомъ, грусть, дурное расположеніе духа, ипохондрію, эту болѣзнь души, мать тѣлесныхъ болѣзней.

Эти результаты легче замѣтить, если живешь внѣ Европы, въ странѣ съ суровымъ климатомъ, съ удушливой жарой, гдѣ все преувеличивается, гдѣ вещи выступаютъ рельефомъ, неизвѣстнымъ въ умѣренныхъ странахъ.

Европейцы живутъ тамъ въ средѣ, враждебной ихъ расѣ. Все имъ враждебно: солнце, атмосфера и земля съ населяющими ее животными и насѣкомыми.

Они, вообще, работаютъ мало, дѣлаютъ какъ можно меньше движеній и съ угнетеніемъ предаются разрушительнымъ силамъ природы. Болѣзнь и смерть усиленными ударами разбиваютъ ихъ ряды.

Тѣ изъ нихъ и, къ сожалѣнію, они въ меньшинствѣ, кто реагируютъ и проявляютъ постоянную умственную и физическую активность, защищаются гораздо лучше, безнаказанно проходятъ между опасностями, выполняютъ свою задачу и сохраняютъ жизнь и здоровье.

Всѣ эти утвержденія согласуются между собой. Они подтверждаютъ категорическое повеленіе работать, которое всегда внушало человѣку благоразуміе.

Это извиняетъ настойчивость моихъ совѣтовъ читателямъ, изъ которыхъ я хотѣлъ бы сдѣлать любимыхъ учениковъ. Это позволяетъ мнѣ повторять имъ:

— Трудитесь, трудитесь постоянно. Не оставайтесь никогда бездѣтельными и праздными.

Покой тѣла пріобрѣтается работой мозга. Покой ума — работой тѣла.

ГЛАВА V.

МОРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Моральное воспитаніе не заканчивается, когда подростокъ становится взрослымъ. Оно тогда еще болѣе необходимо. Оно можетъ быть тогда и болѣе плодотворнымъ, т. к. единственныхъ учителей, которыхъ тогда имѣешь, обыкновенно слушаютъ: это самъ человѣкъ и жизнь. Жизнь — суровый менторъ, если человѣкъ не беретъ на себя предупредить ее, измѣняться, совершенствоваться, не ожидая ея строгихъ предупрежденій и наказаній.

Ребенкомъ можно имѣть лишь мелкіе недостатки. Съ возрастомъ они увеличиваются или, если остаются прежними, становятся болѣе непривлекательными и переносятся съ большимъ трудомъ. Такъ напримѣръ, ложь, весьма некрасива у ребенка. Если человѣкъ остается лживымъ, это становится отвратительнымъ и унижительнымъ порокомъ. Обжорство у ребенка — грѣхъ простительный. У молодого человѣка это — почти непонятное, грубое и животное влеченіе.

Итакъ, борьба, которую ведетъ воспитаніе въ дѣтствѣ противъ пороковъ, не можетъ прекратиться, когда человѣкъ становится взрослымъ. Раньше всего потому, что побѣда никогда не бываетъ полной и окончательной, т. к. совершенство недостижимо. Затѣмъ, потому, что жизнь порождаетъ новые пороки и недостатки иного порядка, противъ которыхъ надо защищаться, отбивать ихъ, когда они являются, изгонять, если они уже проникли въ насъ.

Есть въ жизни молодого человѣка моментъ — и я желалъ бы, чтобы именно въ это время онъ читалъ эту книгу, если моментъ этотъ еще не наступилъ — когда онъ долженъ произвести искренній и внимательный смотръ своей духовной природѣ, вникнуть въ самого себя, изучить и опредѣлить, что есть

въ немъ дурного, что должно исчезнуть, что есть хорошаго, что нужно ревниво охранять и что нужно приобрести.

Такъ Франклинъ, послѣ инвентаря своей души, составилъ письменную бухгалтерію, съ кредитомъ и дебетомъ, о томъ, чего не доставало ему и что было лишняго, съ позитивными и отрицательными цѣнностями, съ тщательно вѣдущимся счетомъ прибылей и убытковъ.

Къ несчастью, можно сказать, не всякій человекъ — Франклинъ; кромѣ того, есть балансы, которые можно запечатлѣть въ своемъ мозгу, безъ необходимости выписывать ихъ на бумагѣ. Однако, много юношей охотно будутъ записывать то, что замѣтили въ себѣ и принятыя ими рѣшенія. Я самъ такъ поступалъ въ восемнадцать лѣтъ, но признаюсь, что мнѣ никогда не нужно было прибѣгать къ этимъ торжественно подписаннымъ документамъ, и достаточно было моей памяти, чтобы напоминать мнѣ мои обязанности.

Что важно, это хорошо знать, какіе недостатки и пороки нужно въ себѣ уничтожить или опасаться ихъ, какія качества и добродѣтели нужно укрѣплять, если уже обладаешь ими, или приобрести, если ихъ еще нѣтъ.

Разъ это сдѣлано, то съ волей и мужествомъ должно прійти къ хорошимъ результатамъ.

Нужно сначала принуждать себя, а затѣмъ привыкнуть любить то, что истинно и прекрасно, то, что велико и возвышаетъ человека, и любить только это.

Не должно быть мягкости и уступчивости къ тому, что дурно, безъ великодушія и красоты; нужно порицать и ненавидѣть все, что безобразно, жалко и низко.

Строгимъ судомъ всегда слѣдуетъ осуждать все плохое и нездоровое. Лишь иногда, къ людямъ невѣжественнымъ или заблуждающимся, можно быть нѣсколько снисходительнымъ.

Добрыя чувства и великодушныя страсти нужно культивировать и развивать въ себѣ.

Они являются источниками столь же благотворной дѣятельности для души и даже для тѣла, сколь дурныя страсти даютъ плачевные результаты. Страсти борются съ бездѣятельностью и равнодушіемъ, источающими человека еще быстрѣе

пороковъ. Онѣ благотворны, при условіи, что не станутъ абсолютными властительницами души, оставаясь уравновѣшенными, подчиненными разуму и волѣ.

Это помощницы, которыми только въ качествѣ таковыхъ и слѣдуетъ пользоваться въ постоянной внутренней борьбѣ между добродѣтелью и порокомъ, между добромъ и зломъ.

У моральной культуры нѣтъ иной цѣли, какъ приготовить человѣка къ постоянной побѣдѣ добра въ этой борьбѣ; развить въ немъ привычки и правила, дѣлающія наступательные возвраты зла болѣе рѣдкими и менѣе опасными. Чтобы жизнь была простой и хорошей, чтобы дѣйствія было больше, чѣмъ споровъ, чтобы совѣсти приходилось лишь изрѣдка выступать для направленія на путь истинный, нужно, чтобы практика добра явилась въ человѣкѣ результатомъ принятыхъ и категорическихъ повеленій, постоянно примѣняемыхъ, сдѣлавшихся естественными и неуклонными.

Добиться этого, значить добиться единственно возможнаго вида совершенства, конечно относительнаго, согласнаго съ человѣческой природой. Это значить также приготовить себѣ хорошую и пріятную жизнь.

Предаваться злу и совершать ошибки приводитъ роковымъ образомъ къ возмездію. Оно всегда поражаетъ насъ въ самихъ себѣ смущеніемъ и укорами совѣсти; чаще всего оно проявляется и матеріально, внѣшнимъ образомъ.

Вѣчная справедливость рѣдко бездѣйствуетъ. Черезъ нее зло пораждаеть страданіе, раскаяніе и отравляетъ жизнь. Тогда какъ добро и добродѣтель — всегда источники радости.

Работать надъ развитіемъ своихъ духовныхъ качествъ — значить слѣдовать своему долгу. Это одна изъ первыхъ обязанностей человѣка по отношенію къ самому себѣ. Интеллектуальная культура, какъ ни необходима она, занимаетъ лишь второе мѣсто.

Моральная культура заслуживаетъ всѣхъ нашихъ усилій, ибо нужна она не только намъ самимъ: она благотворна и для окружающихъ насъ, для всѣхъ нашихъ близкихъ, и само общество получаетъ выгоду отъ нашихъ качествъ и добродѣтелей. Оно страдаетъ отъ нашихъ недостатковъ и пороковъ.

Какимъ правиламъ долженъ слѣдовать юноша, чтобы стать вполне человѣкомъ, по созданному имъ же образцу?

Прежде всего, нужно быть правдивымъ, простымъ и естественнымъ.

Нужно уважать правду въ самомъ себѣ, въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ. Притворство и ложь — ужасныя вещи. Притворяться и лгать, это нарушение долга. Правдой обязаны мы и другимъ, и самимъ себѣ.

Человѣкъ, который лжетъ, не только достоинъ презрѣнія. Онъ дѣлаетъ свою жизнь чрезвычайно трудной, сложной, утомительной. Чтобы покрыть первую ложь, нужно снова лгать, потомъ еще и еще. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе погружаешься въ ложь. Положеніе скоро становится невыносимымъ. Если человѣкъ не потерялъ всякій моральный стыдъ, онъ постоянно взволнованъ и смущенъ.

Быть простымъ и естественнымъ — способъ быть правдивымъ. Стараться показать себя инымъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, значитъ притворяться, скрывать правду. Неестественность и притворство — невыносимые недостатки. Если къ этому есть склонность, нужно сдѣлать необходимыя усилія, чтобы стать естественнымъ, и можно этого добиться навѣрняка.

Легко быть простымъ въ физическомъ отношеніи и въ манерѣ держаться. Нужно умѣть быть столь же простымъ въ дупцѣ и въ жизни. Сложный умъ не бываетъ вполне прекрасенъ. Жизнь, въ которой роскошь и показная сторона занимаютъ первое мѣсто, неизбежно отгѣсняетъ на второй планъ существенное, дающее смыслъ жизни.

Человѣкъ большой духовной и интеллектуальной цѣнности, Шарль Вагнеръ, написавшій прекрасныя страницы о *Простой Жизни*, говорить:

«Счастье, сила и красота жизни происходятъ, въ значительной степени, отъ простоты».

Быть правдивымъ, простымъ и естественнымъ, приводитъ къ тому, чтобъ быть въ то же время искреннимъ, откровеннымъ, честнымъ и прямымъ, что не менѣе важно.

Быть всегда искреннимъ и откровеннымъ есть высшій

родъ полной и постоянной правдивости: дать всегда понять, что собою представляешь, что чувствуешь и что думаешь.

Честность въ значительной степени сливается съ искренностью и откровенностью. Она дополняетъ ихъ, прибавляя къ человѣческимъ отношеніямъ чувство увѣренности, происходящее отъ честности и чести.

Наконецъ, прямота заключаетъ въ себѣ одновременно всѣ личныя качества, о которыхъ уже говорилось: честность, справедливость и твердость; идти всегда по прямому пути, безъ уклоновъ. Нѣтъ высшей добродѣтели, чѣмъ прямота. Въ себѣ одной она заключаетъ почти все, что представляетъ собою человѣкъ добра.

Молодые люди, овладѣвшіе полностью или достигающіе совокупности этихъ качествъ, уже свершили значительную часть задачи своего духовнаго воспитанія. Они уже столько сдѣлали для своего самосовершенствованія, что остальное прійдетъ почти само собою. Второстепенныя качества приобрѣтутся безъ большихъ усилій.

Однако, ими нельзя пренебрегать, ибо и они имѣютъ свое значеніе. Я удовольствуюсь ихъ перечисленіемъ:

Умѣренность въ словахъ и въ дѣйствіяхъ, указывающая на силу характера и здравый смыслъ.

Тактъ и сдержанность, безъ которыхъ отношенія съ другими, даже съ друзьями, становятся тяжелыми, и даже невыносимыми.

Скромность, которую не надо смѣшивать съ самоуниженіемъ, и о которой Ла Брьюеръ сказалъ, что она, по отношенію къ добродѣтели, то же «что въ картинѣ тѣни къ фигурамъ: онѣ даютъ имъ силу и выпуклость».

Любезность и вѣжливость — внѣшніе признаки благорасположенія.

Порядокъ въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, безъ которыхъ часть результатовъ дѣятельности и труда исчезаютъ и пропадаютъ.

Прилежаніе ума, дающее волю возможность съ пользой проявляться.

Наконецъ, трезвость и отсутствіе обжорства, что можно опредѣлить какъ умѣренность и простоту въ пищѣ.

Къ этимъ положительнымъ качествамъ, нужно прибавить отвращеніе и презрѣніе ко всему, что грубо и низко: невоздержаніе, пьянство, неприличіе въ словахъ и дѣйствіяхъ, все, что низводитъ человѣка на уровень животнаго.

Молодые люди должны съ непоколебимой рѣшительностью остерегаться неизбѣжныхъ влеченій къ этимъ унижительнымъ наслажденіямъ. Наши нравы, если и не толкаютъ къ нимъ, то и не удерживаютъ отъ нихъ, и повседневная мораль особенно снисходительна къ этимъ уклонамъ, главное зло которыхъ не въ томъ, что они вредятъ физическому здоровью. Больше всего отъ нихъ страдаетъ душа. Вкусъ и привычка къ извѣстной моральной нечистоплотности могутъ внѣдриться въ душу юноши, и это опаснѣе всего.

Съ самаго начала, пока не вкусили еще отъ плодовъ этого дерева зла, легче защищаться отъ нихъ, чѣмъ отказаться впоследствии. Кто нѣкоторое время питался пряной и острой пищей, тому хорошая и здоровая кухня кажется прѣсной, если онъ къ ней возвращается. Лучше не подвергаться такимъ опаснымъ опытамъ и противопоставлять соблазну твердыя и неизмѣнныя правила.

Выигрываютъ отъ этого и жизненное достоинство, и умъ и тѣло, чѣмъ тоже не слѣдуетъ пренебрегать.

Общественное уваженіе пріобрѣтается достоинствомъ человѣческой жизни. А достоинство состоитъ въ томъ, чтобы уважать самого себя, не дѣлать ничего, что унижало бы насъ въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ другихъ. Грубыя и безнравственныя наслажденія приводятъ къ этимъ двойнымъ результатамъ.

Какимъ бы уваженіемъ мы ни были обязаны самимъ себѣ, еще важнѣе уважать другихъ. Въ частности, нужно выражать уваженіе и почтеніе старикамъ, женщинамъ, людямъ, отличающимся добродѣтелями, талантами или занимаемыми ими должностями. Доказательство хорошаго воспитанія въ томъ, чтобы быть почтительнымъ безъ униженія. Говорятъ обыкновенно, что молодежь теряетъ чувство уваженія. Если это правда, то это признакъ духовнаго ослабленія, недостатокъ человѣче-

скаго достоинства, противъ которыхъ нужно рѣшительно реагировать.

То, что говорятъ о потерѣ уваженія, въ сожалѣннѣю, слишкомъ вѣрно по отношенію къ ослабленію дисциплины. Несомнѣнно, что это зло существуетъ и что это большое зло для страны. Безъ дисциплины такъ же мало можетъ существовать длительное общество, какъ и цивилизація, какъ и армія. Коллективная сила пріобрѣтается только дисциплиной.

Въ общественной жизни и дѣятельности независимость и законная гордость человѣка ничего не теряютъ отъ того, что онъ подчиняется законамъ и правиламъ, безъ которыхъ народы представляютъ собою лишь безсильную толпу, а арміи — неорганизованныя банды, обреченныя на поражение и безчестіе.

Юноша, сумѣвшій создать въ себѣ самообладаніе, дисциплину духа, которыми характеризуется мужественный человѣкъ долга, легко подчинится правиламъ военной и гражданской дисциплины. Онъ познаетъ, что умѣть повиноваться, значитъ быть способнымъ приказывать и что никогда плохой солдатъ не станетъ хорошимъ начальникомъ.

И я скажу ему, увѣренный, что онъ меня услышитъ:

— Будь дисциплинированнымъ.

Я прибавлю:

— Сохраняй уваженіе; охраняй всегда свое жизненное достоинство.

И, чтобы передать въ краткихъ формулахъ многочисленные совѣты, заключенные въ предшествующихъ строкахъ, я скажу еще:

— Люби истину. Будь во всемъ правдивъ, простъ и естествененъ.

Будь искрененъ и откровененъ, честенъ и прямъ.

Будь человѣкомъ порядка, сдержанъ и скромнъ.

Будь прилеженъ, трезвъ и умѣренъ, вѣжливъ и любезенъ.

Все это обязанности разныхъ порядковъ, различной важности, но это обязанности, и нужно ихъ исполнять.

ГЛАВА VI.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И БРАТСТВО

При исчисленіи обязанностей человѣка по отношенію къ другимъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить *справедливость*.

И точно такъ же, если составить таблицу правъ человѣка въ обществѣ, во главѣ ихъ должна стоять справедливость.

И дѣйствительно, человѣкъ обязанъ передъ другими людьми справедливостью. Это его долгъ.

Справедливостью обязаны ему другіе люди и общество: это его право.

Несомнѣнно, что права и обязанности находятся въ зависимости другъ отъ друга и взаимны и что, исполняя свои обязанности, можно рассчитывать на уваженіе своихъ правъ.

То, что сказано о справедливости, можетъ быть повторено о братствѣ.

Братство, если оно и не представляетъ точнаго права непосредственнаго повелѣнія, все же является для человѣка обязанностью по отношенію къ другимъ.

Итакъ, чтобы исполнять свой долгъ, нужно быть справедливымъ и поступать по - братски.

Это одновременно строгій и мягкій законъ, регулирующий прогрессъ человѣчества.

Повидимому, чувство справедливости существуетъ въ насъ до всякаго воспитанія.

Это одна изъ основъ, одна изъ моральныхъ аксіомъ, безъ коихъ ничто не существовало бы, никакіе человѣческіе законы не могли бы установиться. Таковы очевидныя истины, лежащія въ основѣ геометріи. Если усомниться въ нихъ, то рушится вся математическая наука, съ большинствомъ знаній, которыми мы справедливо гордимся.

Поставимъ же идею справедливости, требующую, чтобы

каждому воздавалось то, что ему принадлежит, выше споровъ и разсужденій.

Это первая и крѣпчайшая связь обществъ. Общества, въ самомъ началѣ своего образованія, дѣлаютъ изъ собственной защиты, а въ скорости затѣмъ изъ права судить, главные атрибуты верховной власти. Люди могутъ жить въ согласіи и мирѣ, если только имъ гарантирована строгая справедливость.

Человѣкъ, не находящійся подѣ властью эгоизма и страстей, ежеминутно чувствуетъ, какъ пробуждается въ немъ чувство справедливости.

Согласно этому чувству, судить онъ каждое совершаемое дѣйствіе. Если дѣйствуетъ другой, онъ хвалитъ или порицаетъ его; если поступокъ совершенъ имъ самимъ, онъ испытываетъ или внутреннее удовлетвореніе или угрызеніе совѣсти.

Прудонъ сказалъ, что человѣкъ родился раньше всего для справедливости, которая — «расцвѣтъ души», и для подтвержденія этого обращается къ исторіи:

«Нѣтъ принципа, говоритъ онъ, даже самаго элементарнаго, который не былъ бы объектомъ сомнѣній и страшной борьбы; но конечная побѣда справедливости надъ эгоизмомъ есть наиболѣе вѣрный и замѣчательный психологическій феноменъ и, свидѣтельствуя о силѣ совѣсти, онъ, въ то же время доказываетъ ея высокое значеніе».

Долгъ справедливости человѣка по отношенію къ его ближнимъ есть долгъ строгій, абсолютный.

Принципъ всечеловѣческой морали такъ былъ опредѣленъ евангелиемъ: «Не дѣлай другому того, что ты не хочешь, чтобы сдѣлали тебѣ», и онъ содержитъ то же правило справедливости и нѣчто еще большее. Хотя и отрицательная, обязанность не дѣлать того, что мы не хотимъ, чтобы намъ дѣлали, идетъ дальше того, что несправедливо дѣлать. Многое, дозволенное по справедливости, не должно быть сдѣлано, если принять этотъ принципъ взаимности между людьми.

Впрочемъ, евангельское правило дополнено слѣдующей положительной формулой: «Дѣлай другому то, что ты хотѣлъ бы,

чтобы тебѣ дѣлали» и содержитъ еще слѣдующее повелѣніе: «Люби ближняго своего, какъ самого себя».

Таковы въ краткихъ словахъ обязанности человѣка къ своимъ ближнимъ: долгъ справедливости и долгъ братства, долгъ не вредить, долгъ служить и долгъ любить.

Долгъ справедливости предписываетъ намъ уважать другихъ въ ихъ жизни, свободѣ, имуществѣ, чести, въ ихъ вѣрованіяхъ и чувствахъ. И, такъ какъ долгъ равенъ по отношенію къ другимъ и къ намъ самимъ, мы имѣемъ право требовать того же уваженія къ намъ самимъ.

Общество обязано гарантировать намъ это право своими законами.

Но законъ можетъ охватить и запретить лишь осязаемое, такъ сказать, матеріальное. Мораль строже. Она осуждаетъ и то, что не приноситъ видимаго ущерба, что существуетъ только въ намѣреніи. Дѣйствіе, даже если оно не запрещено и не имѣетъ дурныхъ послѣдствій, должно быть осуждено, если одно лишь намѣреніе было дурно. Законъ не могъ бы преслѣдовать этого, не породивъ страшнаго произвола.

Честность состоитъ въ томъ, чтобы строго исполнять обязанности, предписанныя и закономъ, и моралью. Человѣкъ честный — человѣкъ чести по преимуществу.

Онъ долженъ быть моральнымъ идеаломъ для вступающихъ въ жизнь, которымъ, слѣдовательно, можно дать этотъ новый принципъ:

— Будь справедливъ и честенъ.

Но нужно прибавить къ нему еще одинъ принципъ, смягчающій суровость перваго:

Будь добръ, благорасположенъ и поступаай по - братски.

Воспитаніе и воля дѣлаютъ человѣка справедливымъ; могутъ - ли они сдѣлать его добрымъ?

Многіе утверждаютъ, что это невозможно, что добрымъ или злымъ рождаются и что, въ этомъ отношеніи, нельзя передѣлать того, что создала природа.

Вѣрно ли это? И, прежде всего, много ли есть въ самомъ дѣлѣ злыхъ людей?

Жанъ - Жакъ Руссо говорилъ: «Люди злы, но человѣкъ добръ». Это значить, что если взять людей въ совокупности или собрать ихъ вмѣстѣ, то они злы, но каждый изъ нихъ, взятый въ отдѣльности, не лишень доброты.

Очевидно, философъ былъ правъ. Въ каждомъ человѣкѣ есть доброта; въ одномъ больше, въ другомъ меньше.

Человѣкъ воли и характера долженъ упражняться въ томъ, чтобы увеличить ея дозу, когда она слаба.

Доброта и благорасположеніе къ людямъ --- не только великодушныя чувства, которыя потому полезно приобрѣсти: это жизненныя силы.

Ближніе наши отдають намъ, умноженными въ числѣ, добро или зло, которыя мы имъ дѣлаемъ. Будьте добры, благорасположены къ другимъ, и у васъ будутъ шансы, что и къ вамъ будутъ добры и расположены.

Слѣдовательно, благоразумно и предусмотрительно съ молодыхъ лѣтъ усваивать привычку доброты, приобрѣтать все необходимое для этого качества, если сама природа не надѣлила его намъ широко.

Не менѣе естественно и необходимо поступать по - братски и любить людей: «Люби ближняго своего, какъ самого себя».

Люби и считай братьями всѣхъ членовъ твоей семьи въ чловѣчествѣ. Люби изъ всѣхъ. Не питай ни противъ одного изъ нихъ, ни противъ какого либо племени, ни ненависти ни несправедливаго предубѣжденія.

Но если евангельскій законъ хочеть сказать, что ты долженъ одинаково любить людей тебя окружающихъ и жителей Камчатки или Патагоніи, которыхъ ты не знаешь и, вѣроятно, никогда не увидишь и если бы по отношенію къ тѣмъ и другимъ у тебя были одинаковыя обязанности, то, въ самомъ дѣлѣ, это не очень бы тебя обязывало. Къ счастью, не такова истина.

Есть общій долгъ братства по отношенію ко всѣмъ людямъ, согласно которому мы должны помогать всякому, будь онъ иностранецъ или незнакомецъ, если онъ въ нуждѣ. Тѣмъ, которые связаны съ нами общностью расы, кто живетъ вокругъ насъ, кого мы видимъ и знаемъ, мы должны отдать глубокую

и постоянную любовь, моральную и материальную помощь, по мѣрѣ нашихъ силъ и возможности.

Къ нимъ приложимо въ полномъ смыслѣ прекрасное слово *братство*. Люди нашей родины, предки которыхъ — наши предки, будущая судьба которыхъ — наша судьба, такъ связаны съ нами, что долгъ и выгода повелѣваютъ намъ любить ихъ и помогать имъ.

— Любите другъ друга, помогайте другъ другу, будьте братьями, молодые французы, въ чьихъ рукахъ завтра будетъ отвѣтственность за судьбы родины. Поистинѣ, вы нуждаетесь въ этомъ.

Среди угрожающихъ міру волненій и конфликтовъ, при быстромъ ростѣ молодыхъ или омолодившихся и уже великихъ народовъ, ваша интимная связь необходима, чтобы бороться со всѣми опасностями.

Сильная раса, къ которой вы принадлежите, не должна истощиться или ослабѣть изъ - за распрей, недоразумѣній или непростительной взаимной ненависти, вредящихъ и подрывающихъ ея жизненную энергію. Вы не захотите, чтобы, по вашей винѣ, другіе народы покорили и задушили ее или, чтобы обезсиленная, она была вырвана съ корнемъ и разбита въ какой нибудь бурѣ, о которой говорятъ уже собравшіяся на горизонтѣ тучи.

— Любите другъ друга, помогайте другъ другу, будьте братьями между французами, во всякихъ условіяхъ, отъ вершины до основанія нашей измѣнчивой соціальной іерархіи.

Убѣдитесь въ томъ, что вы солидарны, что несправедливыя и незаслуженныя страданія однихъ рано или поздно отразятся на другихъ и на всемъ общественномъ тѣлѣ.

Обязанности частной жизни, налагаемыя солидарностью и братствомъ, легче и пріятнѣе всѣхъ.

Легче любить, чѣмъ ненавидѣть.

Для тѣхъ, кто пользуется преимуществами ума, образованія и воспитанія, для тѣхъ, кто обладаетъ богатствомъ, развѣ не естественно и не пріятно итти навстрѣчу тѣмъ, кто не пользуется этими благами? Люди, къ которымъ жизнь сурова, обык-

новенно лучше другихъ чувствуютъ проявленія расположенія и симпатіи и часто умѣютъ воздавать ихъ сторицею.

Добрыя дѣла часто являются выгоднымъ помѣщеніемъ. Но принесутъ ли они выгоду или нѣтъ, дѣлайте ихъ, какъ можно больше. У васъ есть для этого неисчерпаемое богатство.

Нужно ли добавитъ еще нѣсколько совѣтовъ для осуществленія братства къ даннымъ уже, быть можетъ, слишкомъ многочисленнымъ?

Сказать, что нужно искать дружбы, этой интимной формы братства между людьми; что нужно тщательно выбирать своихъ друзей, но, разъ избравъ, отдаться имъ всѣмъ сердцемъ, быть имъ навсегда преданными и вѣрными? — Говорить это — значитъ повторять слова философовъ, моралистовъ и поэтовъ во всѣ времена и подъ всѣми широтами.

Культъ дружбы, можетъ быть, единственный, не знающій противниковъ. Онъ практикуется всѣми чувствительными и добрыми душами. Ляфонтенъ выразилъ это всемірное чувство, воскликнувъ однажды въ стихѣ, который дѣти читаютъ по складамъ, чтобы повторять потомъ до смерти:

«Какъ сладко имѣть истиннаго друга».

Дружба, вѣрность, преданность, — слова, гордо звучація въ ушахъ молодежи.

Если она перестанетъ ихъ слышать, значить опустошатся небо и земля, значить жизнь, ставши холодной и дурной, теряетъ свой смыслъ и цѣну.

ГЛАВА VII.

СВОБОДА И ТЕРПИМОСТЬ

Человѣкъ имѣеть право на свободу, какъ имѣеть его на справедливость.

Это и есть то, что Національное Собрание 1789-го года назвало естественными и неотъемлемыми правами.

Если посмотрѣть внимательно, то видишь, что существуетъ нѣсколько видовъ свободы, границы которыхъ не всегда строго установлены. Это — свобода моральная, свобода гражданская и свобода политическая.

Моральная свобода заключается въ нашей свободѣ мыслить, рѣшать и дѣйствовать, поскольку дѣйствіе относится къ частной жизни, до нѣкоторой степени интимно и зависитъ отъ насъ самихъ, а отнюдь не отъ закона.

Происходящая отсюда свобода человѣка въ сношеніяхъ его съ другими людьми и находящаяся внѣ его качества гражданина республики или подданнаго монархіи, есть свобода гражданская.

Она весьма близка къ свободѣ политической, съ которой и смѣшивается во многихъ пунктахъ. Сказать, что одна изъ нихъ зависитъ отъ законовъ гражданскихъ, другая, отъ политическихъ, — не значить установить между ними точную границу. Однако, лучшаго опредѣленія не существуетъ, и разграниченіе ихъ является часто вопросомъ простой оцѣнки и измѣняется вмѣстѣ съ политическими правами.

Часто ли человѣкъ морально свободенъ? Имѣеть ли онъ свободу мыслить и рѣшать?

Да, конечно. Но лишь постольку, поскольку онъ не поработенъ своими страстями, предразсудками, пороками и недостатками.

Онъ свободенъ, если онъ властенъ надъ собой, если у него есть воля, если акты его диктуются только разумомъ.

Моральная свобода — первая и драгоценнѣйшая изъ всѣхъ, и отъ насъ зависитъ обладать ею полностью.

Человѣкъ добра, человѣкъ съ характеромъ, свободенъ въ самомъ себѣ. Онъ пользуется свободой, которой не можетъ отнять никакая тиранія.

Эту моральную свободу имѣлъ ввиду Ламартинъ, когда писалъ:

«Въ этомъ мірѣ всѣ рабы —
 Боговъ, самихъ себя или судьбы.
 Отъ Сены и до Тибра,
 При консулѣ иль королѣ,
 Будь добродѣтеленъ, и будешь ты свободенъ,
 И независимость твоя — въ тебѣ самомъ».

И въ самомъ дѣлѣ, добродѣтель и воля даютъ внутреннюю независимость, духовную свободу.

Это уже кое-что. Но это еще не вся свобода, на которую имѣетъ право частный человѣкъ. Его совѣсть могла бы удовлетвориться ею; но его желаніе, потребность независимости въ дѣйствіяхъ, его чувство гордости, не могутъ этимъ удовольствоваться.

Роль общества была бы, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ легка, если бы у него не было обязанностей по отношенію къ своимъ членамъ, если бы оно не должно было дать имъ внѣшнюю свободу и, раньше всего, свободу гражданскую, о которой здѣсь только и будетъ говорить.

Гражданская свобода есть право «естественное», «неотъемлемое» право человѣка.

Въ чемъ состоитъ она? Тѣ же, кто провозгласили эти *права*, опредѣлили и гарантировали ихъ впоследствии въ выработанной ими конституціи.

Эти права могутъ резюмироваться слѣдующимъ образомъ: Свобода каждаго человѣка передвигаться, безъ возможности произвольнаго ареста.

Свобода говорить, писать, печатать и публиковать свои мысли, безъ всякой предварительной цензуры.

Свобода практиковать какой угодно религіозный культъ.

Свобода собраний, мирныхъ и безоружныхъ.

Свобода пользованія своимъ имуществомъ, при гарантіи неприкосновенности собственности.

Къ этимъ свободамъ нужно прибавить еще право объединяться, противъ котораго Французская Революція питала предубѣжденіе, долго еще остававшееся въ нашей странѣ и смягчившееся впослѣдствіи, не исчезнувъ однако окончательно и до сихъ поръ.

Свобода, говорила Декларация правъ, «состоитъ въ правѣ дѣлать все, что не вредитъ другимъ». Такимъ образомъ, прибавляла она, «осуществленіе естественныхъ правъ каждаго чловѣка ограничено лишь возможностью другихъ членовъ общества пользоваться тѣми же правами».

На этомъ принципѣ покоются либеральные законы въ гражданской области.

Нужно проникнуться и вдохновляться имъ на практикѣ. Онъ ясно говоритъ, что важна наша собственная свобода, но что и чужая не менѣе важна, и что, если сами мы имѣемъ право на свободу, мы обязаны также не посягать на свободу нашихъ согражданъ.

Отсюда, двоякое правило, которое можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

— Защищай ревниво свою свободу; уважай чужую.

Декларация правъ дала, какъ связанная со свободой, собственность и безопасность.

То, что касается послѣдней, само собою разумѣется. Первая свобода есть свобода личности. Безъ нея другія не имѣютъ никакой цѣны. Къ чему служить чловѣку теоретическое право говорить и писать, если онъ можетъ быть произвольно арестованъ?

Нужно было, чтобы память о злоупотребленіяхъ съ приказами объ арестахъ была еще у всѣхъ на умѣ, чтобы сочли нужнымъ вписать принципъ неприкосновенности личности вслѣдъ за общимъ терминомъ свободы.

Что касается права собственности, которое конституція 1791-го года должна была обезпечить заявленіемъ о его неприкосновенности, то объ этомъ не лишне было упомянуть, дабы

напомнить, что оно является продолженіемъ свободы личности и какъ бы условіемъ ея существованія. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ограничена была бы свобода, не дающая человѣку права владѣнія, т. е. права пользоваться плодами своего труда, использовать его немедленно или откладывать и собирать, въ какой бы формѣ и условіяхъ онъ того ни пожелалъ.

Частная собственность есть послѣдствіе свободы личности. Послѣдняя не могла бы существовать безъ первой.

Одной изъ формъ свободы мысли является свобода философскихъ и религіозныхъ вѣрованій.

Конечно, каждый человѣкъ можетъ вѣрить, какъ хочетъ, и никто не въ состояніи помѣшать ему. То, что происходитъ въ глубинѣ его совѣсти, не подлежитъ никакому контролю и никакому воздѣйствію.

Но этой моральной свободы вѣрованій недостаточно. Нужно, чтобы человѣкъ могъ открыто говорить о своей вѣрѣ, осуществлять на практикѣ исповѣдуемую имъ религію. Если большинство, почти совокупность націи, исповѣдуетъ одинъ и тотъ же культъ, это никого не обязываетъ, и всякій желающій исповѣдывать другую религію или не исповѣдывать никакой, имѣетъ на то полное право.

Препятствовать человѣку исповѣдывать свою религію или заставлять его исповѣдывать ту, въ которую онъ не вѣритъ, есть отвратительная и невыносимая тиранія. Нѣтъ тираніи болѣе возмутительной.

Свобода вѣры или, какъ говорятъ, свобода совѣсти, дороже всего просвѣщеннымъ и независимымъ умамъ; она должна быть священна.

Французскій законъ обезпечиваетъ эту свободу. Нужно, чтобы практика и нравы относились къ ней съ полнымъ уваженіемъ.

Законъ еще не все, что ограничиваетъ или наказуетъ въ нашемъ обществѣ. Дѣйствія правительства, администрацій и частныхъ лицъ могутъ оказывать давленіе, не существующее въ законѣ.

Нужно быть особенно осторожнымъ и внимательнымъ къ людямъ, дѣйствующимъ во имя своихъ вѣрованій, несмотря на

то, что иногда эти вѣрованія приводятъ къ дурнымъ поступкамъ.

Искренняя вѣра, какова бы она ни была и въ какой бы формѣ ни проявлялась, всегда заслуживаетъ уваженія. Но она не должна насиловать другихъ. Будь это вѣра въ догматы одной изъ извѣстныхъ религій или личное вѣрованіе человѣка, мы можемъ лишь склониться передъ нимъ, но не обязаны слѣдовать его законамъ.

Будемъ уважать чужія вѣрованія, но будемъ и требовать уваженія къ нашимъ.

Я выражу въ двухъ словахъ свой совѣтъ молодому читателю:

— Будь терпимъ.

Храни твердо свою вѣру и убѣжденія, но допускай, чтобы другой имѣлъ инья вѣру и убѣжденія. Не дѣлай ничего, ничего не говори, что могло бы оскорбить чужія вѣрованія. Это дѣло настолько касается внутренняго сознанія человѣка, настолько нѣжное, что причиняешь ему боль однимъ прикосновеніемъ.

Терпимость есть обязанность.

Ея требуетъ не только братство и благорасположеніе къ другимъ людямъ. Развѣ разумъ и простой здравый смыслъ не дѣлаютъ изъ нея закона?

Посмотрите вокругъ себя, и вы увидите людей, наиболѣ любимыхъ и уважаемыхъ вами, самые свѣтлые умы, самые прямые характеры, раздѣленные различными вѣрованіями, разно вѣрующіе.

Посмотрите на величайшіе умы послѣдняго вѣка; что видите вы?

Среди столькихъ другихъ, можно упомянуть о Лапласѣ, который былъ невѣрующимъ, въ то время какъ Пастеръ былъ пламеннымъ католикомъ. А Викторъ Гюго, не принимавшій догмъ никакой религій, такъ выражаетъ передъ могилой своихъ сыновей свое духовное вѣрованіе, свое воззваніе къ Богу:

«Въ сумеркахъ своихъ, мы, лишь относительные, сталкиваемся на ощупь съ вами, абсолютнымъ, и не безъ раненій идемъ мы на темную встрѣчу съ вашими законами... Очевидно, вы правы, разъ вы существуете, и нѣтъ ни зла ни смерти. Вы не можете быть ничѣмъ инымъ, какъ добромъ на вершинѣ жиз-

ни и свѣтомъ въ глубинѣ неба. Мы не можемъ отрицать васъ, какъ не можемъ отрицать безконечности... И всегда человекъ сможетъ лишь робко пытаться васъ понять».

Религіи и философскія теоріи приносятъ свои разрѣшенія безчисленнымъ вопросамъ человѣческой судьбы и жизни. Сдѣлаемъ свой выборъ между ними и предоставимъ каждому выбирать для себя.

Кто можетъ быть такъ увѣренъ, что въ его рукахъ истина, чтобы желать насильно навязать ее другимъ? По какому праву можетъ онъ пытаться это сдѣлать?

Терпимость къ убѣжденію, которое считаешь ложнымъ, есть лишь проявленіе уваженія къ истинѣ.

ГЛАВА VIII.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Молодой человекъ долженъ прежде всего заботиться о культивированіи и развитіи своихъ духовныхъ способностей, т. е. онѣ наиболѣе важны для образованія его личности, а также и потому, что о нихъ менѣе всего заботится общественное воспитаніе.

Быть можетъ, на второмъ планѣ, но параллельно съ духовной культурой, стоитъ культура интеллектуальная, которой тоже нельзя пренебрегать безъ большого ущерба для самого себя и для общества. Это значило бы не извлечь изъ вложеннаго въ насъ природой элемента силы всей возможной пользы и выгоды. Это было бы также нарушеніемъ прямой обязанности человека по отношенію къ самому себѣ, заключающейся въ развитіи, интеллектуальномъ и моральномъ, въ самосовершенствованіи и возвышеніи.

Образованіе, полученное въ дѣтствѣ и юношествѣ, какъ ни было оно исключительно посвящено развитію ума и пріобрѣтенію положительныхъ знаній, не все еще сдѣлано. Многого еще не достаетъ. Обыкновенно, вмѣстѣ съ первичнымъ интеллектуальнымъ развитіемъ, оно даетъ основные элементы науки и литературы, правила и методы для ученія.

Это инструментъ, хорошо или плохо выкованный, но который, во всякомъ случаѣ, можно использовать, и цѣнный только по своему примѣненію. Не пользоваться имъ, предоставить его ржавчинѣ и медленному разрушенію, значитъ растратить дорого пріобрѣтенное добро; значитъ вычеркнуть изъ своей жизни, безо всякой пользы нѣсколько юношескихъ лѣтъ.

Слѣдовательно, нельзя остановить съ окончаніемъ школы умственное развитіе и пріобрѣтеніе знаній.

Въ моментъ, когда воля наша познала самоё себя, когда разумъ нашъ сталъ нашимъ единственнымъ наставникомъ, работа становится болѣе плодотворной, чѣмъ когда бы то ни было.

Знаніями, приобрѣтенными такимъ образомъ, мы дѣйствительно обладаемъ. Мы входимъ въ суть вещей, къ которымъ раньше лишь прикасались. Мы понимаемъ то, что раньше лишь изучали. Тамъ, гдѣ раньше видѣли мы лишь слова, мы открываемъ мысли. Мы останавливались на формѣ, теперь мы идемъ до дна.

Этотъ незаинтересованный трудъ, это саморазвитіе молодой человѣкъ можетъ продолжать, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился по окончаніи своего средняго образованія.

Почти всегда, если онъ тотчасъ же не начинаетъ карьеры, онъ готовится къ какой либо профессіи. Люди, посвящающіе еще нѣсколько лѣтъ высшему образованію, безъ профессиональной цѣли, представляютъ рѣдкія исключенія.

Что касается громаднаго большинства молодыхъ людей, то въ спеціальныхъ высшихъ школахъ, на юридическомъ или медицинскомъ факультетѣ, они будутъ искать знаній, прямо относящихся къ избранной ими карьерѣ. Они будутъ искать практическихъ свѣдѣній на заводѣ, въ коммерческомъ предпріятіи, банкѣ или въ земледѣльческой промышленности. Вездѣ они учатся ремеслу. И если они обладаютъ моральными качествами человѣка съ характеромъ, они должны предаться этой работѣ со всѣмъ своимъ вниманіемъ, со всѣмъ мужествомъ. Излишка въ этомъ отношеніи нечего бояться.

Но какъ бы ни были они заняты необходимой работой, они могутъ всегда еще найти время для общей умственной культуры. Преслѣдуемое ими профессиональное образованіе отъ этого только выиграетъ.

Вообще, весь человѣкъ выигрываетъ отъ развитія его умственныхъ способностей, всегда выражающагося въ возвышеніи его мысли, въ увеличеніи его познаній и въ твердости его сужденій.

Нужно ли говорить, какъ достигается это развитіе?

По меньшей мѣрѣ излишне давать точныя указанія, ибо сотни путей ведутъ къ этой цѣли. Личные вкусы и предпочтенія тутъ свободно проявляются. Высшія науки, какого бы рода онѣ ни были, ведутъ къ искомому самосовершенствованію.

Во всѣхъ ихъ заключается, впрочемъ, общее начало труда, или, вѣрнѣе, умственнаго труда и отдыха, которыми не слѣдуетъ пренебрегать. Я говорю о постоянномъ пользованіи высшими произведеніями человѣческаго генія, о которыхъ классическія науки даютъ по меньшей мѣрѣ понятіе.

Такъ, существуетъ сотня томовъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, которые нужно знать, проникнуться ими до такой степени, чтобы сдѣлать изъ нихъ своихъ друзей. Черезъ время и пространство, нужно итти отъ Конфуція къ Канту, отъ Гомера къ Виктору Гюго, отъ Эсхила къ Шекспиру и Корнелю, отъ Ригъ - Веги къ Библии.

Здѣсь широкое поле, гдѣ можно постоянно пожинать для питанія духа, разума и чувства.

Будьте справедливы къ произведеніямъ современниковъ, которыя того заслуживаютъ. Но возвращайтесь часто къ учителямъ мысли и формы. Возвращайтесь къ блестящей плеядѣ нашего великаго литературнаго вѣка, къ Мольеру, Лафонтену, Корнелю и Расину.

Читайте Гомера и Виргилія; читайте Гюго и Ламартина, Шенье и другихъ поэтовъ, стихи которыхъ заслуживаетъ любви, которыхъ не признали или позабыли. Поэзія — вещь здоровая и пріятная; въ занятіи ею и чувство и разумъ находятъ удовлетвореніе.

Исторія содержитъ драгоцѣннѣйшую мудрость. Чтеніе ея такъ же пріятно, какъ и всякое другое. Ни въ одной драмѣ, ни въ какомъ романѣ не найти столь волнующихъ событій. Рассказываемое ею прошлое выше всякихъ фикцій. Сколько мучительныхъ жизней, сколько трагическихъ смертей въ одной главѣ исторіи. Сколько случаевъ, интригъ, драматическихъ или смѣшныхъ событій въ ежедневно появляющихся томахъ *воспоминаній*. Въ нихъ можно научиться психологіи и политикѣ, если не всегда получить уроки морали.

Во всякомъ случаѣ, это лучше, чѣмъ рассказы о всякихъ скандальныхъ исторіяхъ, которыми романисты второго порядка наводняютъ современную литературу. Нужно отбросить нѣ-

сколько десятковъ книгъ этого рода, чтобы найти романъ, который стоило бы прочесть. Но здѣсь можно получить и пользу, и удовольствіе. Подъ покровомъ привлекательнаго и живого разсказа можно дать полезныя и спасительныя уроки. Представленные иначе, они оттолкнули бы читателя своей сухостью. Нѣкоторые романы Флобера, Додэ, Лоти, Ренэ Базена и другіе, содержатъ поученія, которыя въ книгахъ морали, философіи и даже географіи звучали бы менѣе ярко и менѣе пріятно.

Лафонтенъ отмѣтилъ это и далъ въ слѣдующихъ словахъ оправданіе басни:

«Голая мораль наводитъ скуку;
Со сказкой можно провести и принципъ».

Читать хорошо само по себѣ, какому бы роду чтенія ни предаваться, исключая, конечно, нездоровыхъ и грязныхъ изданій, которыя нужно отстранять, когда имѣешь немного разума и деликатности. Всякая книга, если она и не многого стоитъ сама по себѣ, имѣетъ ту заслугу, что она заставляетъ думать,—и это уже кое что. Это возвышаетъ насъ надъ мелочами, надъ маленькими жизненными неприятностями, на которыхъ не слѣдуетъ останавливаться.

Монтескье, утверждая, что трудъ былъ для него лучшимъ средствомъ противъ отвращенія отъ жизни, говорилъ, что у него никогда не было горя, которое не растворилось бы отъ одного часа чтенія.

Существуетъ родъ ученія, столь же успокоительный и не менѣе способный возвысить душу надъ текущими мелочами: это изученіе искусства, оставленныхъ намъ вѣками высшихъ твореній и появляющихся ежедневно произведеній искусства.

Образованіе юноши, воспитаннаго въ нашихъ лицахъ, требуетъ, съ этой точки зрѣнія, полнаго пересмотра. Полученное имъ образованіе совершенно или почти нѣмо въ томъ, что касается искусства. Нужно научить его красотѣ и образовать его вкусъ.

Нѣтъ болѣе привлекательнаго труда: это вѣчный праздникъ для ума и глазъ.

Школа искусства открыта для всѣхъ. Она состоитъ изъ музеевъ, памятниковъ, которыми наши предки покрыли французскую землю, репродукцій предметовъ и зданій, слишкомъ далекихъ отъ насъ, чтобы всегда можно было ихъ осматривать. Способы воспроизведенія въ настоящее время вполне удовлетворительны и позволяютъ дешево дополнять и углублять образованіе, непосредственнымъ изученіемъ прекрасныхъ произведеній, находящихся въ нашемъ распоряженіи.

Любить прекрасное въ искусствѣ, какъ въ природѣ; умѣть отличать его и восхищаться имъ въ произведеніяхъ живописи, скульптуры, гравюры и архитектуры, стать человѣкомъ съ развитымъ и вѣрнымъ вкусомъ, значитъ дать себѣ наслажденіе высшаго порядка; съ другой стороны, это значитъ облегчить свое духовное и интеллектуальное совершенствованіе.

Таинственными узами любовь къ прекрасному связана съ любовью къ доброму и великому.

Имя Афинъ проходитъ черезъ вѣка въ неувядаемой славѣ, потому что городъ Перикла сумѣлъ въ одномъ вѣкѣ соединить политическое и военное величіе съ философской мудростью и высшей красотой.

Афинскіе граждане обсуждали вопросы красоты на общественныхъ площадяхъ. Наши вкусы еще не развились до такой степени, намъ до этого еще далеко. Если бы артистическое воспитаніе французскихъ гражданъ было лучше, чѣмъ оно въ настоящее время, невозможны были - бы нѣкоторые памятники, отъ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ страдаетъ красота французскихъ городовъ и, въ особенности, Парижа.

Побуждать юношество заниматься искусствомъ, значитъ, можетъ быть, остановить кризисъ уродливаго, угрожающій, по видимому, странѣ хорошаго вкуса.

Искусство — дитя созидательной способности, называемой воображеніемъ.

Оно же — мать поэзіи, иллюзіи и мечты.

Не будучи ни артистомъ, ни поэтомъ, ни мечтателемъ можно все же иногда обладать сильнымъ воображеніемъ. Прямой разумъ и сильная воля не уничтожаютъ воображенія. Они регулируютъ его и дѣлаютъ благотворнымъ.

Плохо регулированное воображеніе создаетъ душевный безпорядокъ. Воображаемые больные встрѣчаются не только въ театрѣ. Ихъ слишкомъ много, чтобы нужно было настаивать на воображеніи, которое, вмѣсто того, чтобы управляться, управляетъ человѣкомъ. Когда воображеніе совершенно не управляется, приходитъ безуміе.

Работа и дѣятельность предупреждаютъ безпорядокъ воображенія. Умѣренное и сдерживаемое разумомъ, оно даетъ здоровые результаты. Оно доставляетъ пріятныя развлеченія.

Физикъ Лихтенбергъ рассказываетъ, что часто цѣлыми часами онъ предавался мечтамъ, всякаго рода фантазіямъ своего воображенія. Безъ этого леченія, говоритъ онъ, которому я слѣдовалъ обыкновенно въ каникулярное время, я бѣ никогда не дошелъ до своего настоящаго возраста.

Сколько изъ насъ дѣлаютъ то же самое!

Не случается ли вамъ ежедневно, во время прогулокъ или когда вы идете по дѣлу, и никакая работа не возможна, предаваться нѣкоторому умственному отдыху работой воображенія? Не совершаете ли вы такимъ образомъ міровыя превращенія, для которыхъ нужны вѣка и которыя у васъ происходятъ въ нѣсколько минутъ? Въ другой разъ, не воображаете ли вы постройку какого - то дворца или дома по новымъ представленіямъ объ искусствѣ, по новымъ, оригинальнымъ планамъ? Не случается ли вамъ мечтать о произведеніи идеальной красоты, порожденномъ вашимъ воображеніемъ?

Всѣ эти воображаемые созданія вполне нормальны и пріятны, а кромѣ того, они могутъ быть и плодотворны для будущихъ дѣйствительныхъ и реальныхъ произведеній.

Итакъ, не душийте своего воображенія. Наоборотъ, возбуждайте его, если оно бездѣятельно, но не давайте ему ни малѣйшей власти надъ вами, всегда предоставляя разуму удерживать и регулировать его.

ГЛАВА IX.

ВОЗДѢЙСТВІЕ МОРАЛЬНАГО НА ФИЗИЧЕСКОЕ

Mens sana in corpore sano.

Когда я пишу эту древнюю формулу, я сознаю, что повторяю то, что всевозможные воспитатели говорят постоянно, что мои молодые читатели устали слушать въ школѣ, въ лицее, въ сотнѣ публичныхъ выступленій.

Это не важно: принципъ хорошъ и нужно его держаться:

Въ своей краткости онъ выражаетъ то, что повелѣваетъ человѣку благоразуміе желать для себя въ теченіе всей жизни: имѣть здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ.

Это не значитъ просить двухъ разныхъ вещей: напротивъ, онѣ тѣсно связаны между собою. Состояніе здоровья или болѣзни тѣла сильно вліяетъ на состояніе души.

Полное моральное равновѣсіе существуетъ лишь у человѣка, уравновѣшеннаго физически. Нельзя рассчитывать на постоянное здоровье при безпокойномъ или огорченномъ умѣ, при недостаточной моральной культурѣ.

Для хорошаго здоровья недостаточно матеріально заботиться о своемъ тѣлѣ.

Это необходимо, но не достаточно.

Это необходимо, потому что развитіе силы, сопротивленіе усталости, гибкость и ловкость нельзя пріобрѣсти безъ упражненій, безъ тренировки. Чтобы обладать всѣмъ этимъ — а это необходимо — нужно проявлять постоянную физическую дѣятельность. Если не находишь ея естественно, въ исполненіи своихъ профессиональныхъ обязанностей, нужно сдѣлать изъ этого правило гигиены: ходить, что всегда легко и всегда благотворно, ѣздить верхомъ, когда это возможно, плавать, заниматься играми, которыя нынѣ вездѣ въ почетѣ, давать работу мускуламъ и доставлять себѣ полезныя развлеченія.

Мнѣ незначѣтъ говорить о заботахъ о чистотѣ, которыми

нельзя пренебрегать, подъ страхомъ опуститься до уровня людей грубыхъ и невоспитанныхъ и вредить своему здоровію.

Но здоровье требуетъ больше этихъ необходимыхъ условій. Къ заботамъ о матеріальной гигиенѣ нужно прибавить условія гигиены моральной, дабы духъ помогалъ тѣлу переносить жизненные обязанности, бороться со зломъ и предотвращать опасности.

Есть ли сомнѣніе въ томъ, что это возможно?

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что душа, другими словами, совокупность моральныхъ и умственныхъ способностей человѣка, имѣетъ спасительное или пагубное, но всегда большое вліяніе на тѣло, на здоровье?

Противоположное вліяніе, т. е. физическаго на моральное, очевидно. Болѣзнь ослабляетъ, парализуетъ, иногда совершенно уничтожаетъ разумъ, чувства и волю.

Съ другой стороны, что могутъ сдѣлать ясный умъ и твердая воля противъ физическихъ недомоганій и болѣзненныхъ явленій?

Что могутъ сдѣлать они, чтобы предупредить болѣзнь или излѣчить ее, если избѣгнуть ея не удалось?

Здравый смыслъ и опытъ показываютъ, что они способны на многое, если не абсолютно на все.

Сильныя чувства, страсти, всѣ безпорядочныя движенія души, вызываютъ безпорядокъ въ тѣлѣ человѣка, поражаютъ болѣзнь и приводятъ иногда къ смерти. Большой испугъ, сильная, неожиданная радость, безмѣрный гнѣвъ часто вызывали сильныя припадки и даже мгновенную смерть. Тѣло дрожитъ отъ моральнаго чувства страха, какъ дрожитъ оно отъ физическаго чувства холода.

Всѣмъ извѣстно, что мнительность, опасеніе болѣзни, особенно заразительной, дѣлаетъ человѣка болѣе воспріимчивымъ къ заразѣ и что болѣзнь преимущественно обрушивается на тѣхъ, кто больше всѣхъ ея боится.

Кто не далъ овладѣть собою этому чувству трусости, остается обыкновенно невредимъ. Твердость характера и мужество имѣютъ, слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ, благотворное вліяніе на тѣло и дѣлаютъ его менѣе воспріимчивымъ къ болѣзни.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ говорилось, какъ Гете,

благодаря одной лишь моральной силѣ, удалось избѣгнуть злокачественной лихорадки, утравившей и поражающей всѣхъ вокругъ него. «Нельзя представить себѣ, говорить онъ, какъ могущественна въ такихъ случаяхъ воля. Она, такъ сказать, распространяется по всему тѣлу, и приводитъ его въ состояніе дѣятельности, отталкивающее всѣ вредныя вліянія».

Это указываетъ на значеніе душевнаго состоянія для предохраненія тѣла. Оно подтверждается и невоспримчивостью, которой пользуются въ больницахъ, среди заразныхъ больныхъ и при самыхъ страшныхъ эпидеміяхъ, врачи, санитары и сестры милосердія. Если не всегда сила характера, то чувство долга и профессиональное спокойствіе побѣдоносно предохраняютъ ихъ отъ постоянной опасности.

Посмотрите на людей, окружающихъ васъ, съ которыми вы постоянно встрѣчаетесь. Именно тѣ изъ нихъ, что всегда жалуются на свое здоровье, стонутъ надъ своими прошлыми и настоящими болѣзнями и постоянно опасаются новыхъ, въ жизни не проявляютъ ни рѣшительности, ни стойкости, ни мужества. Эти люди, слабые духомъ, передаютъ эту слабость самымъ крѣпкимъ тѣламъ и готовятъ ихъ къ серьезнымъ болѣзнямъ.

И наоборотъ, нездоровье, легкія недомоганія, отъ которыхъ никто не обезпеченъ, остаются незначительными и не развиваются, если на нихъ не обращаютъ слишкомъ большого вниманія, если продолжаютъ жить, работать, думать о другомъ и, по народному выраженію, «не прислушиваются къ себѣ».

Дѣятельная жизнь сжигаетъ болѣзненные зачатки, уничтожаетъ ихъ въ бурномъ движеніи жизни.

Нѣкоторыя болѣзни являются очевиднымъ результатомъ недостатка душевнаго равновѣсія.

Постоянное дурное расположеніе духа, скука, эгоизмъ и неумѣніе владѣть собой поражаютъ смутныя или опредѣленныя болѣзни, сокращающія жизнь. Изъ - за нихъ она дѣлается короткой, непріятной и страдальческой.

Человѣкъ, имѣющій глупость дать овладѣть собою скукѣ, всегда не въ духѣ и, слѣдовательно, невыносимъ и для себя и для окружающихъ, портитъ все въ своемъ тѣлѣ, ослабляется и

медленно погибаетъ. Онъ становится ипохондрикомъ, попадаетъ во власть черной тоски.

Другіе, давая волю своимъ нервамъ, доходятъ до истеричности.

Третьи, наконецъ, изъ эгоизма заботящіеся лишь о себѣ и о своемъ здоровьѣ, постоянно прислушиваясь и слѣдя за собой, преувеличивая въ воображеніи малѣйшее недомоганіе, открываютъ въ себѣ всевозможныя болѣзни и, благодаря этому вѣчному безпокойству, въ концѣ концовъ, дѣйствительно, заболѣваютъ иногда смертельно.

Если бы всѣ они захотѣли обратиться къ своему разуму и волѣ, если бы умѣли дѣйствовать и найти болѣе благородныя и высокія заботы, они излѣчили бы въ себѣ болѣзни духа и избавили бы свое тѣло отъ страданій.

Докторъ Фэхтерлебенъ сдѣлалъ слѣдующее справедливое замѣчаніе:

«Ипохондрія и истерія не были знакомы древнимъ. Попробуемъ быть благородными, какъ греки, энергичными, какъ римляне. Быть можетъ, исчезнуть тогда эти ужасныя болѣзни».

Не настаивая долыше, можно считать установленнымъ, что моральное имѣетъ сильное вліяніе на физическое, что разумъ, воля и возвышенныя чувства содѣйствуютъ предохраненію нашего тѣла отъ болѣзней, оздоровленію и продленію нашей жизни.

Я хотѣлъ бы, чтобы читатель твердо убѣдился въ этомъ, чтобы онъ созналъ заключенную въ немъ власть надъ своимъ тѣломъ, какъ и надъ духомъ.

Я хотѣлъ бы, чтобы въ этой области, какъ во всѣхъ остальныхъ, онъ вѣрилъ въ себя.

Что сказать ему еще, чтобы вызвать въ немъ это убѣжденіе? — Могу ли я себѣ позволить личную ссылку? — Самъ я, съ ранней молодости, обладалъ этой вѣрой, и никогда мнѣ не пришлось объ этомъ пожалѣть. Я всегда властно приказывалъ своему тѣлу; и до сихъ поръ, оно всегда повиновалось.

Итакъ, моральное воздѣйствіе можетъ, въ значительной степени, помочь намъ избѣгнуть болѣзни.

Может ли оно содѣйствовать излеченію, если, къ несчастью, мы все - же заболѣли?

Да, несомнѣнно.

Проявляемая въ этихъ случаяхъ спокойствіе, мужество и веля выздоровѣть сильно помогаютъ излеченію. Врачи хорошо знаютъ это. Имѣть въ качествѣ больного человѣка съ возвышенными чувствами и сильнымъ характеромъ для нихъ настоящее счастье. Врачъ находитъ въ этомъ важный элементъ для успѣха предписаннаго имъ леченія.

Да и какъ можетъ быть, чтобы правильно и постоянно дѣйствующая воля не привела въ болѣзни къ благотворнымъ результатамъ, когда сильное чувство или страсть приводятъ иногда къ внезапному выздоровленію?

Есть нѣсколько точно извѣстныхъ случаевъ, когда людей, прикованныхъ къ постели параличемъ ногъ, сильный испугъ вдругъ ставилъ на ноги и совершенно излечивалъ.

Такъ, пожаръ загорается въ домѣ, гдѣ лежитъ паралитикъ. Охваченный страхомъ передъ ожидающей его ужасной смертью, онъ вдругъ получаетъ способность дѣйствовать ногами; онъ вскакиваетъ съ постели и убѣгаетъ.

Другого въ воскресенье несутъ въ церковь на обѣдню. Вдругъ среди молящихся распространяется страшный слухъ: левъ бѣжалъ изъ городского звѣринца; онъ находится возлѣ церкви. Всѣ спѣшать, толкаются, бѣгутъ. Нашего больного обуялъ страхъ; всѣ его покинули; кровь стынетъ въ его жилахъ; нервы напрягаются; параличъ исчезъ. Онъ бѣжитъ и хочетъ спрятаться, какъ другіе. Когда паника прошла, паралитика нашли на большой высотѣ въ нишѣ святого, до которой онъ Богъ вѣсть какъ добрался и изъ которой не легко было его спустить.

Иной видъ волненія можетъ вызвать такія - же необычныя послѣдствія. Хорошо извѣстна исторія того человѣка, которому нервная болѣзнь мѣшала двигать языкомъ и онъ не могъ произнести ни одного слова. Его докторъ пытался изобрѣсти инструментъ, который долженъ былъ его вылечить. Онъ держалъ больного въ курсѣ своего изобрѣтенія, и тотъ сильно надѣялся и нетерпѣливо ждалъ, чтобы инструментъ былъ готовъ. Наконецъ, моментъ наступилъ. Больной былъ очень взволнованъ.

Передъ операціей, врачъ хотѣлъ измѣрить температуру. Онъ вставилъ термометръ въ ротъ пациента. Тотъ думалъ, что это ожидаемый инструментъ. Его волненіе было такъ сильно, что онъ заговорилъ и сталъ благодарить за излеченіе изумленнаго врача.

Можно безъ конца рассказывать любопытныя исторіи такого рода, доказывающія вліяніе души на тѣлесное здоровье.

Это вліяніе несомнѣнно. Его дѣйствительность и значеніе неоспоримы.

Къ положенію, которое я считаю доказаннымъ, что «мораль человѣка имѣетъ большое вліяніе на его здоровье», нѣкоторые моралисты прибавляютъ другое, служащее ему дополненіемъ, а именно: «мораль человѣка отражается на его лицѣ; характеръ его опредѣляетъ его красоту».

Я не приведу здѣсь исчерпывающихъ доказательствъ этого утвержденія, встрѣчающагося у многихъ авторовъ. Мнѣ кажется, что оно не имѣетъ такого значенія, къ тому же я не увѣренъ, что оно вполне справедливо.

Однако, есть несомнѣнная гармонія между чертами и выраженіемъ лица и чувствами человѣка, его мыслями, характеромъ, манерой держаться и дѣйствовать.

Можетъ ли быть иначе? Было бы необъяснимо если бы эти длительныя вещи не оставляли слѣда тамъ, гдѣ явленія преходящія, какъ радость, боль, испугъ, восторгъ такъ ярко отражаются.

Доброта, благородство и достоинство жизни читаются на лицѣ человѣка, какъ узнаются на немъ и порокъ, низость и злоба.

Не будучи особеннымъ фізіономистомъ, можно съ перваго взгляда узнать безнравственнаго мужчину или женщину. Развратъ налагаетъ на черты лица печать, въ которой нельзя ошибиться.

Вліяніе духовной жизни на красоту проявляется еще сильнѣе, когда видишь, съ промежуткомъ въ нѣсколько лѣтъ, одно и то же лицо, поведеніе котораго радикально измѣнилось.

Приличная молодая женщина безупречнаго поведенія, од-

ного взгляда на которую достаточно, чтобы понять, что она собою представляет, неожиданно поддается средѣ, въ которой живетъ и даетъ увлечь себя на дурную дорогу... Впослѣдствіи вы вновь встрѣчаетесь съ нею, не зная, что произошло. Нѣтъ необходимости посвящать васъ въ происшедшую перемѣну: вы угадываете ее. Передъ вами совершенно другая женщина.

Мнѣ лично привелось констатировать такого рода перемѣну, которая тогда поразила меня.

Я зналъ молодого человѣка, земледѣльца съ лицомъ, выразившимъ умъ и честность, дѣлавшіе его прекраснымъ. Между нами установились сердечныя отношенія, и мнѣ пріятно было болтать съ нимъ. У него былъ ясный здравый смыслъ и нѣкоторыя познанія, пріобрѣтенныя имъ при элементарномъ образованіи, путемъ чтенія, которыми онъ не хвасталъ, понимая, какъ человѣкъ умный, что то, что онъ зналъ — ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чего онъ не знаетъ и никогда не узнаетъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я потерялъ его изъ виду. Когда же я вновь встрѣтилъ его, это былъ совершенно иной человѣкъ. Онъ былъ такъ же уменъ и казался ни болѣе ни менѣе богатымъ. Но его лицо и манера держаться совершенно измѣнились. Красота исчезла вмѣстѣ съ выраженіемъ искренности и достоинства, которое мнѣ такъ нравилось. Ничто болѣе не привлекало меня къ нему.

Что же произошло? Я навелъ справки и узналъ, что его поведеніе совершенно измѣнилось. Онъ не былъ больше прежнимъ семейнымъ человѣкомъ. Онъ велъ беспорядочную жизнь. Довелъ свою жену до того, что она покинула семейный очагъ и вернулась къ родителямъ. Его упрекали даже въ безчестныхъ поступкахъ.

Лицо его, въ общихъ чертахъ, сказало мнѣ все это.

Мы, естественно, любимъ и восхищаемся женской красотой.

Есть въ женщинѣ родъ красоты, отражающій ея душу.

Вотъ молодая дѣвушка, какихъ, къ счастью, много, съ простой и полной достоинства манерой держаться, съ ясными глазами, глядящими на васъ прямо, скромно и искренне, въ которыхъ видна вся глубина ея души, честной, прямой и вѣрной.

Красива - ли она, это все равно: она хороша физически, потому что хороша морально.

Она изъ тѣхъ, которыхъ я желалъ бы видѣть подругами жизни моихъ сыновей.

Я желаю имъ, какъ желаю всѣмъ вамъ, молодые люди, любить красоту, эту сестру здоровья, дочь здороваго духа и великодушныхъ чувствъ.

II.

СЕМЬЯ

ГЛАВА X.

Р О Д Н Ы Е

Семья!

Съ какимъ чувствомъ нѣжности и значительности произносится это слово во всякомъ возрастѣ!

Дитя, для котораго семья представляетъ почти весь міръ, гдѣ оно находитъ убѣжище, поддержку, самую жизнь; юноша, вступающій въ самостоятельную жизнь, полный вѣры и надежды, но ничего не забывшій изъ недавняго прошлаго, вспоминающій съ нѣжностью о покидаемомъ очагѣ, гдѣ остались дорогія ему существа, гдѣ онъ родился, жилъ, выросъ и пробовалъ свои первыя силы, куда такъ хорошо будетъ иногда вернуться; мужчина, отецъ, для котораго семья — центръ того, что онъ любитъ, благотворный міръ среди жизненной борьбы, святая любовь, радость и будущее, — всѣ, у кого нѣжное сердце и высокая душа, дѣлаютъ изъ семьи самое священное, предметъ своей привязанности, почета и уваженія.

Сильныя расы и націи опираются на крѣпкое легальное и моральное установленіе семьи. Безъ этой основы ни одинъ народъ не можетъ жить, никакое государство не способно удержаться.

Семья есть первый и элементарный институтъ человѣчества.

Это — естественное общество, основа и зародышъ всѣхъ организованныхъ обществъ.

Въ началѣ всѣхъ вещей безъ нея невозможно было бы развитіе, прогрессъ и цивилизація человѣчества.

Первая семейная группировка дала ему элементъ силы, медленно привела къ объединенію себѣ подобныхъ, зародила, изъ необходимости, чувство и практику солидарности между людьми.

И такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, съ развитіемъ разума, изъ семьи произошло государство.

Они соединились изъ союзовъ, образовавшихъ новыя семьи, въ последующемъ затѣмъ взаимоотношеній и общихъ интересовъ.

Государство, распространившееся на всѣхъ людей одной расы, на совокупность большой или малой территоріи, образующей одно географическое цѣлое, въ свою очередь, породило Родину.

Родина, это наша большая семья.

Семья, это наша маленькая родина.

Родина и семья. Эти два слова звучать въ нашихъ ушахъ одинаково нѣжно, благородно и гордо.

Къ нимъ обращено все наше сердце, вся наша душа, все, что есть въ насъ мужественной силы и энергіи.

Прекрасная и славная древность Средиземнаго моря, которой мы дѣти, основала свои политическія учрежденія и религію на культѣ семьи.

У очага героической Греціи и варварскаго Рима, гдѣ огонь поддерживался, сначала по необходимости, потомъ какъ символъ и свидѣтельство уваженія къ величайшему человѣческому открытію, основѣ и первому орудію всякой цивилизаціи, — единственные боги, передъ которыми преклонялись, были предки, тѣ, изъ которыхъ произошла семья. Сынъ преклонялся съ тѣмъ же религіознымъ чувствомъ передъ живыми отцомъ и дѣдомъ, какъ передъ алтаремъ, воздвигнутымъ въ честь ихъ общихъ предковъ.

Предки были пенатами, богами дома, отцами семьи. Когда человѣкъ умиралъ, сыновья воздавали ему почести на томъ же алтарѣ, гдѣ они почитали предковъ, или на новыхъ алтаряхъ, воздвигнутыхъ тѣми, кто къ общему семейному стволу прививалъ новыя вѣтви.

Культъ предковъ, царившій въ древней Греціи и Римѣ, существуетъ и нынѣ, въ аналогичныхъ условіяхъ, рядомъ съ другими религіями или представляя собою единственную религію, у болѣе пятисотъ милліоновъ человѣкъ въ Восточной Азіи. Эти народы до такой степени преданы этому культу, что распространеніе другихъ религій, не допускающихъ его, среди нихъ почти невозможно. Религіозная практика, предметомъ

которой у нихъ нынѣ служатъ умершіе предки, сопровождается преклоненіемъ и внѣшними знаками глубокаго почета къ еще живымъ родителямъ.

Если бы это не выходило нѣсколько изъ границъ моей задачи, можно было бы многое сказать о нравахъ, давшихъ семьѣ въ этихъ отдаленныхъ странахъ необыкновенныя силы и связь, позволившія неорганизованнымъ государствамъ жить въ теченіе вѣковъ и создавать сильныя расы, съ которыми бѣлымъ народамъ приходится считаться.

Нельзя требовать отъ молодого француза воздаванія матеріальнаго культа людямъ, предшествовавшимъ ему въ жизни и отъ которыхъ онъ происходитъ. Однако, хорошо, чтобы онъ оставлялъ имъ мѣсто въ своей душѣ, думалъ о нихъ и любилъ ихъ черезъ время и смерть.

Если онъ имѣетъ счастье знать или установить свою родословную за нѣсколько поколѣній, пусть думаетъ о предкахъ, которымъ жить было тяжелѣе, чѣмъ ему, которые трудились, сражались и создали французскую землю своею кровью и потомъ.

Если поиски не уведутъ его слишкомъ далеко и если, какъ для многихъ изъ насъ, ближайшимъ предкомъ его былъ прикрѣпленный къ землѣ крестьянинъ, не всегда счастливый, не оставившій по себѣ ни историческихъ фактовъ, ни генеалогіи, онъ все же можетъ воскресить, при помощи - ли воображенія или нашихъ историческихъ познаній, жизнь тѣхъ, отъ кого произошелъ. Онъ представитъ себѣ, въ прошедшихъ вѣкахъ, отцовъ своихъ отцовъ. Онъ будетъ любить ихъ стойкость въ работѣ и въ битвѣ, позволившую имъ жить на прекрасной землѣ и подъ прекраснымъ небомъ Родины, которую они сохранили и передали намъ, несмотря на столько поползновеній.

Кто - бы ни были наши предки, они были велики, разъ они сдѣлали Францію великой и могучей, разъ они болѣе другихъ способствовали созданію европейской цивилизаціи, гордости человѣчества.

Итакъ, учитесь знать вашихъ предковъ и любить ихъ.

И если вамъ удастся, юноши, возстановить исторію вашей

семьи, хотя бы только до ваших дѣдовъ и если ничего важнаго въ ней не произошло, запишите на бумагѣ факты, время и мѣсто. Впослѣдствіи вы прибавите къ этому свѣдѣнія о вашей собственной жизни, указанія семейныхъ событій и передадите своимъ дѣтямъ эту семейную монографію. Она будетъ ихъ дворянской грамотой высокой цѣнности, грамотой благородства честныхъ людей.

Чувства по отношенію къ далекимъ предкамъ, нѣсколько неясны и неопредѣленны.

Они менѣе интенсивны, чѣмъ къ отцу и матери. Здѣсь любовь непосредственна и глубока, исполнена нѣжности, благодарности и уваженія. У ребенка она инстинктивна, безъ разсужденій и повелѣній.

Кто не любитъ своихъ родителей, является исключеніемъ, уродомъ, какихъ производитъ иногда природа. Это отбросы челоуѣчества, о которыхъ не стоитъ и говорить.

Когда ребенокъ растетъ и выявляется его личность, любовь его къ родителямъ, сохранившаяся въ сердцѣ, начинаетъ опираться на разумъ, на идею о долгѣ. Своихъ родителей любить не только инстинктивно, но и въ сознаніи, что должны ихъ любить. Это священный и пріятный долгъ, который всегда легко исполнять.

Самъ законъ устанавливаетъ обязанности по отношенію къ роднымъ. Статья 371-ая Гражданскаго Уложенія говоритъ: «Ребенокъ, во всякомъ возрастѣ, долженъ оказывать почетъ и уваженіе своимъ отцу и матери».

Христіанская религія также повелѣваетъ:

«Чти отца и мать твою».

Все въ жизни повелѣваетъ любить, уважать, почитать своихъ родителей, помогать имъ и поддерживать ихъ.

Долгъ благодарности имъ начинается съ данною ими намъ жизнью и увеличивается съ любовью и заботами, которыми они насъ окружаютъ и съ жертвами, принесенными ими для насъ.

Юноша, становящійся мужчиной, высчитай, если можешь, чего стоилъ ты своей матери въ заботахъ, бессонныхъ ночахъ, горестяхъ и страданіяхъ. Сколько труда употребилъ для тебя

твой отецъ, сколько уколовъ самолюбію перенесъ онъ иногда изъ за тебя, твоего будущаго. Насколько легче была бы ему жизнь, если бы онъ поступилъ, какъ эгоистъ, отступающій передъ семейными обязанностями, желающій только самого себя сдѣлать единственной цѣлью и центромъ всей своей жизни.

Нѣтъ, ихъ жизнь была лишь для тебя; твоя личность, твое здоровье и воспитаніе были ихъ повседневной заботой, дѣломъ всей ихъ семейной жизни.

Есть ли что либо на свѣтѣ выше безграничной и безкорыстной любви, окружающей ежеминутно ребенка? Можно ли что либо сравнить, по силѣ и интенсивности, съ материнской любовью? Самый нѣжный и преданный сынъ никогда не отдастъ матери того, что получилъ отъ нея, не сможетъ любить ее такой - же любовью, какую она ему отдала. Мать знаетъ объ этомъ, предвидитъ это, и все же безгранично любитъ его.

Мнѣ вспоминается грусть этого чувства въ стихахъ:

«Нѣтъ, дѣти, нѣжныя мечты,
Обманчивые и прелестные сны,
Никогда не будете вы любить вашихъ матерей
Такъ, какъ онѣ васъ любили.

Любовь къ своимъ родителямъ, должное къ нимъ почтеніе, должное всегда, «во всякомъ возрастѣ», какъ говоритъ законъ, является у дѣтей природной.

Эта любовь и уваженіе у дѣтей и у взрослыхъ не выражаются въ одинаковой формѣ. Мелкіе проступки, простительные подростку, недопустимы у молодого человѣка. Самъ по себѣ, по доброй волѣ онъ обязанъ выказывать отцу и матери постоянное уваженіе и глубокое почтеніе. Въ повседневной жизни ихъ воля никогда не замѣнитъ его воли; но въ важныхъ вопросахъ, она требуетъ послушанія. Въ трудныхъ обстоятельствахъ сынъ всегда сможетъ воспользоваться совѣтами своихъ родныхъ, внушенными нѣжностью, опытомъ, заботой о достоинствѣ и чести.

Секретъ того, чтобы все было легко между отцомъ, матерью и дѣтьми, заключается во взаимной любви. Любовь, это — талисманъ, стирающій всѣ затрудненія и страданія.

Во всякомъ возрастѣ нужно любить своихъ родныхъ и отдавать часть своей души почтенному и дорогому прошлому, какъ

бы захватывающіи ни были настоящее и будущее новой семейной вѣтви.

Нужно любить своихъ родителей и при жизни и послѣ ихъ смерти.

Человѣкъ, прожившій самъ хорошую и полезную жизнь и за совершенное имъ добро и достигнутые успѣхи благодарный прошлому, облагораживается и возвышается въ нашихъ глазахъ.

Знаменитый ученый Пастеръ, пріавшій славу при жизни, присутствуя на манифестаціи благодарности и восхищенія своихъ согражданъ, прибывавшихъ мраморную доску къ дому, гдѣ онъ родился, воскликнулъ:

«О, дорогіе мои отецъ и мать! О, дорогіе мои покойники, такъ скромно жившіе въ этомъ маленькомъ домѣ, вамъ я обязанъ всѣмъ... Будьте благословенны оба, мои дорогіе, родные, за то, чѣмъ вы были!»

Затѣмъ, вспоминая отдѣльно объ отцѣ и матери, онъ говорилъ:

«Твой энтузіазмъ, моя мужественная мать, ты передала мнѣ. Если я всегда связывалъ величіе науки съ величіемъ родины, то это потому что я былъ проникнутъ чувствами, которыя ты мнѣ внушила.

«А ты, дорогой мой отецъ, жизнь котораго была такъ же сурова, какъ сурово было твое ремесло, ты показалъ мнѣ, чего можно добиться терпѣніемъ и постоянными усиліями. Тебѣ обязанъ я упорствомъ въ ежедневномъ трудѣ... Глядѣть въ высь, изучать невидимое, стараться возвыситься, вотъ чему научилъ ты меня. Когда ты училъ меня читать, ты заботился о томъ, чтобы дать мнѣ понять величіе Франціи.»

Благодарная любовь Пастера къ покойнымъ родителямъ и его постоянная мысль о благѣ Родины добавляють чистые и блестящіе лучи къ ореолу славы великаго ученаго. Онъ является однимъ изъ прекраснѣйшихъ примѣровъ для юношества.

Когда учишься любить отца и мать, когда остаешься имъ преданнымъ навѣки, проникаешься также своими обязанностями и къ другимъ членамъ семьи, родственникамъ въ разныхъ степеняхъ, также имѣющимъ право на долю нашей любви и преданности.

Братья и сестры — нѣчто отъ насъ самихъ, они дороги намъ, какъ самые дорогіе друзья, отчасти какъ отецъ и мать, если они старше насъ, отчасти, какъ наши дѣти, если они моложе. Любить ихъ естественно и легко. Помогать имъ и поддерживать ихъ — нашъ долгъ. Оставаться связанными съ ними всю жизнь, каковы бы ни были ея случайности — въ этомъ большая сила, и матеріальная и моральная.

Впрочемъ, все что связываетъ и продолжаетъ семью, есть благо и само по себѣ, и по своимъ социальнымъ послѣдствіямъ. Чѣмъ прочнѣе и тѣснѣе узы семьи, тѣмъ болѣе крѣпки узы національныя.

Въ семьѣ приобрѣтаются главныя качества человѣка добра и полезнаго гражданина. Въ ней возникаетъ, развивается и укрѣпляется чувство патриотизма.

Въ ней, и только въ ней, черпается уваженіе къ женщинѣ, необходимое въ организованномъ государствѣ, чистота и честность нравовъ, прелесть взаимоотношеній.

Къ общимъ мотивамъ, по которымъ человѣкъ долженъ оберегать свое доброе имя, семейное чувство прибавляетъ еще одинъ: человѣкъ хочетъ заслужить уваженіе не только для себя, но и для своихъ. Онъ хочетъ передать дѣтямъ свое имя такимъ же незапятнаннымъ, какимъ самъ получилъ его. Онъ справедливо гордъ своей семьей, если она оставила ему наслѣдство чести. Онъ хочетъ, чтобы то же наслѣдіе получили и его потомки, и, въ свою очередь, могли гордиться имъ.

Причины частнаго и общественнаго порядка и верховный интересъ страны — все содѣйствуютъ укрѣпленію института семьи и семейныхъ чувствъ.

Итакъ, чтобы повторить въ нѣсколькихъ словахъ сказанное, можно съ глубокимъ убѣжденіемъ сказать юношѣ:

— Во всякомъ возрастѣ, во всякомъ положеніи, люби, уважай и почитай тѣхъ, кто далъ тебѣ жизнь.

Оставайся связанъ узами любви и преданности съ твоими родственниками во всѣхъ степеняхъ.

Будь проникнутъ семейнымъ духомъ. Вмѣстѣ съ глубокимъ уваженіемъ къ женщинѣ, приобрѣтай качества и добродѣтели, которыя ты найдешь только у семейнаго очага.

ГЛАВА XI.

Л Ю Б О В Ъ

Платите свой долгъ родителямъ, молодые люди. Платите его съ постоянной и благодарной любовью. Храните имъ мѣсто въ умѣ и сердцѣ...

Но обратитесь рѣшительно къ будущему; сами родные ваши этого требуютъ. Вы были ихъ сыномъ, теперь будьте самимъ собою. Образуйте свою личность.

Идите навстрѣчу зовущей васъ жизни; идите ко всему, что хорошо и здорово, ко всему, что даетъ смыслъ существованію.

Идите къ долгу, т. е. къ дѣйствию и труду. Идите къ счастью, т. е. къ дружбѣ и любви.

Дѣйствовать и любить. Въ этомъ заключается активная жизнь человѣка.

Это двойное повелѣніе природы и морали: дѣствуйте и любите.

Дѣствуйте, боритесь и трудитесь, говоритъ законъ человѣческой, законъ повелительный и строгій.

Любите, — говоритъ еще законъ человѣческой, къ которому прислушивается юность, которую онъ быстро убѣждаетъ и обольщаетъ.

Любить, это тоже долгъ, долгъ легкій, къ исполненію котораго человѣкъ стремится. Это долгъ, а потому, если естественно, чтобы диктовало его чувство, онъ долженъ сдерживаться и управляться разумомъ.

Любовь — не пустая и легкомысленная вещь.

Прежде всего, это нѣчто прекрасное и чистое, какъ само небо. Но, въ то же время, это нѣчто серьезное и строгое, возвышенное и спокойное, отвергающее все низкое, грязное и унижительное.

Любовь, рождающая жизнь, лежит въ основѣ семьи. Она образуетъ и поддерживаетъ семью. Она дѣлаетъ легкими и пріятными налагаемыя ею иногда тяжелыя обязанности.

Нѣтъ другого чувства, обладающаго ея силой и могуществомъ.

Любовью составляютъ собственное счастье, любовью же ведутъ весь міръ.

Любите, если хотите быть любимыми. Кто не умѣетъ любить истинно и полно, не возбуждаетъ любви и къ себѣ.

Человѣкъ, умѣющий любить другихъ, любить народы, одинъ лишь въ состояніи вести ихъ и управлять ими.

Любовь рождаетъ любовь.

Умѣйте любить, молодые люди, отъ всего сердца и отъ всей души!

Если вы способны на это, если любили саму любовь еще до встрѣчи съ той, которую потомъ полюбите, вы сумѣете предохранить себя отъ разврата, отъ грубыхъ чувственныхъ побужденій, разлагающихъ и унижающихъ юношей.

Храните вашу молодость, свѣжесть вашихъ чувствъ, ваше здоровье и достоинство.

Все это погибаетъ въ томъ, что, какъ будто въ насмѣшку, называютъ наслажденіемъ.

Все это уничтожается въ нѣсколько часовъ, о которыхъ потомъ жалѣютъ всю жизнь.

Не такъ много молодыхъ людей предаются разврату.

Для этого нужны низость души и вульгарныя чувства, которыя, къ счастью, довольно рѣдки. Но вліяніе среды, глупое тщеславіе, нелѣпый предрасудокъ, по которому это грязное безуміе связано съ молодостью, развращаютъ большинство.

Человѣкъ съ развитой волей, уважающей себя и свои чувства, не поддастся этимъ соблазнамъ. Онъ гордо пройдетъ мимо, не видя грязи у своихъ ногъ, и его она не коснется. Онъ сохранитъ свою молодость сердца и тѣла для здоровой и истинной любви, возвышающей человѣка надъ самимъ собой, тогда какъ развратъ низводитъ его ниже животнаго.

И если онъ такъ счастливъ, что въ двадцать лѣтъ въ немъ родилась искренняя и благородная любовь, которая расцвѣ-

теть позднѣе; если онъ сумѣлъ выбрать свою будущую невѣсту, а затѣмъ подругу жизни, то ему легко будетъ уберечься отъ грубыхъ соблазновъ. Любовь охранить его лучше самыхъ твердыхъ рѣшеній.

Вмѣстѣ съ прекраснымъ поэтомъ, Огюстомъ Доршеномъ, онъ сможетъ сказать той, кого любить:

«Вашъ образъ въ моемъ сердцѣ,
Мечтающемъ о наслажденіи,
Какъ прекрасная мысль,
Изгоняющая дурныя желанія».

Нѣтъ ничего прекраснѣе любви молодого человѣка и дѣвушки, жениха и невѣсты, сіяющихъ прелестью и счастьемъ.

Любите же, молодые люди!

Любите, но умѣйте избрать женщину, которую полюбите. Прежде, чѣмъ отдаться серьезному чувству, такому сильному и захватывающему, прислушайтесь къ своему разуму. Предоставьте ему высшую власть, чтобы любовь не родилась изъ мимолетной страсти, о которой вы впослѣдствіи сожалѣли бы. Если ваше сердце ошибается, пусть разумъ скажетъ ему «нѣтъ», пока еще оно только смущено.

Выбирайте тщательно. Любите ту, которая достойна любви, которая достойна взять васъ цѣликомъ и навсегда.

Среди дѣвушекъ, которыхъ къ счастью много, такъ нѣжно воспитанныхъ вашими матерями, охраняющими ихъ отъ всякаго вреднаго вліянія, отъ всякаго губительнаго дуновенія, среди тѣхъ, чьи лица дышатъ достоинствомъ, прямою и полнымъ моральнымъ здоровьемъ, дающимъ, вмѣстѣ со здоровьемъ физическимъ, истинную красоту, среди нихъ, и только среди нихъ ищите ту, которая должна вамъ принадлежать, которая будетъ избранницей вашего сердца.

Любите ее, и она васъ полюбитъ. Таковъ материнскій законъ природы. Любовь вызываетъ любовь.

Если, къ несчастью, этого не будетъ, вы все же будете любить — и страдать. Такія страданія закаляютъ сильнаго человѣка, а время даетъ ему успокоеніе.

Но оставимъ эту грустную возможность: это лишь исключеніе, отъ котораго легко предохранять васъ проникательность и сердечный инстинктъ.

Вы будете любить и любимы и испытаете такимъ образомъ то, что есть лучшаго на свѣтѣ.

О, какъ прекрасно, какъ чудно наслажденіе чистой и цѣломудренной любовью молодого сердца! Нѣтъ на землѣ равной ей благодати. Нѣтъ мечты, могущей сравниться съ прекрасной, сіяющей дѣйствительностью.

Тотъ, кто позналъ эту высшую радость, это очарованіе всего существа и взявъ ее какъ основу жизни, можетъ довѣрчиво глядѣть въ будущее. Онъ больше сдѣлалъ для себя, для своего счастья и успѣха, чѣмъ самые ученые и практическіе расчеты.

Строить свою жизнь мужчины, семьянина на любви, любви здоровой и сильной, восторженной и строгой, которая возвышаетъ и очищаетъ, украшаетъ и идеализируетъ, значитъ поступать морально и полезно, въ согласіи съ разумомъ и благоразуміемъ.

Человѣкъ долга, мужественный и съ сильной волей, умѣетъ любить лучше другихъ.

Онъ умѣетъ отдать любви важное мѣсто, на которое она имѣетъ право, широкую область, принадлежащую ей въ мысляхъ и дѣйствіяхъ.

Поступай такимъ образомъ, молодой другъ мой, читающій эти страницы, умѣй любить!

Пусть любовь и разумъ согласно руководятъ тобой въ выборѣ подруги жизни.

Да предстанете вы передо мною оба въ вашемъ близкомъ будущемъ, какъ олицетвореніе семьи, изъ которой произойдетъ Франція, омолодѣвшая, прекраснѣйшая и сильнѣйшая, чѣмъ когда бы то ни было!

Да смогу я благословить васъ вмѣстѣ съ поѣтомъ:

«Вы, дѣти съ сіяющимъ лицомъ,
Ты, мужественный юноша, ты, нѣжная дѣвушка!»

ГЛАВА XII.

Б Р А К Ъ

Семья происходит изъ союза молодого человека съ молодой дѣвушкой, — изъ брака, являющагося его видимой и легальной связью, тогда какъ любовь есть его связь моральная.

Бракъ есть торжественный актъ, при которомъ женихъ и невеста, съ согласія ихъ семей, клянутся принадлежать другъ другу въ теченіе всей жизни; при которомъ они принимаютъ вытекающія изъ ихъ союза обязанности, въ частности тѣ, которыя связаны съ рожденіемъ ихъ дѣтей. Законъ, регистрирующій этотъ актъ, дѣлаетъ изъ этого долга формальную обязанность.

«Супруги обязаны другъ другу вѣрностью, помощью и поддержкой», говоритъ законъ.

«Мужъ долженъ оказывать покровительство своей женѣ, жена обязана ему послушаніемъ.

«Жена должна жить со своимъ мужемъ и слѣдовать за нимъ всюду, гдѣ онъ найдетъ нужнымъ жить. Мужъ обязанъ давать ей убѣжище, и доставлять ей все необходимое для жизни, сообразно своимъ средствамъ и состоянію.

«Самимъ фактомъ брака супруги совмѣстно принимаютъ на себя обязанность содержать, кормить и воспитывать своихъ дѣтей».

Таковы, въ ихъ строгой сухости, предписанія гражданскаго закона.

Моральный законъ налагаетъ обязанности болѣе многочисленныя и тѣсныя, но и болѣе пріятныя.

Вступающіе въ бракъ, принимаютъ и тѣ и другія. Эти, добровольно наложенныя на себя обязанности, иногда не легки, но отъ нихъ никогда нельзя отказаться.

Имѣютъ ли они право снять ихъ съ себя?

Ни въ какомъ случаѣ.

Жениться и основать семью есть моральная обязанность,

соотвѣтствующая долгу принять жизнь и сдѣлать изъ нея хорошее употребленіе.

Жизнь есть долгъ. Таковой - же долгъ — зарождасть жизнь.

Зарождасть жизнь не значить только рождасть дѣтей. Нужно воспитать ихъ, дать имъ возможность самимъ содержать себя, сдѣлать изъ нихъ людей. Для этого нуженъ тѣсный, неразрывный союзъ, общая жизнь отца и матери; нуженъ очагъ, нужна семья.

Природа, сдѣлавшая сына человѣка слабымъ и нѣжнымъ, неспособнымъ долго еще самому удовлетворять свои потребности, вложила въ сердце отца и матери могущественный инстинктъ любви къ маленькому существу, рожденному отъ ихъ плоти; природа пожелала, чтобы человѣкъ жилъ въ семьѣ, длительно, постоянно, какъ того требуютъ постоянно возобновляющіяся потребности.

Итакъ, бракъ есть долгъ естественный, долгъ человѣческой.

Это также долгъ моральный, котораго ничто не разрѣшаетъ нарушить, отъ котораго ничто не можетъ освободить.

Общество не можетъ жить безъ необходимой основы, которой является для него семья. Ни одно человѣческое общество не могло существовать безъ нея.

Опасные новаторы, строющіе, съ помощью безчисленныхъ парадоксовъ, воображаемая группировки, въ которыхъ люди все обобщаютъ и изъ которыхъ исключена семья, не находятъ на землѣ другихъ примѣровъ, въ прошломъ и настоящемъ, какъ нѣсколько дикихъ племенъ, ведущихъ жалкое и несчастное существованіе, лишь отдаленно напоминающее человѣческое общество.

Все, что можно сдѣлать съ этими теоретиками варварства, это съ презрѣніемъ оттолкнуть ногой ихъ химерическія и зловредныя системы.

Если же обратиться къ міру, въ которомъ мы живемъ, и къ принципамъ, на которыхъ покоится жизнь въ обществѣ, можно сказать, что нѣтъ ничего прочнаго безъ семьи и создающаго ее брака.

Такимъ образомъ, бракъ является долгомъ соціальной жизни.

Во имя какихъ привилегій отдѣльные люди могутъ по-

зволить себѣ нарушить его временно или навсегда? Эти обязанности налагаются одинаково на всѣхъ. Обходить ихъ значить совершать ошибку, причина которой чаще всего лежитъ въ эгоизмѣ или въ трусости.

Если человѣкъ не женится, то это для того, чтобы избѣжать обязанностей и отвѣтственности семьи, обязанностей, налагаемыхъ существованіемъ законной подруги. Отступаютъ и бѣгутъ отъ этого долга, какъ отступаютъ и бѣгутъ съ поля сраженія.

Много аргументовъ можно было бы еще привести въ пользу брака, во имя морали и достоинства человѣка, но очевидность ихъ дѣлаетъ это излишнимъ.

Итакъ, все заставляетъ сказать молодому человѣку:

— Женись; организуй семью; создай очагъ!

Этого требуютъ отъ тебя и природа, и моральный законъ. Это социальный долгъ.

Ты долженъ жениться, какъ только можешь, какъ только ты достигъ возраста мужчины, какъ только отбытіе воинской повинности вернуло тебѣ свободу и ты въ состояніи самъ содержать себя.

Только глава семьи поистинѣ мужчина.

Въ древнемъ государствѣ нельзя было занимать никакой общественной должности, не достигши этого положенія.

Жениться, и жениться молодымъ — это обязанность.

Но это также и счастье.

Въ этомъ отношеніи, какъ почти во всемъ, моральная обязанность, возложенная на человѣка для общаго блага, способствуетъ и личному его благу.

Это нужно для общества, являющагося постоянной цѣлью; одновременно пріобрѣтается и личная выгода.

Нѣтъ истиннаго, полного и длительного счастья внѣ брака, внѣ семьи.

Бракъ всегда хорошъ; но какъ прекрасенъ онъ въ молодости, когда оба супруга находятся на зарѣ жизни, когда они несутъ въ свой союзъ богатство, самое дорогое на свѣтѣ: свѣжесть и чистоту духа, сердца и тѣла.

Это любовь полная, цѣломудренная и гордая, открытая и прекрасная, возвышенная и освященная обязанностями и благородной жизнью, которую будетъ озарять.

Вся жизнь молодой пары будетъ какъ - бы отраженіемъ чудныхъ, несравненныхъ часовъ, прожитыхъ ею въ началѣ этой длинной общей дороги. Воспоминаніе о нихъ будетъ освѣщать тѣ далекіе, трудные, быть можетъ темные дни, отъ которыхъ никто вполнѣ не гарантированъ; оно поможетъ перенести ихъ и сгладить ихъ горечь.

Не разъ прійдетъ на умъ супруговъ прекрасное воспоминаніе первыхъ дней брака. «Помните ли нашу чудную жизнь», скажутъ они, какъ Викторъ Гюго,

«Когда наши соединенные годы
Были не болѣе сорока,
И въ нашемъ скромномъ уголѣ
Даже зимой была весна?»

Великій поэтъ далъ прекрасную картину своей молодости. Прежде всего, онъ мужественно принялся за работу:

«Работать, значить любить; полюбить, значить жениться. Любовь и трудъ — лучшія точки отправленія для семьи. И вотъ она приходитъ. И вотъ, у него есть дѣти. Онъ относится серьезно къ этой зарѣ жизни. Мать кормитъ ребенка, отецъ кормитъ мать. Чѣмъ больше счастья, тѣмъ больше и труда. Онъ работалъ цѣлые дни, — онъ будетъ работать и ночи... Жизнь сурова, но сладка».

Любовь къ труду и понятіе о долгѣ всегда приобрѣтаются и развиваются въ молодой семьѣ.

Неразрывная связь между мужчиной и женщиной укрѣпляется съ каждымъ днемъ. Совершается слияніе ихъ мыслей, чувствъ и воли. Между ними образуется единство, которое прервать можетъ лишь смерть.

Кто больше даетъ и больше получаетъ въ этомъ единеніи двухъ душъ? Это не важно. Каждый даетъ, что имѣетъ.

Мужчина приноситъ то, что дала ему природа и развило воспитаніе, чего не дали въ той же степени женщинѣ ни природа ни воспитаніе. Это — сила, спокойный разумъ, управляющій чувствами, и закаленная воля.

Разница въ роли, которую приходится играть въ жизни мужчинъ и женщинъ ясно обозначена разницей въ ихъ физической конституціи и въ способностяхъ. Мужчина предназначенъ природой для энергичной дѣятельности, требующей сильныхъ мускуловъ и твердаго характера. Женщина предназначена для болѣе нѣжной, болѣе пассивной роли, не требующей ни такой силы сопротивленія мускуловъ, ни такой предприимчивой воли.

Область дѣятельности женщины — у очага, въ домѣ, въ семьѣ, гдѣ она осуществляется, нѣжная, терпѣливая и неутомимая.

Тамъ она царица, предназначенная къ этому царству самой природой.

Поле дѣятельности мужчины внѣ дома, среди трудящагося общества. Тамъ есть у него свое мѣсто и своя роль. Тамъ трудится онъ для общаго блага, какъ и для личной выгоды. Онъ кормитъ семью, онъ приноситъ ей все, что нужно для общихъ потребностей.

Женщина, занимающая какую либо должность и работающая внѣ дома, должна была бы быть рѣдкимъ исключеніемъ. Въ настоящее время, въ нѣкоторой средѣ, это почти правило, часто вслѣдствіе испортившихся нравовъ, а иногда вслѣдствіе недостатка равновѣсія нашей цивилизаціи. Чтобы было много женщинъ, не выполняющихъ роли ни супругъ ни матерей или чтобы, будучи таковыми, онѣ принуждены были покидать свой очагъ, нужно, чтобы много мужчинъ не исполняли своего долга или, чтобы наша социальная экономія была весьма несовершенна.

Если женщина остается незамужней, то это, обыкновенно, не по собственной волѣ. Развитіе въ ней чувства, сила материнскаго инстинкта, побуждаютъ ее къ замужеству. Только эгоизмъ и трусость мужчины мѣшаютъ тому, чтобы осуществилась воля природы и общества.

Въ бракѣ супругъ долженъ содержать свою жену и дѣтей. Это и легальная и моральная обязанность. За исключеніемъ случаевъ абсолютной необходимости, женщина не должна нести не падающихъ на нее прямыхъ обязанностей. Однимъ только

очень бѣднымъ людямъ, получающимъ лишь минимальную заработную плату, можно простить это.

Какой очагъ можно создать, какую семью можно воспитать, если мать должна быть въ отсутствіи нѣкоторую часть дня?

Каждый долженъ исполнять свою роль на землѣ. Женщина создана для дома; для семейныхъ заботъ. Во всякихъ условіяхъ ихъ достаточно, чтобы занять самую трудолюбивую и самую дѣятельную. На долю мужчины падаетъ трудъ внѣ дома, работа оплачиваемая. Онъ долженъ зарабатывать все, что можетъ; на женѣ лежитъ устроить жизнь такъ, чтобы тратить только то, что мужъ зарабатываетъ.

Самые малые, какъ и самые большіе бюджеты, требуютъ полного равновѣсія.

Точное разрѣшеніе этого вопроса о приходахъ и расходахъ необходимо для моральной прочности семейной жизни.

Гдѣ отсутствуетъ матеріальный порядокъ, легко возникаетъ и моральный беспорядокъ: неизбѣжныя трудности и волненія мѣшаютъ полностью владѣть собой.

Я не буду считаться съ этой возможностью, не могущей представиться въ семьѣ человѣка съ разумомъ и характеромъ, котораго я предполагаю образовавшимся согласно принципамъ этой книги.

Онъ сумѣетъ избѣгнуть матеріальныхъ трудностей и отдастся въ своей семьѣ возложенной на него моральной задачѣ.

Говорятъ, что выходящая замужъ молодая дѣвушка представляетъ собою бѣлую страницу, на которой мужъ можетъ написать, что хочетъ. Если картина эта и не вполне вѣрна и если молодая женщина уже получила въ жизни впечатлѣнія, наложившія слѣдъ на ея характеръ, можно все же сказать, что мужчина сильно вліяетъ на интеллектуальное и моральное развитіе своей жены. Если онъ любитъ ее и, что то же, если любимъ ею, онъ будетъ наставникомъ, котораго слушаютъ, понимаютъ, и которому повинуются безъ приказаній. Власть его основана будетъ на любви, столь же, сколько на зрѣлости его мысли, на его разумной волѣ, на значительности его внѣшней роли для существованія семьи.

Онъ будетъ главою, естественно и безъ усилій. Чѣмъ большимъ будетъ преимущество его разума и воли, тѣмъ менѣе придется ему прибѣгать къ проявленію своей власти. Мужчина долженъ имѣть въ своей семьѣ такой авторитетъ, чтобы ему никогда не приходилось приказывать для того, чтобы его слушались.

Особенно по отношенію къ молодой женѣ долженъ онъ проявлять сдержанность, дѣйствовать лишь любовнымъ убѣжденіемъ, и такимъ путемъ онъ достигнетъ всего, что захочетъ и что благоразумно. Нѣжность и желаніе нравиться ему отдадутъ супругу въ полную власть ему, позволять ему формировать ее и сдѣлать ее совершенно своей.

Человѣкъ прямого разума и характера всегда найдетъ достойную его подругу, нѣжную и бдительную хранительницу очага, любезную и добродѣтельную жену, распространяющую счастье вокругъ себя.

Кто проявилъ недостатокъ воли и, тѣмъ болѣе, морали, можетъ превратить дѣвушку, по природѣ честную, въ женщину, не лучшую, чѣмъ онъ самъ, другими словами, не многого стоящую и готовую ко всѣмъ паденіямъ.

Вліяніе мужа на жену проявляется въ жизни ежеминутно, на каждомъ шагу.

Посмотрите, напримѣръ, на двухъ сестеръ, одинаково воспитанныхъ, обладающихъ приблизительно тѣми же качествами, одинаковой способностью стать прекрасными женами и матерями. Онѣ выходятъ замужъ. Участь ихъ весьма различна, если мужа ихъ не похожи другъ на друга. Предположимъ, что одинъ изъ нихъ благоразуменъ и прямъ, что велика его интеллектуальная и моральная цѣнность. Его молодая жена мало по малу формируется по его образцу. Она становится его достойной подругой, ее любятъ и восхищаются ею наравнѣ съ ея мужемъ.

Другая сестра выходитъ замужъ за человѣка ничтожнаго и сомнительной морали. Проходитъ нѣкоторое время, и связь семьи ослабѣваетъ, разрывается, и жена идетъ въ сторону зла, потерявъ стыдливость и достоинство.

У кого не было тысячу разъ на глазахъ подобныхъ примѣровъ?

Нельзя сказать, что правило это абсолютно; во всякомъ случаѣ, оно весьма общее, и могуція быть исключенія не уничтожаютъ его.

Любовь и великодушіе царящихъ у очага чувствъ возвышаютъ и облагораживаютъ мужчину и женщину, какъ въ послѣдствіи они будутъ содѣйствовать моральному воспитанію ихъ дѣтей. Любовь и проявленія взаимнаго уваженія супруговъ, ихъ преданность долгу и всѣмъ обязанностямъ жизни, даютъ красоту, силу и прочность семьи.

Любовь и добродѣтель суть талисманы, охраняющіе отъ злого рока.

Прудонъ, не всегда столь счастливый въ своихъ утвержденіяхъ, прекрасно сказалъ:

«Чтобы образовать семью, чтобы мужъ и жена нашли въ ней искомую радость и покой, безъ которыхъ, соединенные лишь желаніемъ, они никогда не будутъ соединены вполне, нужна *супружеская вѣра*, подъ которой я понимаю идею о взаимномъ достоинствѣ, возвышающую ихъ выше чувственности, дѣлающую ихъ другъ для друга еще болѣе священными, чѣмъ дорогими и создающую изъ ихъ плодотворнаго общенія религію, еще болѣе прекрасную, чѣмъ любовь».

Религія семьи, въ почетѣ и уваженіи и безъ древнихъ обрядовъ, необходима всѣмъ, желающимъ достойной и полезной жизни, всѣмъ народамъ, жаждущимъ жизни и величія.

ГЛАВА XIII.

Д Ъ Т И

«Господи. Сохрани меня и тѣхъ, кого люблю я,
Братьевъ, родныхъ, друзей, и даже враговъ моихъ,
Отъ торжествующаго зла,
Отъ лѣта безъ яркихъ цвѣтовъ,
Отъ клѣтки безъ птицъ, отъ улья безъ пчель,
Отъ дома безъ дѣтей!»

Викторъ Гюго выражаетъ въ этихъ стихахъ, какъ грустна и печальна семья безъ дѣтей. Въ былыя времена говорили, что на такой семьѣ лежитъ проелятъ неба. Въ настоящее время, это говорить рѣже.

И, однако, главная цѣль брака — рожденіе дѣтей.

За рѣдкими фізіологическими исключеніями, которыя свѣтская жизнь, къ несчастью, дѣлаетъ болѣе частыми, чѣмъ это естественно, любовь молодого человѣка и молодой женщины должна производить жизнь. Изъ ихъ союза рождаются маленькія существа, плоть отъ плоти ихъ, нѣжный и прелестный плодъ ихъ любви.

Нужно имѣть дѣтей.

Нужно желать ихъ и принимать съ радостью и любовью тѣхъ, которыхъ даетъ намъ природа.

Какъ бы ни были тяжелы заботы и обязанности, налагаемыя ими на небогатую семью, нужно принимать ихъ съ твердостью, т. к. это долгъ, и съ радостью, т. к. это счастье.

Когда, на склонѣ жизни, мы сравниваемъ, съ одной стороны, сумму заботъ и трудовъ, принесенныхъ намъ каждымъ ребенкомъ, пока онъ сталъ взрослымъ и, съ другой стороны, данныя имъ намъ моральныя удовлетворенія и радости, равновѣсіе между ними не устанавливается. Послѣдній итогъ много

больше перваго. Такимъ образомъ, подведя счета, мы оказываемся въ большой прибыли.

Отецъ и мать, жизнь которыхъ не легка и воспитывающіе уже нѣсколькихъ дѣтей цѣною немалыхъ усилій, зная, что скоро будетъ еще ребенокъ, тихонько говорятъ себѣ съ улыбкой, что милый крошка немного поторопился, что было бы благоразумнѣе, если бы онъ подождалъ, пока подрастутъ братья и сестры. И тѣмъ не менѣе, его появленіе на свѣтъ должно быть встрѣчено весело, какъ и его старшихъ. Черезъ нѣсколько времени, все устраивается: домъ и средства организуются такъ, чтобы маленькому пришельцу нашлось свое мѣсто, и хорошее мѣсто, лучшее, ибо онъ меньше всѣхъ. Родители смотрятъ на него и другъ на друга съ глубокой нѣжностью, наивной и трогательною, которую можно увидѣть лишь въ глазахъ отца и матери, склонившихся надъ колыбелью. И, при воспоминаніи объ ихъ опасеніяхъ, на уста ихъ приходитъ восклицаніе: «какъ онъ прелестень, и какъ онъ былъ правъ, что явился!» И фраза кончается поцѣлуемъ, въ которомъ выражается и любовь ихъ и вѣра въ будущее.

Они счастливы въ этомъ мірѣ, какъ бы ни была сурова и трудна ихъ жизнь.

Они пользуются самымъ заслуженнымъ счастьемъ, потому что оно создано ихъ добродѣтелью и мужествомъ.

Существуетъ старая поговорка: «Богъ благославляетъ большія семьи». Многочисленные примѣры, которые я самъ видѣлъ, убѣждаютъ меня, что наши предки говорили такъ не безъ основанія.

Повидимому, дѣти, происшедшія изъ большихъ семей, лучше другихъ успѣваютъ въ жизни. Обязаны ли они этимъ необходимости, служащей стимуломъ ихъ волѣ и мужеству? Зависитъ ли это отъ ихъ взаимной поддержки? Я не знаю. Но, какъ общій фактъ, можно установить, что они успѣваютъ въ жизни быстрѣе и вѣрнѣе.

Но если въ перспективѣ нѣтъ и никакого преимущества, никакой награды и счастья, все же нужно имѣть дѣтей, потому что это долгъ; потому что этого требуютъ и природа, и общество, и Родина.

Человѣкъ не имѣеть права уклоняться отъ этой абсолютной обязанности.

Онъ получилъ жизнь, — онъ долженъ дать жизнь.

Свой долгъ по отношенію къ роднымъ, къ поддерживающему и помогающему ему обществу онъ можетъ уплатить, только давая ему дѣтей.

Почему могъ бы онъ уклониться отъ исполненія своего долга? По одной лишь причинѣ: изъ боязни ограничить свою свободу заботами и обязанностями, связанными съ дѣтьми. Но это нѣжныя узы и легкая тяжесть. Кто можетъ бояться ихъ? Только трусы. Нѣтъ другого эпитета для этихъ дезертировъ жизни.

Я помню отвѣтъ, данный мнѣ молодой женщиной, которую я мало зналъ и спросилъ однажды:

— Ъдете ли вы съ мужемъ, сударыня?

— О нѣтъ, отвѣтила она. Мои ноги связаны дорогими цѣпями, не выпускающими меня изъ дому.

Эти слова, сказанныя со смѣсью сожалѣнія, материнской любви и счастливой гордости, были поистинѣ прекрасны. И молодая женщина, въ которой чувствовалась мать семейства, показала мнѣ съ этой минуты прелестнѣе и милѣе.

И, однако, говорятъ, что не только мужчины боятся имѣть дѣтей. Много женщинъ не хотятъ ихъ. Онѣ скрываютъ эгоизмъ, единственно движуцій ими, подъ предлогами здоровья, общественныхъ обязанностей и не знаю чего еще. Правда въ томъ, что онѣ заражены тѣмъ же зломъ, которымъ больны уже столько людей, которое угрожаетъ разрушить все, если оно распространится, если его не остановить и не уничтожить: я хочу сказать, трусостью.

Въ одной изъ своихъ книгъ Додэ говоритъ «о страхѣ материнства, обуревающимъ современную молодую женщину».

Замѣчательный человѣкъ, стоявшій во главѣ Соединенныхъ Штатовъ, президентъ Рузвельтъ, возмущился этими словами и выраженнымъ ими жалкимъ душевнымъ состояніемъ. Онъ заклеилъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

«Когда такія слова, сказалъ онъ, могутъ быть справедливо сказаны о какомъ либо народѣ, то народъ этотъ гнилой до глу-

бины души. Когда мужчины боятся труда и справедливой войны, когда женщины боятся материнства, они дрожат на краю проклятія. И хорошо было бы, чтобы они исчезли съ лица земли, гдѣ они — объектъ презрѣнія для всѣхъ мужчинъ и всѣхъ женщинъ, сильныхъ, мужественныхъ и великодушныхъ».

Не достаточно ли жестоко бичуютъ эти слова?

Вы не захотите, молодые люди и молодыя женщины Франціи, заслужить этотъ суровый укоръ. Вы не захотите принять эту справедливую пощечину, отдающую вашу страну на позоръ передъ всѣмъ міромъ.

Вы не захотите быть вырожденными, развратными, незаконными дѣтьми мужественной французской расы.

Тѣ и другія, вы пойдете навстрѣчу долгу. Вы, молодые люди, къ труду и опасности; вы, молодыя женщины, — къ материнству и семейнымъ заботамъ.

Нѣтъ задачи прекраснѣе и благороднѣе, и кто не выполнилъ ея не достоинъ никакой другой.

Подготовлены ли молодые люди и дѣвушки къ ихъ роли отцовъ и матерей? Чаше всего, очень плохо.

Во Франціи, какъ и вездѣ, общественное воспитаніе ничего для этого не дѣлаеть.

Гербертъ Спенсеръ говоритъ, что если бы какой нибудь будущій археологъ, ничего не знающій о современной цивилизаціи, нашель бы классныя книги, программы и сочиненія нашихъ лицеевъ, онъ удивился бы тому, что ничто въ этихъ документахъ не позволяетъ предполагать, что эти учащіеся должны были когда нибудь имѣть дѣтей. «Повидимому, сказалъ бы онъ, это учебныя программы какихъ нибудь монашескихъ орденовъ».

Я не знаю, можетъ ли быть въ этомъ отношеніи преобразовано среднее обученіе. Казалось бы, что это возможно и желательно, по крайней мѣрѣ, для дѣвушекъ.

Что касается молодыхъ людей, то, быть можетъ, имъ не нужно наставниковъ, чтобы научить ихъ обязанностямъ отца семейства. У самаго очага онѣ довольно ограничены и въ теченіе долгаго времени осуществляютъ черезъ посредство матери.

Тотчасъ послѣ брака имъ придется оказывать вліяніе на

молодую жену, чтобы приготовить ее къ роли матери. Мужъ дастъ ей въ руки и будетъ читать съ ней въ часы досуга книги о дѣтской гигиенѣ, объ уходѣ за дѣтьми, объ ихъ воспитаніи.

Раньше всего, мужъ долженъ внушить своей женѣ желаніе кормить самой своихъ дѣтей, что бы ни случилось и что бы ни говорили. Это нужно, потому что это долгъ и потому что этого хочетъ природа. Ея законы не нарушаются безнаказанно. Природа, давъ матери молоко, пожелала, чтобы имъ кормилось дитя. Это важно и для здоровья матери и для жизни и развитія ребенка.

Вскормленный матерью ребенокъ защищенъ почти отъ всѣхъ опасностей. Эта пища для него создана, и одна она вполне его удовлетворяетъ. Другая женщина можетъ дать болѣе питательное и богатое молоко, но оно не соотвѣтствуетъ организму ребенка.

Что же касается матери, которая не кормитъ сама, потому ли, что она не захотѣла обременить себя этой заботой, потому ли, что она была остановлена неизбѣжными трудностями, связанными съ осуществленіемъ впервые этой функціи, какъ бы естественна она ни была, потому ли, наконецъ, что она послѣдовала совѣтамъ, слишкомъ легко даваемымъ нѣкоторыми врачами, — она будетъ вдвойнѣ и жестоко наказана.

Она не выполнѣ мать, и теряетъ сладостное чувство крошечнаго существа, къ ней одной привязаннаго и ею живущаго; но она страдаетъ и въ своемъ здоровьѣ и въ своей молодости. «Остановить молоко», приготовленное у матери для ребенка, есть актъ противный природѣ. Послѣдствіемъ его является неправильное функціонированіе организма, рано или поздно отражающееся на общемъ здоровьѣ. Особенно страдаютъ отъ этого свѣжесть и молодость лица.

Возьмите нѣсколькихъ женщинъ одного и того же возраста, въ зрѣлости, когда разница болѣе замѣтна. Постарайтесь узнать между ними тѣхъ, которыя имѣли нѣсколькихъ дѣтей и сами вскормили ихъ. Есть много шансовъ, чтобы вы узнали ихъ по здоровому виду, сравнительной молодости и красотѣ. Мнѣ лично пришлось видѣть столько примѣровъ въ подтвержденіе этого факта, что ихъ достаточно было бы, чтобы установить законъ, если бы самъ разумъ уже не сдѣлалъ этого.

Ребенокъ всегда, и особенно въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, гораздо больше принадлежитъ матери, чѣмъ отцу.

Это почти неизбѣжно. Во всякомъ случаѣ, это хорошо.

Какъ бы глубоко мы, мужчины, ни любили нашихъ дѣтей, мы должны желать, чтобы самая значительная доля ихъ любви и довѣрія шла къ матери. Мать имѣетъ на нихъ лучшее, чѣмъ мы, вліяніе, потому что она нѣжнѣе, не доминируетъ надъ ними абсолютно, не стѣсняетъ ихъ. Въ интересахъ мальчиковъ, которыхъ отцу хотѣлось бы привлечь къ себѣ и, въ нѣкоторой степени, отнять у матери, необходимо, чтобы они оставались подъ ея постояннымъ вліяніемъ. Авторитетъ отца долженъ находиться, въ нѣкоторомъ смыслѣ, высоко и далеко и проявляться только въ важныхъ случаяхъ.

Онъ слишкомъ силенъ. Воля мужчины слишкомъ повелительна, чтобы она не отражалась слишкомъ тяжело на свободномъ развитіи ребенка. И чѣмъ сильнѣе, чѣмъ тверже и закаленнѣе воля отца, тѣмъ болѣе долженъ онъ избѣгать давать ее чувствовать своему сыну, если онъ не хочетъ уничтожить въ немъ самостоятельность, его собственную силу характера. Мужчины морально наиболѣе сильные, если они не понимаютъ, что должны предоставить своихъ сыновей матери больше, чѣмъ ихъ собственному вліянію, рискуютъ сдѣлать изъ нихъ существа безъ энергии и мужества.

Авторитетъ матери на сына всегда легокъ и не рискуетъ быть слишкомъ сильнымъ. У мальчика есть чувство мужской самостоятельности, заставляющее его въ полезной мѣрѣ сопротивляться и научающее его хотѣть подъ этой материнской опекой, сдерживающей, но не подавляющей его.

Когда вы ищете, какъ образовался человекъ большой моральной цѣнности, обратитесь раньше всего къ матери. Ея вліяніе имѣетъ здѣсь наибольшее значеніе.

Если въ бракѣ мужчина формируетъ ставшую его женой дѣвушку, женщина, ставшая матерью, въ свою очередь, формируетъ юношу. Ея нѣжность необходима для развитія его силы.

Таковъ мудрый и святой законъ человечества.

Мы воспитываемъ своихъ дѣтей не для себя, но для нихъ самихъ, для общества, для націи.

Этотъ принципъ долженъ руководить ихъ воспитаніемъ, ихъ моральной культурой.

Когда ударить часъ наступленія вашихъ обязанностей главы семьи, нужно, молодые люди, готовить вашихъ дѣтей быть людьми добра, воли и мужества, какими вы сами хотите быть, а дѣвушекъ сдѣлать подобными той прекрасной дѣвушкѣ, которую вы изберете себѣ въ подруги.

Воспитывайте своихъ сыновей такъ, чтобы то, что вы дѣлаете нынѣ для васъ самихъ, они дѣлали впоследствии для себя, просто и легко, безъ колебаній и усилій.

ГЛАВА XIV.

СЧАСТЬЕ И БОГАТСТВО

Человѣкъ трудящійся, имѣющій любимыхъ жену и дѣтей — счастливый человѣкъ.

Условія, въ которыхъ онъ живетъ, его бѣдность или богатство — лишь внѣшнія обстоятельства, мало вліяющія на его счастье.

Быть можетъ, только очень бѣдный или очень богатый человѣкъ должны употреблять исключительныя усилія, чтобы создать себѣ счастливую жизнь.

Кто слишкомъ бѣденъ, чтобы дать своимъ необходимый минимумъ благополучія, страдаетъ отъ этого и, покуда ему не удалось увеличить свои средства, обезпокоенъ этой бѣдностью и не можетъ пользоваться полностью моральными благами, приносимыми ему семьей.

Человѣкъ очень богатый, съ постоянной заботой объ управленіи своимъ богатствомъ, долженъ еще защищаться отъ всевозможныхъ соблазновъ и побужденій, пытающихся совратить его съ прямого пути. Ему нужно проявлять особенную энергію, чтобы не уклоняться отъ своего долга и семьи.

Если не считать этихъ, въ общемъ, довольно рѣдкихъ случаевъ, остается большинство людей, съ разными средствами, отъ бѣдныхъ до богатыхъ, отъ занимающихъ самыя скромныя мѣста до самыхъ блестящихъ.

Для всѣхъ безразлично счастье зависитъ отъ моральныхъ, а не отъ матеріальныхъ условій ихъ жизни.

Счастье ихъ въ нихъ самихъ и въ окружающихъ ихъ дорогихъ существахъ.

Богатство ничего къ нему не прибавляетъ.

То, что даетъ истинное благо, глубокою и чистою радостью, не покупается и не продается.

Надо быть въ этомъ совершенно увѣреннымъ, т. к. это правда: между богатствомъ и счастьемъ нѣтъ ничего общаго. Деньги могутъ доставить нѣкоторыя матеріальныя удовлетворенія, но онѣ не могутъ ни создать, ни содѣйствовать счастливой жизни.

Но установивши это, нужно признать, что деньги представляютъ собою могучее средство для дѣйствія, и нельзя удивляться, что многіе ищутъ обладанія ими. Естественно даже стараться приобрести ихъ трудомъ какъ можно болѣе, чтобы дать своей семьѣ, тѣмъ, кого любишь, доставляемые ими положительныя преимущества.

Лица, не занимающія опредѣленныхъ функцій или должностей, дающихъ регулярное и опредѣленное жалованіе, заработокъ которыхъ зависитъ отъ ихъ дѣятельности, отъ проявляемой ими активности, естественно стремятся, и это хорошо, увеличивать свой заработокъ. Въ частности, въ торговлѣ и промышленности, личная выгода является законнымъ стимуломъ, отъ котораго выигрываетъ общественная польза. Люди работаютъ и производятъ, потому что это ихъ долгъ, но и потому, что это имъ лично выгодно. Проявляемая инициатива и энергія въ значительной степени содѣйствуютъ общему благу. Людямъ, проявляющимъ свою активность въ промышленности, земледѣліи или торговлѣ, можно сказать:

— Обогащайтесь. Вы обогащаете Францію!
И Франціи это нужно.

Но еще разъ, богатъ или бѣденъ человѣкъ, сумма приобретаемаго имъ счастья одинакова. Она зависитъ отъ ума, благоумія человѣка и, въ нѣкоторой степени, увы, отъ обстоятельствъ. Она совершенно не зависитъ отъ богатства.

Богатъ или бѣденъ человѣкъ, моральная жизнь его должна быть одна и та же. Правила матеріальной жизни тоже не должны быть очень различны.

Во всѣхъ случаяхъ, нужно вести простую, семейную жизнь. Не расточать во внѣшней жизни свое время и здоровье.

Когда человѣкъ богатъ и хочетъ быть здоровымъ, онъ долженъ быть такъ же умѣренъ, какъ бѣдный; и работать онъ дол-

женъ наравнѣ съ нимъ. Праздность приводитъ къ болѣзни, пороку и униженію.

Мудрость совѣтуетъ любить то, чѣмъ обладаешь. Это необходимое условіе, чтобы быть счастливымъ. По меньшей мѣрѣ, необходимо довольствоваться тѣмъ, что имѣешь, и устраиваться такъ, чтобъ жить по своимъ средствамъ, съ порядкомъ и достоинствомъ. Человѣкъ, располагающій ежегоднымъ доходомъ въ сто тысячъ франковъ и тратящій сто пять тысячъ, бѣденъ. Онъ стѣсненъ, и ему постоянно угрожаютъ затрудненія, если не раззореніе. Человѣкъ, имѣющій доходъ лишь въ пять тысячъ франковъ, но тратящій только четыре тысячи девятьсотъ, богатъ.

Главное въ томъ, чтобы сообразовать свои расходы съ доходами и строить на нихъ свой образъ жизни. Къ этому нужно напрягать свою волю, и остерегаться всякихъ эксцессовъ.

Нѣкоторые изъ нихъ только пріятны, почтенны, и тѣмъ не менѣе, нужно ихъ избѣгать. Вы случайно или вслѣдствіе установившихся отношеній, встрѣчаете прекрасныхъ людей, извѣстныхъ съ точки зрѣнія морали, и съ которыми вы охотно поддерживали бы сношенія. Но эти лица богаты, ихъ образъ жизни шире вашего и вы не можете за ними слѣдовать. Нужно избѣгать вступать съ ними въ болѣе близкую связь, какъ бы пріятно вамъ это ни было. Вы не можете безъ униженія всегда получать и не отдавать, и вашъ домъ, достаточный для васъ и вашихъ друзей, покажется вамъ тѣснымъ, когда въ него проникнуть люди, привыкшіе жить болѣе широко и болѣе богато. Нельзя представить себѣ соблазновъ, вытекающихъ изъ такого положенія.

Если хочешь, всегда можно сообразовать свои расходы со средствами, вести жизнь достойную, позволяющую сохранять равновѣсіе между тѣмъ, что получаешь и что тратишь. Лишь бы человѣкъ былъ морально безупреченъ, онъ всегда свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Именно здѣсь можно повторить: «Будь добродѣтеленъ, ты будешь свободенъ».

Отстраняя себя и свою семью отъ всякихъ свѣтскихъ сношеній, потому что данный человѣкъ можетъ появляться въ обществѣ лишь при условіи если онъ стѣснитъ самого себя и будетъ дѣлать долги, онъ никогда не повредитъ своему будущему, ка-

кое бы положеніе онъ ни занималъ, въ противоположность тому, что обыкновенно думаютъ и говорятъ.

Это само собою разумѣется для человѣка, занимающаго независимое положеніе, должность, гдѣ требуются лишь исключительно активность и личная работа, безъ внѣшнихъ условій.

Это вѣрно также для самаго зависимаго изъ людей, государственнаго служащаго, подчиненнаго своимъ начальникамъ и обязаннаго всѣхъ удовлетворять.

Но возьмемъ тѣхъ, которые принуждены подчиняться особенно узкимъ правиламъ, военнаго, младшаго офицера. Вотъ молодой офицеръ, женатый, у котораго, чтобы жить, только и есть его жалованіе и небольшой доходъ отъ приданнаго, которое недавно еще было обязательно. Итогъ не великъ и не позволяетъ ему широкой жизни. Изъ приличія и чувства собственнаго достоинства, онъ считаетъ необходимымъ жить исключительно семейной жизнью, внѣ всякихъ сношеній съ обществомъ, даже съ товарищами и начальствомъ. Молодая женщина вся занята своими заботами о семьѣ, о дѣтяхъ. Мужъ старается учиться, отдавая службѣ все, что онъ въ состояніи дать. Это настоящій офицеръ, честный и исполненный доброй воли, дѣлающій свое дѣло съ любовью и убѣжденіемъ... Прослѣдите за нимъ дальше въ его карьерѣ и сравните съ другими офицерами, богаче его, свѣтскими и блестящими. Онъ — труженникъ, «дикий», который успѣетъ въ жизни лучше другихъ. Его уединенная молодость не повредитъ ему. Легкое критическое отношеніе, безъ злобы, потому что безъ зависти, которое будутъ проявлять къ нему, не будетъ имѣть значенія.

Характеръ, истинная цѣнность и трудъ cadaго одни лишь будутъ считаться для классификаціи, устанавливаемой жизнью болѣе справедливо, чѣмъ самими учеными конкурсами.

Настоящій конкурсъ, это сама жизнь. Человѣкъ не перестаетъ конкурировать: его трудъ, мужество и добрыя дѣла служатъ коэффициентами, опредѣляющими окончательный результатъ.

Говоря вообще, свѣтская жизнь и обширныя связи имѣютъ больше недостатковъ, чѣмъ преимуществъ.

Изъ - за нихъ расточаются время и силы, которыя можно

было бы употребить съ большей пользой. Такая жизнь не здорова ни физически, ни морально. Доставляемыя ею удовольствія дѣйствуютъ на нервы и утомляютъ. Симпатія и дружескія чувства играютъ здѣсь меньшую роль, чѣмъ зависть и тщеславіе.

Живите больше всего семейной жизнью; проводите свои досуги у себя дома, въ кругу своихъ.

Открывайте свой домъ своимъ близкимъ и вѣрнымъ друзьямъ, безупречной морали и только имъ.

Домашній очагъ — вещь священная. Въ это «святыя святыхъ» должны проникать лишь тѣ, кто того достойны.

У своего очага, отгороженнаго, защищеннаго отъ зла и вульгарности, человѣкъ долженъ чувствовать себя хорошо.

Онъ долженъ устроить тамъ, для себя и своихъ, пріятную и спокойную жизнь. Кромѣ проникающихъ туда иногда близкихъ друзей, тамъ будутъ еще всегда находиться другіе, скромные друзья, съ которыми можно хорошо проводить время и всегда посовѣтоваться; это книги.

Пусть у васъ будетъ хорошій выборъ книгъ, которыя вы будете читать одинъ, съ женой, впослѣдствіи съ семьей. Въ нихъ сохраняется, какъ на складѣ, все, что есть лучшаго, прекраснѣйшаго и величайшаго въ умѣ человѣческомъ; и онѣ щедро отдаютъ это все тѣмъ, кто умѣетъ проникнуть въ ихъ сокровищницу.

Не пренебрегайте матеріальнымъ устройствомъ своего очага. Богаты ли вы или бѣдны, вы всегда можете окружить себя красивыми вещами. Изящный предметъ, съ тонкими линиями и пріятными тонами, часто стоитъ дешевле, чѣмъ уродливыя вещи дурнаго вкуса, выпускаемыя нѣкоторыми фабрикантами.

Не многіе изъ васъ будутъ обладать достаточными средствами, чтобы пріобрѣсти рѣдкіе предметы обстановки безупречной формы, оставленные нами прошлыми вѣками или великія произведенія живописи и скульптуры. Это, конечно, жаль. Но, такъ какъ счастье ваше отъ этого ничего бы не выиграло, вамъ легко будетъ примириться съ тѣмъ, чтобы любоваться лучшими изъ нихъ въ музеяхъ.

Это поможетъ вамъ образовать свой вкусъ и выбирать, для

вашего употребленія, среди современной промышленности, предметы съ тонкими линиями, не оскорбляющіе глазъ отсутствіемъ равновѣсія, нелѣпостью формъ, излишними и тяжелыми украшеніями. Если вы не въ состояніи пріобрѣсти дорогія картины, вы поймете, что красивая и дешевая гравюра стоитъ больше, чѣмъ плохая или просто ничтожная живопись. Домъ, въ обстановкѣ котораго главную роль играетъ хорошій вкусъ, всегда представляетъ собою пріятное мѣстопробываніе.

Если самая жизнь его обитателей хорошо устроена, у нихъ, съ другой стороны, будетъ обезпечено все, что матеріальныя вещи могутъ прибавить къ счастью.

Въ самомъ дѣлѣ, нужно умѣть хорошо использовать свой досугъ, отдавать часть его умственной культурѣ, дающей отдыхъ отъ повседневной работы, и другую часть — развлеченіямъ, удовольствіямъ.

Простыя удовольствія, игры, поддерживающія здоровье и всеелость, моральное и физическое равновѣсіе, лучше всякихъ другихъ развлеченій. Вообще же, нѣтъ запрещенныхъ удовольствій, если они здоровы и приличны.

Нужно ли прибавить къ этимъ совѣтамъ, на которыхъ я не настаиваю, въ расчетѣ, что пріобрѣтенныхъ молодымъ человекомъ качествъ будетъ достаточно для благоразумнаго устройства его жизни, еще другіе, не всегда исполнимые?

Сказать, что жизнь въ городахъ не естественна и не здорова, что нужно, если это возможно, жить съ семьей на чистомъ воздухѣ, въ деревнѣ, или, по крайней мѣрѣ, проводить тамъ ежегодно какъ можно больше времени, значить повторять очевидную истину, но и давать большинству читателей излишнее и тщетное указаніе.

Ясно, что гигиена тѣла, какъ, отчасти, и гигиена души противны общей жизни въ огромныхъ казармахъ, какими являются современные дома нашихъ городовъ. Гигиена требовала бы, чтобы у каждой семьи былъ свой отдѣльный домъ, съ воздухомъ и пространствомъ вокругъ, съ безконечностью неба наверху.

Это означаетъ совѣтовать людямъ, работающимъ въ городѣ, стараться жить внѣ его стѣнъ, гдѣ атмосфера чище, гдѣ пространство не размѣрено на аршины.

Эти, весьма желательныя, физическія условія жизни семьи не всегда зависятъ отъ нашей воли.

Къ счастью, не такъ обстоитъ дѣло съ условіями моральными, которыя весьма важны и зависятъ исключительно отъ насъ самихъ.

ГЛАВА XV.

УМЕНЬШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

— Будемъ давать Родинѣ нужныхъ ей дѣтей, — сказано было въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Необходимо вернуться къ этому принципу и настаивать на немъ, указать на опасность, которой подверглась бы Франція, если бы французы продолжали уклоняться отъ этого долга человѣка и гражданина, если бы эгоизмъ и страхъ передъ семейными обязанностями побуждали въ нихъ стремленіе къ собственному счастью и къ интересамъ расы.

Мы скоро погибли бы, и исторія могла бы сказать, что смѣлый и гордый народъ, въ теченіе столѣтій стоявшій во главѣ всего міра, умеръ отъ кризиса трусости и разврата.

— Вы не захотите этого, молодые люди!

Вы предохраните Францію отъ этого несчастья; вы избавите ее отъ этого стыда.

Вы создадите себѣ душу, достойную вашихъ великихъ предковъ; вы дадите вашей странѣ участь, достойную ея славнаго прошлаго.

Зло передъ вами. Оно бросается въ глаза и прогрессируетъ съ каждымъ годомъ.

Населеніе Франціи больше не увеличивается; и если принять во вниманіе постоянно осложняющуюся жизнь большихъ городовъ, все большее количество требуемыхъ ею труженниковъ, это значить, что, въ общемъ, населеніе Франціи уменьшается.

Если сравнить ее съ окружающими большими народами, то видно, какимъ паденіемъ угрожаетъ ей это уменьшеніе населенія.

Въ началѣ XIX-го вѣка, если не считать многочисленныхъ народностей, населявшихъ огромную Россію и число которыхъ, къ тому же, было совершенно неизвѣстно, Франція была самымъ населеннымъ изъ государствъ Европы и, вообще, изъ государствъ бѣлой расы.

Ея 27 миллионѣвъ жителей далеко оставляли за собой 10 миллионѣвъ жителей Англии, 15 или 18 миллионѣвъ всѣхъ соединенныхъ государствъ Германіи и 9 или 10 миллионѣвъ Австріи или Испаніи.

Сѣверо - Американскіе Соединенные Штаты насчитывали лишь 5 миллионѣвъ жителей европейскаго происхожденія.

Черезъ тридцать лѣтъ, во Франціи было 32 миллионѣвъ населенія, но въ Германіи было уже 29 съ половиной миллионѣвъ, въ Англии 16 и въ Соединенныхъ Штатахъ 13 миллионѣвъ жителей.

Въ серединѣ XIX-го вѣка во Франціи 35.630.000 жителей, но Германія уже совсѣмъ близка къ ней со своими 35.310.000; въ Англии 21 миллионѣвъ и въ С. Штатахъ 23 миллионѣвъ жителей.

Черезъ 20 лѣтъ, въ 1870-мъ, роковомъ для году, мы теряемъ первое мѣсто, хотя народонаселеніе и продолжаетъ увеличиваться, но все слабѣе. У насъ 38 съ половиной миллионѣвъ жителей, но Германія насчитываетъ уже 41 миллионѣвъ, Англія — 26 миллионѣвъ, С. Штаты немного болѣе 38 съ половиной, уже на 100.000 болѣе чѣмъ Франція.

Въ 1871-мъ году отъ насъ отняты двѣ провинціи, съ 14.500 кв. километрами территоріи и съ полутора миллионѣвами жителей.

Начиная съ этого дня, кажется, будто наши жизненные соки, наша физическая и моральная сила поражены.

1880-ый годъ даетъ слѣдующія цифры: во Франціи уже всего 37½ миллионѣвъ жителей; въ Германіи — 45 миллионѣвъ, въ Англии 29½, въ С. Штатахъ — 50 миллионѣвъ.

Въ 1890-мъ году, во Франціи 38.380.000 жителей, въ Германіи 49.428.000, въ Англии 32.767.000 и въ С. Штатахъ — 63 миллионѣва.

Еще черезъ десять лѣтъ, статистическія данныя, въ круглыхъ цифрахъ, слѣдующія:

Европейская Россія	100 милл. жителей
С. Штаты Америки	80 милл. жителей
Германія	59 милл. жителей
Австро - Венгрія	47 милл. жителей
Англія (вкл. Ирландію)	42½ милл. жителей
Франція	39 милл. жителей

Мы занимали шестое мѣсто, имѣя позади себя Италію, населеніе которой быстро возростало и, въ 1904-мъ году, превышало уже 33 милл. жителей.

Въ этомъ самомъ 1904-мъ году рождаемость во Франціи упала до никогда раньше не извѣстной цифры. У насъ было 818.000 рожденій. Въ началѣ XIX-го вѣка, въ 1800-мъ году, мы насчитывали на 100.000 рожденій больше для населенія, которое тогда представляло лишь 27 миллионѣвъ жителей*).

Германія, едва достигавшая полъ - вѣка тому назадъ числа нашего населенія, имѣетъ сегодня на 20 миллионѣвъ больше насъ.

Общее населеніе Англіи равнялось тогда едва двумъ третямъ нашего; теперь ея народонаселеніе превышаетъ наше на 8 или 9 миллионѣвъ.

Кромѣ того, для двухъ послѣднихъ государствъ не принимаются въ расчетъ лица, покинувшія родину, чтобы распространять по свѣту торговлю, языкъ и вліяніе своихъ народовъ. Такихъ эмигрантовъ очень много въ Англіи, и еще больше въ Германіи. Если взять цифру въ 10 миллионѣвъ нѣмцевъ, эмигрировавшихъ за періодъ времени съ 1871-го года, то она, конечно, не превыситъ истины.

Въ теченіе этого полувѣка, маленькіе народы подвигались тѣмъ же темпомъ, что и большіе. Такъ, Голландія перешла съ 3 миллионѣвъ почти до 5½ миллионѣвъ жителей. Бельгія съ 4½ до 7-ми миллионѣвъ, такъ же и другіе.

Но страны, съ которыми лучше всего сравнить нашу, — Германія и Англія, и на этомъ слѣдуетъ остановиться.

*) Съ того времени, какъ написаны эти строки, имѣли мѣсто кровавая война 1914 - 1918 гг., побѣда Франціи и возвращеніе родинѣ утерянныхъ въ 1871-мъ году провинцій. Наше положеніе, въ отношеніи народонаселенія, не улучшилось, наоборотъ: въ 1911-мъ году, по послѣдней до войны переписи, у насъ было 39.601.500 жителей. Въ 1921-мъ году перепись показала 39.194.500 жит., иными словами, потерю въ 407.000 жит. А между тѣмъ, къ намъ вернулись Эльзась и Лоттарингія съ 1.695.000 жит. Но мы потеряли полтора миллиона человекъ на поляхъ сраженія и гражданское населеніе уменьшилось болѣе чѣмъ на полъ - миллион, несмотря на приливъ иностранцевъ въ 255.000 человекъ.

Германія имѣтъ сейчасъ населеніе на 20 милліоновъ превышающее наше, тогда какъ территорія ея, въ общемъ, менѣе плодородна, а занимаемое ею пространство, приблизительно, одинаково.

Въ Германіи нѣтъ излишка населенія; Франція — анемична.

Еще болѣе знаменательно положеніе въ Англіи. Если взять Великобританію въ узкомъ смыслѣ, т. е. самое Англію и Шотландію, то можно составить себѣ представленіе о трудовой дѣятельности страны. Ирландія — это бѣдный родственникъ британской семьи: она не живетъ обильной и богатой жизнью своихъ сестеръ.

Великобританія обладаетъ территоріей, равной, приблизительно, двумъ пятымъ французской. Населеніе ея значительно выше французскаго: 49 милліоновъ противъ нашихъ 39-и милліоновъ*).

Что иное это означаетъ, какъ не то, что Франція не такъ населена, какъ того требуетъ цивилизація XX-го вѣка, что мы не используемъ больше какъ слѣдуетъ прекрасной и богатой территоріи, оставленной намъ предками, что мы не играемъ больше въ мірѣ принадлежащей намъ роли?

Объ этомъ рѣзко и рѣшительно говорятъ приведенныя нами цифры.

Но достаточно даже взглянуть вокругъ себя, чтобы въ этомъ убѣдиться.

Всѣ экономисты и земледѣльцы единогласно и съ горечью утверждаютъ, что происходитъ обезселеніе деревни, что земледѣлію не достаетъ рабочихъ рукъ.

И они слишкомъ правы.

Но часто они напрасно прибавляютъ: «существуетъ нежелательное выселеніе крестьянъ въ города; этому слѣдовало бы положить конецъ».

О, нѣтъ. Это и не желательно и не возможно.

*) По переписи 1920-го г. населеніе С. Штатовъ превышаетъ 105½ милліоновъ жителей.

Города получаютъ въ нормальное время лишь столько жителей, сколько имъ нужно. Правда, что число это все увеличивается, какъ увеличиваются городскія предпріятія и связанная съ цивилизаціей промышленность. Съ нею увеличивается благополучіе, но и жизнь чрезвычайно осложняется.

Несомнѣнно, что во французскихъ городахъ нѣтъ перенаселенія, и концентрирующаяся въ нихъ, главнымъ образомъ, промышленная дѣятельность не чрезмѣрна.

Правда въ томъ, что у насъ нѣтъ достаточнаго числа рукъ, чтобы обслуживать промышленность и земледѣліе, достаточнаго числа жителей, чтобы населить и города и деревни. Когда нужно выбирать, люди идутъ въ города, гдѣ жизнь кажется менѣ суровой, работа менѣ тяжелой и удовольствія болѣе доступными.

Такимъ образомъ, происходитъ обезселеніе деревни.

Но, въ общемъ, обезселяется Франція.

Опасность неминуема, такъ сказать, матеріальна. Съ каждымъ днемъ все болѣе нарушается равновѣсіе между нами и нашими растущими сосѣдями.

Если это будетъ продолжаться, нужно будетъ не только отказаться отъ честолюбія быть великимъ народомъ, содѣйствующимъ воспитанію, цивилизаціи и населенію міра; нужно будетъ отказаться отъ самозащиты, отъ самой жизни.

Прошлое французовъ будетъ велико; они оставятъ по себѣ свѣтлый слѣдъ въ исторіи. Но ихъ выродившіяся дѣти, неспособныя сохранить расу, обезпечить независимость своей прекрасной родинѣ, будутъ среди людей предметомъ заслуженнаго презрѣнія.

Написли теоретики упадка для оправданія этого малодушія, плодомъ котораго является вырожденіе населенія.

Развѣ число людей должно постоянно увеличиваться? — говорятъ они. Развѣ мы не будемъ счастливѣе на землѣ, если насъ будетъ не слишкомъ много?

— Люди безъ вѣры и проницательности, неспособные слышать великій голосъ природы и понять ея законы, взгляните, по крайней мѣрѣ, въ факты. Посмотрите на свою страну и на окружающіе ее народы, растущіе и подавляющіе насъ, производящіе богатства и, въ то же время, воспитывающіе много дѣ-

тей; посмотрите, съ другой стороны, на наши пустующія деревни, на нашу замедленную дѣятельность, и скажите, долго ли такъ можетъ продолжаться и не будемъ ли мы задушены, затоплены?

Вы, можетъ быть, согласны съ тѣмъ, что Франція въ опасности, но что вамъ до того? Пусть она по - человѣчески права, переставъ возражаться, и вамъ того довольно.

Но, увь, это не такъ. И съ точки зрѣнія человѣческой, какъ съ точки зрѣнія національной, она не права.

Развѣ вся земля населена? Развѣ не заключаетъ она въ себѣ огромныхъ возможностей, которыя мы едва подозреваемъ? Даже сама Европа, не въ состоянїи ли она пропитать большее число жителей, чѣмъ свое теперешнее населеніе?

Земля требуетъ еще людей, много людей, въ неограниченномъ числѣ. И благородные, сильные и здоровые народы должны ихъ ей дать.

Съ кажушимся основаніемъ, котораго нѣтъ у насъ, наши отдаленные предки могли бы производить расчеты современныхъ упадочниковъ.

Они могли бы отказаться отъ повиновенія естественному и священному закону, повелѣвавшему имъ плодиться и размножаться.

Быть можетъ, существовали уже софисты въ доисторическія времена. Если бы жители пещеръ и ущелій послушали ихъ, они научились бы эгоизму. Они сказали бы себѣ, что ихъ покой и удовлетвореніе аппетита выиграли бы отъ ограниченія числа дѣтей и что, если будущихъ людей будетъ не много, у каждаго изъ нихъ будетъ большій участокъ земли для охоты.

Рождать немногихъ означало обезпечить ихъ счастье.

Результатомъ такого расчета, основаннаго на практической трусости и слѣпомъ эгоизмѣ, была бы остановка человѣчества въ его развитїи, безъ возможнаго прогресса человѣчества, раздѣленнаго на маленькія группы людей, живущихъ отдѣльно другъ отъ друга неустойчивой и необезпеченной жизнью, среди безчисленныхъ звѣрей.

Къ счастью, у человѣка были вѣра и мужество. Онъ боролся и множился. Онъ далъ своимъ потомкамъ господство надъ землей.

И въ будущемъ будетъ такъ, какъ было въ прошломъ. Въ мірѣ есть мѣсто лишь для народовъ съ вѣрой и энергіей, борющихся и размножающихся безпрестанно.

Покой — это смерть.

Я не хочу, вы не хотите, молодые люди, чтобы Франція умерла.

Въ ней есть всѣ элементы жизни и величія. Ей не достаетъ лишь воли, чтобы привести ихъ въ дѣйствіе.

Болѣзнь ея моральная и только моральная.

Можно значительно уменьшить нашу смертность, которая уже ниже, чѣмъ у многихъ народовъ, но выше, чѣмъ у нѣкоторыхъ другихъ. Это будетъ благо, большое благо, но ни въ какой степени это не будетъ средствомъ противъ обезселенія, происходящаго отъ нашей малой рождаемости.

Физически намъ тоже не много нужно сдѣлать: кровь осталась горячей въ жилахъ французовъ; жизненные соки въ нихъ не изсыкли.

Что нужно повисить въ нихъ, это моральное чувство, сознание долга, мужественную энергію; нужно развить также вѣру въ самихъ себя, въ славныя судьбы своей страны.

Опасность срочна.

Мы катимся уже по наклонной плоскости, ведущей къ упадку и къ смерти.

Во что бы то ни стало, нужно остановиться и энергичнымъ усиліемъ снова подняться на вершину.

Еще время, но уже пора.

Римъ умеръ, когда не стало больше римскихъ гражданъ.

Въ настоящее время есть достаточно французскихъ гражданъ, чтобы родились всѣ тѣ, которыхъ требуетъ нація.

Достаточно захотѣть.

Достаточно, чтобы вы знали, молодые люди, знали и громко провозгласили, что бракъ и семья, которыми человѣкъ вездѣ обязанъ природѣ и обществу, французъ обязанъ отдать еще и своей Родинѣ.

III.

ГРАЖДАНИНЪ

ГЛАВА ХУІ.

РЕСПУБЛИКА

Обязанности и права человѣка, какъ гражданина, вопросы законодательства, а также связанной съ ней правительственной и административной организаціи, о которыхъ здѣсь будетъ говоритья, представляютъ то, что называется политикой.

Сюжетъ сложный, его даже невозможно обработать полностью, когда обращаешься, желая никого не задѣть, ко всѣмъ молодымъ людямъ безъ различія, каковы бы ни были ихъ убѣжденія, воспринятые ими въ семьѣ или образовавшіяся самостоятельно. Но я не предполагаю читать имъ курсъ политики, ни рекомендовать имъ или, еще того менѣе, внушать въ частности тѣ или инныя идеи. Я хочу лишь привлечь ихъ вниманіе на нѣкоторые существенные принципы соціальной жизни и управленія народами, пренебрегать коими неблагоприятно, къ какой бы партіи въ республикѣ человѣкъ ни принадлежалъ.

Я сознательно говорю «въ республикѣ» и настаиваю на этомъ.

Я не предполагаю, чтобы какой либо изъ молодыхъ людей, къ которымъ я обращаюсь, замышлялъ измѣнить форму правленія нашей страны, являющуюся основой, на которой она покоится.

Пытаться сдѣлать это — и тщетно и дурно.

На французскихъ гражданахъ лежитъ слишкомъ тяжелая и высокая національная задача, чтобы они расточали свои силы на разрушеніе того самаго инструмента, которымъ имъ надлежитъ пользоваться, въ надеждѣ создать новое орудіе.

Почти въ теченіе цѣлаго вѣка мы предавались этому бесплодному труду. Вѣрить ли кто нибудь, что это принесло намъ пользу? Не достаточно ли было у насъ кризисовъ и революцій?

Долгъ всѣхъ въ настоящее время — работать на то, чтобы

Франція была болѣе счастливой и болѣе сильной. Каждый можетъ посвятить себя этому подъ эгидой республиканскаго правительства. Оно представляетъ «общественное дѣло». Это правительство совокупности гражданъ. Оно не требуетъ ни «сгедо», ни присяги.

Въ республикѣ можно преслѣдовать реформу государственныхъ законовъ, улучшеніе управленія и администраціи. Повтому ни одинъ гражданинъ не можетъ по справедливости обвинять режимъ, если его идеи не торжествуютъ, если управленіе дѣлами кажется ему дурнымъ. Ничто не можетъ парализовать его дѣятельности въ пользу этихъ идей или измѣненія управленія.

Итакъ, не будемъ спорить; не будемъ терять времени и усилий на обсужденіе, защиту или атаку формы правленія во Франціи.

Это — республика.

Это фактъ, и нельзя оспаривать, что это также право.

Предшествовавшее ему монархическое правительство не было ниспровергнуто въ 1870-мъ году; оно пало само среди павшихъ на страну несчастій. Республика установилась тамъ, гдѣ не было ничего, и приняла при своемъ рожденіи прекрасное имя «Правительства Национальной Защиты»; пять мѣсяцевъ войны безъ побѣдъ, но не безъ чести — полностью оправдали это имя.

Какой режимъ можетъ похвастать болѣе чистымъ происхожденіемъ и имѣть больше правъ на признаніе патриотовъ?

Я не хочу приводить больше излишнихъ доказательствъ, и безъ того слишкомъ долго на этомъ остановившись.

Въ этомъ отношеніи не можетъ быть сомнѣній; человекъ разума и долга, созданію котораго стремится помочь эта книга, каковы бы ни были убѣжденія его семьи и его собственныя, не захочетъ, чтобы страна его испытала новыя внутреннія конвульсіи. И даже если нѣтъ къ тому другихъ причинъ, онъ лояльно приметъ республиканское правительство.

Лишь только люди начали жить въ обществѣ, другими словами, лишь только они вышли изъ состоянія первобытной дикости, они установили правительство, которое было только эм-

бріономъ, какъ и самое общество ихъ, какъ элементарны были и ихъ коллективныя потребности.

И, однако, съ самаго начала установились двѣ формы правленія: монархическая и республиканская. Въ одной былъ совѣтъ, составленный изъ главъ семействъ, принимавшій рѣшенія и управленіе, за исключеніемъ случаевъ, когда онъ временно передавалъ одному лицу изъ своей среды выполнение мѣръ, въ которыхъ требовалось единство управленія. Въ другой — глава семьи, выдѣлявшейся по силѣ, по числу своихъ членовъ или по своему вліянію, преобладалъ надъ другими главами. Онъ управлялъ общиной, имѣлъ власть надъ всѣми, въ различныхъ условіяхъ, въ зависимости отъ различныхъ человѣческихъ группировокъ, и умирая, передавалъ власть кому либо изъ своихъ близкихъ.

Въ болѣе обширныхъ обществахъ, ставшихъ народами наблюдается та же двойственность въ организаціи правительства: у однихъ республика, у другихъ, монархія. И это происходитъ во всѣхъ стадіяхъ варварства или цивилизаціи.

Формы монархіи различны, начиная отъ абсолютной, деспотической монархической власти, безъ ограниченій и противовѣса, и кончая конституціонной и либеральной монархіей, въ которой роль главы государства уже почти только представительная, какъ нѣчто вродѣ олицетворенія политическаго единства народа, надъ которымъ онъ царить.

Не менѣе велика разница между различными республиканскими правительствами. Республика можетъ быть аристократической или олигархической, когда властью обладаетъ одинъ привилегированный классъ или одна категорія гражданъ, и демократической, если власть принадлежитъ совокупности народа.

Аристократія, олигархія и демократія подраздѣляются еще на нѣсколько различныхъ видовъ, въ зависимости отъ различныхъ степеней власти и свободы въ управленіи государствомъ.

Хорошо организованная демократія, гдѣ правительство достаточно сильно, гдѣ уважаются законы и необходимая социальная дисциплина, гдѣ царствуютъ равныя для всѣхъ справедливость и свобода, гдѣ братство между людьми различныхъ клас-

совь смягчаетъ, если не совершенно уничтожаетъ, зависть однихъ и гордость другихъ, — такая демократія представляетъ, конечно, идеаль современныхъ государствъ.

Съ другой стороны, демагогія, соединяющая сектантскій фанатизмъ власти съ уличной разнузданностью, съ анархіей въ общественныхъ учрежденіяхъ и въ самихъ нравахъ, демагогія, отдающая власть не народу, а толпѣ, представляетъ собою самое ужасное и отвратительное правительство.

О, разумъ мой, не лъсти толпѣ,
Ибо народъ на высотѣ, а толпа на днѣ —

сказалъ Викторъ Гюго.

Народоправство есть демократія.

Правленіе толпы есть демагогія.

Это лучший и худшій видъ республики, лучшая и худшая организациіи человѣческаго общества. Всякая тиранія тяжка и ненавистна, но самая отвратительная и тягостная есть тиранія коллективная.

Древнія времена даютъ намъ примѣры республиканскихъ правленій разныхъ качествъ и степеней, отъ самаго высокаго до самаго низменнаго. Они заслуживаютъ изученія, дабы отличить въ нихъ качества и добродѣтели, которымъ слѣдуетъ подражать и, съ другой стороны, недостатки и пороки, отъ которыхъ нужно оберегать свою страну.

Въ настоящее время, маленькая Швейцарская республика и большая республика С. А. Соединенныхъ Штатовъ являются прекрасно организованными, каждая сообразно условіямъ ихъ историческаго образованія, ихъ нравовъ и роли, которую онѣ могутъ быть призваны сыграть. Другія республики образовались слишкомъ недавно или же равновѣсіе ихъ слишкомъ неустойчиво, чтобы можно было взять ихъ примѣромъ. Такъ, въ Южной Америкѣ имѣются хорошо организованныя республики, но есть и другія, по неустойчивости и безпорядку ничѣмъ не уступающія послѣднимъ демагогическимъ государствамъ Греціи.

Чего стоятъ характеръ и нравы людей, того же стоятъ и управляющія ими учрежденія.

При республикѣ легче, чѣмъ при монархіи расцвѣтаетъ и добро и зло; она представляетъ собою то, чѣмъ сдѣлалъ ее народъ. Однако, она можетъ имѣть и свои собственныя качества и направлять народъ по прямому пути, какъ и наоборотъ, толкать его въ сторону, куда онъ клонится.

Законодатель, учреждающій республику, долженъ быть мудръ и предусмотрителенъ; уважая абстрактные принципы, онъ долженъ заботиться и о реальностяхъ; онъ долженъ знать опасныя влеченія и недостатки гражданъ, для которыхъ онъ создаетъ законы. Если конституція ставитъ препятствія возможному малодушію и естественнымъ дурнымъ влеченіямъ, если она обязываетъ и приказываетъ тамъ, гдѣ человекъ склоненъ пренебрегать тѣмъ, что необходимо для общественной пользы, она можетъ привести къ наилучшимъ результатамъ и добиться отъ народа всего, на что онъ способенъ. И наоборотъ, если конституція не достаточно считалась съ качествами и недостатками народа, весьма возможно, что она откроетъ дорогу злу и остановитъ добро.

Предположимъ, на примѣръ, два народа: одинъ — природы современныхъ латинскихъ расъ, другой — природы англо-саксовъ. Послѣдній, по природѣ своей, дисциплинированъ, склоненъ одобрять и поддерживать власть. Первый, напротивъ, склоненъ проявлять независимость. Его легко можно дисциплинировать, но нужно для этого, чтобы законъ нѣсколько стѣснялъ эти проявленія. Если дать обоимъ народамъ одну и ту же политическую организацію, одинаковой строгости, то результаты получатся весьма различныя. Съ одной стороны, дисциплинированный характеръ людей допуститъ правильную социальную жизнь, полный моральный и матеріальный порядокъ; съ другой, ничѣмъ не сдержанная недисциплинированность приведетъ къ беспорядку, къ ослабленію социальныхъ силъ и анархіи. Дурная въ одномъ случаѣ, конституція будетъ хороша въ другомъ.

Такимъ образомъ, главное — въ соотвѣтствіи легальныхъ условій осуществленія республиканскаго режима съ природою и нравами народа, для котораго они предназначены.

Ввиду возможности достигнуть этого соответствія въ республикѣ, ее должно разсматривать какъ нормальную форму правленія для народа, достойнаго свободы, способнаго самому управлять собой и котораго традиціи не удерживаютъ въ другихъ политическихъ формахъ, освященныхъ вѣками.

Что касается Франціи, потрясенной и измѣненной революціями, то единственный возможный для нея режимъ, способный долго существовать, есть режимъ республиканскій.

Съ нимъ будетъ она продолжать свое славное шествіе на землѣ, при условіи, чтобы этотъ режимъ сообразовался съ характеромъ и духомъ нашего народа; при условіи также, чтобы граждане ея сохранили или приобрѣли высокія качества, необходимыя для истинныхъ республиканцевъ.

Монтескье сказалъ:

«Нѣтъ нужды въ большой честности, чтобы существовало и удерживалось монархическое или деспотическое правительство. Сила закона въ одномъ, всегда поднятая рука монарха въ другомъ, все регулируютъ и все сдерживаютъ. Но въ государствѣ, управляемомъ народомъ, нуженъ еще одинъ элементъ, называемый *добродѣтелью*».

И эту республиканскую добродѣтель Монтескье опредѣляетъ, какъ «любовь къ Родинѣ и равенству».

ГЛАВА ХVII.

КОНСТИТУЦІЯ

Какова первопричина образования человеческих группировок и порожденных ими правительствъ?

Несомнѣнно, что это забота о защитѣ противъ всякихъ враговъ, угрожавшихъ отдѣльнымъ семьямъ. Впослѣдствіи, это было соединеніе и организація общихъ силъ, а также сохраненіе мира и порядка среди образовавшихъ группу лицъ, отправленіе правосудія во всѣхъ могущихъ возникнуть между ними спорахъ.

Эта причина образования первобытныхъ обществъ сохранилась, по прошествіи вѣковъ, для болѣе обширныхъ обществъ, и является и по сей часъ самымъ существеннымъ долгомъ современныхъ правительствъ.

Первая и самая существенная задача всякаго правительства состоитъ въ обезпеченіи національной защиты и независимости, въ поддержкѣ общественнаго порядка и въ отправленіи правосудія. Это является главной обязанностью общества по отношенію къ человѣку. Поолѣдній имѣетъ право на личную безопасность, на неприкосновенность своей семьи, на свободное пользованіе своимъ имуществомъ, тогда какъ всему этому можетъ угрожать вторженіе внѣшнихъ враговъ, безпорядки и преступные замыслы внутри страны.

Государственная сила и отправленіе правосудія защищаютъ и обезпечиваютъ эти права.

Можно было бы предположить, что этимъ ограничиваются государственныя функціи, но въ дѣйствительности, въ современной Европѣ онѣ сильно расширились. Увеличивающіяся общественныя потребности принудили государство умножить число публичныхъ учреждений и даже брать на себя эксплуатацію нѣкоторыхъ промышленныхъ предпріятій, когда это необходимо для благополучія гражданъ.

Помимо національной защиты, правосудія и полиціи, правительствамъ пришлось обезпечить управленіе мѣстными администраціями, общественныя работы, образованіе, почтовые, телеграфныя и телефонныя сообщенія, иногда желѣзныя дороги; нужно было создать еще учрежденія для контроля, управленія и защиты земледѣльческаго и промышленнаго производства, внутренней и международной торговли. Расходы по всѣмъ этимъ государственнымъ функціямъ и долги, въ которые приходится вступать, привели къ учрежденію большой финансовой администраціи.

Вотъ, въ ея общей сложности, роль правительства въ современномъ государствѣ. Она мало чѣмъ отличается въ разныхъ странахъ. Правительство республиканское и правительство монархическое имѣютъ тѣ же функціи.

Онѣ гораздо сложнѣе, чѣмъ въ примитивныхъ обществахъ отдаленнаго прошлаго, но онѣ не заключаютъ въ себѣ, какъ въ тѣ времена, совокупности осуществленія верховной власти. Существуетъ раздѣленіе: рѣшеніе и исполненіе не принадлежать больше одной и той же власти.

Власть рѣшающая, т. е. устанавливающая для людей правила ввиду общественной пользы, другими словами, власть создающая законы, есть власть законодательная.

Власть исполнительная управляетъ страной въ условіяхъ и границахъ, опредѣленныхъ конституціей, согласно законамъ, исполненіе которыхъ ей довѣрено.

Кромѣ того, исполнительная власть подверглась нѣкоторому расчлененію вслѣдствіе своего рода автономіи, предоставленной отправленію правосудія. Хотя функція судить людей, разрѣшать дѣла, касающіяся ихъ чести, ихъ жизни и ихъ имущества и была однимъ изъ первыхъ атрибутовъ правительства, это право должно было быть изъято изъ вліянія страстей, порождаемыхъ политикой. Осуществленіе правосудія передано было въ руки особыхъ государственныхъ судебныхъ чиновниковъ, которыхъ постарались сдѣлать независимыми отъ исполнительной власти и которые представляютъ собою отдѣльную, но всегда подчиненную власть, называемую властью судебной.

Раздѣленіе властей стало принципомъ, основнымъ закономъ свободныхъ народовъ.

Декларація правъ челоуѣка и гражданина 1789-го года особо оговариваетъ: «Никакое общество, въ которомъ права не обезпечены и раздѣленіе власти не установлено, не имѣетъ конституціи».

Такимъ образомъ, имѣется три разныхъ рода власти, но между ними существуютъ необходимая, связь и отношенія, зависящія отъ установленныхъ конституцій:

Власть законодательная, устанавливающая законы и, въ частности, ежегодный финансовый законъ и, черезъ его посредство, налоги;

Власть исполнительная, являющаяся «правительствомъ», для общаго управленія государственными дѣлами и «администраціей» для осуществленія его въ подробностяхъ;

Власть судебная, защищающая права каждого челоуѣка, согласно законамъ, и наказующая преступающихъ законы.

Какъ организованы эти три рода власти во Французской республикѣ?

Наша конституція учреждена въ 1875-мъ году; но основа ея, политическое право, которымъ она проникнута, покоятся на принципахъ 1789-го года, на Деклараціи Національнаго Собранія, говорящей въ ст. 3-ей:

«Принципъ всякой власти исходитъ, по существу, отъ народа. Никакое учрежденіе и никакое лицо не могутъ осуществлять власти, не исходящей непосредственно отъ него».

Народъ, илаче говоря, совокупность гражданъ, осуществляетъ въ дѣйствительности власть, за нимъ признанную, черезъ своихъ представителей.

Такимъ образомъ, Французская республика является республикой демократической.

Никакой классъ, никакая категорія людей не обладаетъ привилегіями или особыми политическими правами. Между всѣми существуетъ полное равенство.

Достаточно быть совершеннолѣтнимъ и не ограниченнымъ въ правахъ, чтобы пользоваться правами гражданина, быть избирателемъ и обладать долей, равной долѣ всѣхъ другихъ, въ національной власти, участвовать въ избраніи уполномочен-

ныхъ въ разныхъ степеняхъ для временнаго осуществленія власти.

Это то, что называется всеобщимъ избирательнымъ правомъ.

Избраніе выборщиками своихъ представителей ограничено лишь условіями возраста и мѣстожителства. Подъ этимъ единственнымъ условіемъ каждый гражданинъ можетъ быть избранъ на самое скромное, какъ и на самое высокое мѣсто.

Такимъ образомъ, наша Республика является, въ полномъ смыслѣ слова, демократіей.

У великаго народа не всѣ дѣла общественнаго характера имѣютъ достаточное національное значеніе, чтобы они зависѣли отъ верховной власти. Есть и такія, которыя касаются лишь мѣстныхъ вопросовъ, и должны зависѣть отъ мѣстныхъ властей.

Во Франціи, какъ и вездѣ, осуществлено раздѣленіе между національными и мѣстными интересами. Этому соотвѣтствуютъ наши территоріальныя и административныя подраздѣленія на общины и департаменты, съ ихъ особыми собраніями и магистратурой, городскими и общими управленіями, мэрами и префектами.

Нужно ли, между прочимъ, сказать, что, если демократическіе принципы, такимъ образомъ, полностью осуществлены, то организація мѣстныхъ и областныхъ интересовъ, по крайней мѣрѣ, въ департаментахъ, слишкомъ слаба и не достаточна? Наша мѣстная жизнь недостойна свободой страны. Вина этого кроется, повидимому, въ раздѣленіи на департаменты, слишкомъ тѣсныя, не отвѣчающіе никакой географической идеѣ, никакой группировкѣ интересовъ. Ограниченность территоріи и произвольный характеръ департаментовъ привели центральную власть къ овладѣнію тѣмъ, что ей не принадлежитъ, что стѣсняетъ ее мелкими дѣлами и мѣшаетъ ей посвятить себя крупнымъ вопросамъ.

Подробнѣе говорить объ этомъ здѣсь не мѣсто. Достаточно того, что я упомянулъ о мѣстныхъ учрежденіяхъ, вслѣдствіе роли, которую они играютъ въ конституціи государственныхъ властей.

Законодательная власть принадлежит въ республикѣ двумъ палатамъ, держащимъ свои мандаты отъ народа, спеціально голосовавшего по этому поводу.

Одна изъ нихъ, Палата Депутатовъ, избрана всеобщимъ прямымъ голосованіемъ. Территорія Франціи раздѣлена на выборные участки, въ каждомъ изъ которыхъ граждане избираютъ одного или нѣсколькихъ депутатовъ, сообразно тому, производятся ли выборы поименно или по спискамъ. Эти два рода выборовъ чередовались съ 1871-го года.

Вторая палата, Сенатъ, роль котораго нѣсколько отличается отъ первой, также избирается всеобщимъ голосованіемъ, но не прямо, а черезъ посредство выборныхъ первой степени, муниципальных, провинціальныхъ и общихъ совѣтниковъ и депутатовъ.

Обѣ палаты, засѣдая отдѣльно, осуществляютъ законодательную власть. Для проведенія какого либо закона, даже ежегоднаго финансоваго, необходимо ихъ полное согласіе.

Главой исполнительной власти является президентъ республики.

Согласно принципамъ нашего политическаго права, власть его можетъ исходить только отъ народа, отъ общаго выбора, прямого или косвеннаго.

Французская конституція 1848-го года требовала избранія президента всеобщимъ прямымъ голосованіемъ. Конфликты между президентомъ республики и Законодательнымъ собраніемъ, а затѣмъ государственный переворотъ, къ которому привели три года этого режима, побудили законодателя 1875-го года отвергнуть всякую мысль объ избранія всеобщимъ голосованіемъ. Казалось, что выборы въ двухъ степеняхъ, черезъ посредство особыхъ делегатовъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, также не представляли достаточныхъ гарантій согласія между властями: вполнѣ естественно, опасались, что выборы все же примутъ форму плебисцита.

Поэтому было рѣшено, что выборная коллегія, уполномоченная избрать президента республики, будетъ состоять изъ соединенныхъ Сената и Палаты Депутатовъ, созванныхъ въ Національное Собраніе. Такимъ образомъ устанавливается тѣсная

связь между законодательной и исполнительной властью и зависимость послѣдней отъ первой.

По тексту конституціи, мандатъ президента республики дается на семь лѣтъ.

Сенаторы избираются на девять лѣтъ, и Сенатъ возобновляется по третямъ каждые три года.

Депутаты избираются на четыре года; Палата депутатовъ возобновляется полностью. Попытки производить въ Палату частичные выборы и установить срокъ мандата депутатовъ въ шесть лѣтъ до сихъ поръ не удались.

Президентъ республики, не несущій отвѣтственности передъ палатами, составляетъ кабинетъ или совѣтъ министровъ. Онъ назначаетъ предсѣдателя совѣта, который самъ завѣдуетъ однимъ изъ министерствъ, и нѣкоторое число другихъ министровъ для управленія другими министерствами. Президентъ республики, предсѣдатель совѣта и министры образуютъ вмѣстѣ исполнительную власть или правительство. Ему принадлежитъ управленіе всѣми администраціями и государственными учрежденіями.

Министры солидарно отвѣтственны за общую политику правительства и, каждый въ отдѣльности, за ихъ личныя дѣйствія передъ обѣими палатами и, особенно, передъ Палатой депутатовъ. Съ другой стороны, въ случаѣ конфликта, правительство, съ согласія Сената, можетъ распустить Палату депутатовъ.

Инициатива представленія проектовъ новыхъ законовъ принадлежитъ одновременно правительству и каждому члену обѣихъ палатъ. Это относится также къ предложеніямъ, касающимся пересмотра конституціи. Если такой пересмотръ рѣшенъ каждой палатой въ отдѣльности, то производится онъ Национальнымъ Собраніемъ, составленнымъ изъ обѣихъ палатъ.

Отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной и независимость первой по отношенію къ послѣдней достигнута несмѣняемостью судей. Но, ввиду того, что назначеніе судей и повышение ихъ въ должности остается безусловно въ рукахъ правительства, нельзя сказать, что желательный результатъ достигнутъ полностью.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, организація и осуществленіе власти во Французской республикѣ.

Въ нихъ нѣтъ ничего, что могло бы стѣснять существованіе и развитіе великой страны и что было бы противно демократическимъ принципамъ.

Наша конституція, какъ и всѣ человѣческія учрежденія, можетъ быть подвергнута критикѣ. Но, также, какъ всѣ человѣческія учрежденія, она стоитъ того, чего стоятъ общественные нравы и сами люди.

Она будетъ превосходна, если на практикѣ изъ нея будетъ почерпнуто все, что она можетъ дать. Наоборотъ, она будетъ отвратительна, если употребить во зло все, что она допускаетъ.

Ея собственные качества и недостатки, собственно говоря, второстепенны. Все зависитъ отъ нашихъ собственныхъ.

Можно утверждать вмѣстѣ съ Монтескье, что въ республикѣ силу государства образуетъ въ гораздо большей степени добродѣтель гражданъ, чѣмъ государственныя учрежденія.

Въ чемъ состоитъ республиканская добродѣтель?

Раньше всего въ любви къ Родинѣ.

Затѣмъ, въ заботѣ объ общественныхъ интересахъ, которые должны стоять выше личной выгоды; въ уваженіи къ законамъ, являющимся выраженіемъ національной воли; въ искренней преданности свободѣ; въ чувствѣ справедливости и истиннаго равенства между людьми; въ духѣ братства, на которомъ должны быть основаны взаимоотношенія между гражданами и выражающемся въ дѣйствительной солидарности въ трудныя минуты.

Человѣкъ, у котораго личныя качества дополняются этими гражданскими качествами, является хорошимъ гражданиномъ, республиканцемъ.

Не важно, чтобы онъ состоялъ въ той или иной организованной партіи, чтобы онъ распространялъ вокругъ себя свои идеи и убѣжденія. Его примѣръ будетъ говорить громче всякихъ рѣчей и принесетъ больше пользы Республикѣ.

— Такой примѣръ долженъ подавать ты, молодой человѣкъ, научившійся управлять своей волей и мужествомъ и подчиняться долгу.

Рядомъ съ извѣстными тебѣ обязанностями чловѣка и главы семьи стоятъ обязанности гражданина, не менѣе почтенныя, выполненіе коихъ требуетъ такой же проникательности, такой же духовной силы.

Какъ бы пламенно ты ни предавался политической борьбѣ, ты будешь всегда достаточно свободенъ духомъ и независимъ характеромъ, чтобы поставить интересъ національный выше интересовъ партіи, и умѣть склониться передъ нимъ.

Существованіе партій въ республикѣ естественно; ихъ организація и дѣятельность вполнѣ законны, но при условіи, чтобы онѣ были на службѣ у идей, у политическихъ программъ и защиты кандидатовъ въ выборной борьбѣ. Если партіи хотятъ большаго, если онѣ стремятся подвергнуть лицъ, занимающихъ или нѣтъ общественныхъ должности, своему контролю, — отвратительнѣйшей изъ всѣхъ тираніи, если онѣ хотятъ надѣть ярмо на избирательную массу, — онѣ представляютъ уже собою политическія шайки, отъ которыхъ долженъ держаться въ сторонѣ всякій чловѣкъ съ характеромъ, всякій добрый республиканецъ.

Давленіе политическихъ кружковъ есть одна изъ язвъ демагогіи.

Демократическая республика требуетъ полной свободы, равенства всѣхъ гражданъ и справедливаго суда для всѣхъ.

ГЛАВА XVIII.

ГРАЖДАНСКІЯ ОБЯЗАННОСТИ

Французъ, гражданинъ республики, имѣеть гражданскія права и обязанности, отличныя отъ общихъ правъ и обязанностей человѣка во всякомъ обществѣ.

Его права вытекають изъ основной идеи республиканской формы правленія, изъ національной верховной власти и изъ соотвѣтствующихъ ей принциповъ, выраженныхъ республиканскимъ девизомъ въ трехъ словахъ: Свобода, Равенство, Братство.

Обязанности его частью сливаются съ политическими обязанностями подданнаго всякой монархіи, но онѣ гораздо многочисленнѣе, строже и императивнѣе.

У кого нѣтъ никакого политическаго хозяина, даже никакого начальства, тотъ самъ несетъ полную отвѣтственность за свои акты и за всѣ ихъ послѣдствія. Имѣя свою долю въ верховной власти надъ страной, гражданинъ отвѣтствененъ за ея благополучіе, ея силу и величіе въ настоящемъ, какъ и за будущее, которое онъ ей готовитъ.

Исторія воздаеть должное монархамъ и министрамъ, управявшимъ Франціей, за свѣтъ, распространенный ею въ мірѣ во времена ихъ царствованія или управленія; она вмѣняетъ имъ въ преступленіе ея несчастья, потому что они одни обладали властью и что отъ ихъ дѣятельности зависѣло добро и зло.

Въ будущемъ Исторія будетъ говорить иначе.

Французы, въ совокупности своей, отвѣтственны передъ ней за то, чѣмъ станетъ Франція. Они прославятся ея благополучіемъ, ея престижемъ въ мірѣ. На нихъ падеть позоръ за испытанное ею зло, за ея возможное паденіе.

Самый народъ будетъ обвиненъ Исторіей, если мы приведемъ къ упадку великую націю, слава которой освѣщала про-

шлое и освѣщаетъ еще настоящее. И справедливо были бы прокляты поколѣнія, не способныя передать будущимъ поколѣніямъ наслѣдство силы и чести, въ теченіе вѣковъ собранное ихъ предшественниками.

Отъ доблести гражданъ зависятъ могущество и счастье страны. Ихъ недостатки и малодушіе были бы причиной ея несчастій и возможнаго паденія.

Чтобы стать хорошимъ гражданиномъ нужно сначала сдѣлаться такимъ частнымъ человѣкомъ, какъ мы его описали: преданнымъ своимъ обязанностямъ, обладающимъ волей, мужествомъ, честностью и терпимостью; нужно создать семью, жить семейной жизнью; затѣмъ нужно исполнять свои обязанности гражданина.

Первая и важнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ любви и службѣ Родинѣ; въ постоянной заботѣ объ ея интересахъ, поставленныхъ выше всѣхъ другихъ; въ жизни для нея, въ готовности, когда это нужно будетъ, сражаться за нее, страдать и умереть.

Долгъ передъ Родиной такъ великъ и важенъ, онъ стоитъ такъ высоко надъ всѣми другими обязанностями гражданина, что нужно говорить и настаивать на немъ особенно. Это и будетъ предметомъ послѣдней части настоящей книги.

Человѣкъ обязанъ послушаніемъ и повиновеніемъ законамъ, выражающимъ національную волю.

Если онъ считаетъ ихъ дурными, онъ имѣетъ право стремиться къ ихъ отмѣнѣ или измѣненію, всѣми способами предоставленными ему свободой. Но ему запрещено нарушать ихъ, еще болѣе, возставать противъ нихъ. Если бы каждый хотѣлъ принимать лишь тѣ законы, которые ему нравятся или удобны, не существовало бы больше ни общественнаго порядка, ни личной безопасности.

Есть двѣ священныя вещи, сказалъ Викторъ Гюго: «Знамя, представляющее военную честь, и Законъ, представляющій національное право».

Предписанія закона заслуживаютъ не меньшаго уваженія, когда они обязываютъ по отношенію къ государству, общинѣ или другому коллективному учрежденію, чѣмъ если относятся

къ частнымъ лицамъ. Долгъ по отношенію къ тѣмъ и другимъ одинаковъ. Это безусловный принципъ, котораго, можетъ быть, не оспариваютъ, но слишкомъ часто у насъ не примѣняютъ.

Часто человѣкъ, весьма щепетильный въ отношеніи правъ и интересовъ своихъ ближнихъ, нисколько не заботится о правахъ государства или своей общины.

Въ отношеніи налоговъ это слишкомъ извѣстно и даже признается. Люди, абсолютно честные въ актахъ повседневной жизни, обманываютъ фискаль, употребляютъ запрещенные товары или не платятъ установленной таксы, не думая о томъ, что они поступаютъ дурно, что обманъ и воровство есть дурной поступокъ, кто бы ни былъ его жертвой. Обманывать государство, значитъ обманывать всѣхъ. Какъ ни малъ ущербъ, понесенный каждымъ въ отдѣльности, онъ матеріально существуетъ; къ тому же, моральная вина измѣряется не только нанесеннымъ ущербомъ или вызванными страданіями.

Итакъ, нужно уважать законы, всѣ законы, въ томъ числѣ и фискальные; не менѣе другихъ они имѣютъ свое значеніе и важность.

Государственная сила, охраняющая насъ отъ иностраннаго вторженія и отъ преступленій противъ нашей личности и имущества, администрація, поддерживающая порядокъ, государственныя учрежденія, необходимые органы цивилизаціи, все, что составляетъ жизнь общества, должности на службѣ государства, департаментовъ и общинъ, — все это требуетъ большихъ расходовъ. Необходимо, чтобы граждане отчисляли изъ своихъ средствъ нѣкоторую долю для содержанія могущественнаго соціального организма, безъ котораго жизнь ихъ была бы неустойчива и дѣятельность бесплодна.

Гражданинъ долженъ платить налоги въ размѣрѣ и формѣ, установленныхъ закономъ.

Онъ самъ или, что то же самое, его представители создали законъ, опредѣлившій пошлины. Согласіе, даваемое такимъ образомъ налогоплательщиками, является самой основой представительнаго правительства. Это и было его основаніемъ. Первые народныя собранія были созваны королями, чтобы добить-

ся налоговъ, которые они считали невозможнымъ наложить собственной властью.

Такова была причина созыва генеральныхъ штатовъ 1789 года, превратившихся въ Національное Собраніе. Поэтому, декларация правъ подтверждаетъ принципъ согласія на налоги:

«Всѣ граждане, говорится въ этой деклараціи, имѣютъ право констатировать лично или черезъ своихъ представителей, необходимость общественной контрибуціи, свободно на нее согласиться, провѣрять использованіе ея, установить ея размѣры, способы взиманія и продолжительность».

Прерогатива законодательной власти, непосредственно уполномоченной налогоплательщиками устанавливать налоги нынѣ утверждена такъ твердо, что даваемое правительству право взимать налоги и таксы всякаго рода, а также оплачивать расходы, дается ежегодно. Оно особо возобновляется каждый годъ бюджетнымъ закономъ.

Бюджетные законы содержать постоянно повторяемые и принудительныя условія, устанавливающія размѣры прямыхъ налоговъ, взимаемыхъ по спискамъ въ теченіе года и разрѣшающія ихъ востребованіе. Что касается косвенныхъ налоговъ и различныхъ таксъ и контрибуцій, установленныхъ другими законами, то финансовый законъ разрѣшаетъ ихъ взиманіе на одинъ годъ, давая при этомъ ихъ точное перечисленіе. Этотъ законъ содержитъ, въ своемъ послѣднемъ параграфѣ, слѣдующее повелительное и угрожающее распоряженіе:

«Всякіе прямые и косвенные налоги, кромѣ тѣхъ, которые разрѣшены на текущій финансовый годъ, подъ какимъ - бы названіемъ и предлогомъ они бы ни взимались, категорически запрещаются, подъ страхомъ для устанавливающихъ ихъ властей, для служащихъ, составляющихъ списки и размѣры и для взимающихъ ихъ, преслѣдованія въ качествѣ взяточниковъ, съ сохраненіемъ права возобновленія въ теченіе трехъ лѣтъ противъ всѣхъ сборщиковъ или лицъ, взимающихъ эти налоги».

Изъ этого видно, какъ старательно законъ принялъ предосторожности и мѣры предупрежденія, дабы оградить право налогоплательщика на его согласіе на установленіе налоговъ.

Обязанность оплачивать налоги настолько значительна, что всякія попытки избѣжать этого являются особенно предосудительными.

Какимъ образомъ государственныя обязанности должны быть распределены между налогоплательщиками?

Декларация правъ челоуѣка и гражданина отвѣчаетъ: онѣ должны быть распределены «равномѣрно», т. е. «согласно возможностямъ каждаго».

«Согласно возможностямъ» нужно понимать: соотвѣтственно доходамъ. И въ самомъ дѣлѣ, Національное Собрание стремилось установить налоги пропорціонально доходамъ налогоплательщиковъ. Сказать, что это ему выполнѣ удалось, было бы слишкомъ. Впрочемъ, это можетъ имѣть лишь историческій интересъ. Принятый тогда весьма простой планъ нашего фискальнаго режима съ тѣхъ поръ такъ увеличился и осложнился, что отъ его прекрасной организаціи ничего не остается. Нѣтъ года, въ который въ него не было бы внесено серьезныхъ или легкихъ измѣненій, а программъ реформъ на будущее время и не считать.

Итакъ, завтрашнимъ гражданамъ придется заняться этимъ вопросомъ о налогахъ, значеніе котораго велико. Необходимо разсматривать его съ двухъ сторонъ, а именно: справедливости фискальныхъ обязательствъ, налагаемыхъ на налогоплательщика и нанесенія вреда экономической жизни страны. Нужно также, въ такомъ сложномъ вопросѣ, считаться съ нравами и даже, въ нѣкоторой степени, съ предрассудками.

Важно не подпасть подъ вліяніе личнаго или классоваго эгоизма; ставить передъ собою задачу болѣе высокую, чѣмъ избѣгнуть самому или той категоріи гражданъ, къ которой принадлежишь, обязательствъ, налагаемыхъ на другихъ. Нѣтъ основанія требовать отъ людей химерической личной незаинтересованности; достаточно возбуждать въ нихъ чувство справедливости и преобладаніе его надъ личными расчетами.

Очень поучителенъ примѣръ, данный Англіей лѣтъ тридцать тому назадъ. Правительство, съ предсѣдателемъ совѣта

Гладстономъ и министромъ финансовъ Вилліамомъ Гаркуромъ, внесло прое́къ закона, въ значительной степени увеличивавшій налогъ на наслѣдство и придававшій ему прогрессивный характеръ. Размѣръ налога увеличивался съ долей наслѣдства, т. е. съ суммой, приходящейся одному наслѣднику, доходя до одной пятой части, если доля эта была значительна.

Послѣ продолжительныхъ преній и довольно сильной оппозиціи, Палата общинъ, являющаяся народнымъ представительствомъ, вотировала законъ. Казалось, что прое́къ долженъ провалиться въ Палатѣ лордовъ, гдѣ находились владѣльцы самыхъ крупныхъ имуществъ. Каково же было наше удивленіе, когда мы узнали, что законъ прошелъ въ Палатѣ лордовъ единогласно, безъ всякихъ оговорокъ.

Спрошенный по этому поводу, одинъ изъ членовъ Палаты лордовъ далъ прекрасный отвѣтъ:

«Мы не позволили бы себѣ оспаривать или даже обсуждать законъ, интересующій насъ лично и затрагивающій наше имущество».

Вопросы о налогахъ, какъ всѣ политическія задачи, разрѣшаются не легко. И когда принимается рѣшеніе, никогда нельзя быть совершенно увѣреннымъ, что приносимая имъ сумма добра превыситъ неизбежно связанная съ нимъ зло и неудобства. Для многихъ законовъ такое сомнѣніе остается даже уже послѣ того, какъ они вотированы и примѣняются.

Такъ напримѣръ, до войны, дважды былъ сокращенъ срокъ военной службы, представляющей общую для французовъ повинность. Прекраснымъ результатомъ этихъ мѣръ было уменьшеніе обязанностей, ложившихся на молодыхъ людей народныхъ класовъ и большее уравненіе ихъ. Съ этой точки зрѣнія реформа была удачна. Но она не имѣла исключительно соціального характера: она была также военной, и можно было опасаться совершенно иныхъ результатовъ съ этой стороны. Быть можетъ, сокращеніе срока военной службы могло повести къ ослабленію арміи, несмотря на другія мѣры, принятыя для устраненія этой опасности.

Что преобладало здѣсь: добро или зло? Совѣстливые люди могли колебаться. Одни лишь избиратели и представители, ослѣпленные личными или избирательными интересами, духомъ

партіи или демагогическими инстинктами, не чувствовали ни колебаній ни смущенія совѣсти.

Остальные въ смущеніи спрашивали себя, какъ разрѣшить вопросъ, чего требуетъ долгъ?

Это часто случается въ политикѣ. Не всегда ясенъ долгъ, который долженъ руководить нашими дѣйствіями. Нужно сдѣлать усиліе, чтобы найти его, да и то безъ увѣренности, что не совершаешь ошибки.

Счастливы ограниченные умы, не знающіе этихъ опасеній и колебаній.

Одна изъ хорошихъ сторонъ военной жизни въ томъ, что долгъ представляется въ ней всегда въ ясной простотѣ. Генераль Борни - Дебордъ, видѣвшій, что у нѣкоторыхъ политическихъ людей колебанія и безпокойство часто предшествовали принятію важныхъ рѣшеній, говорилъ обыкновенно: «Я очень счастливъ, что офицерамъ политика запрещена. Для насъ долгъ простъ и ясенъ. Онъ точнѣйшимъ образомъ указанъ намъ для всѣхъ случаевъ, и чтобы всѣ знали его, онъ полностью записанъ въ маленькой книжечкѣ, называемой «Уставомъ».

Не существуетъ устава для указанія долга въ политикѣ.

Едва лишь можно установить нѣсколько правилъ, изъ которыхъ первое состоитъ въ томъ, чтобы всегда владѣть собою и въ этой области, какъ и во всѣхъ остальныхъ, предоставлять разуму и волѣ господство надъ страстями. При этомъ условіи, можно хладнокровно обсуждать политическіе вопросы, заботясь прежде всего объ интересахъ страны. Но и тутъ нужно остерегаться преувеличеній и руководиться верховной идеей справедливости.

Республика гнала бы своимъ принципамъ, самому имени своему, если бы она не была правительствомъ справедливости, если бы она не уважала и не внушала уваженія къ праву каждаго гражданина.

Итакъ, политическій долгъ, столь сложный, многообразный и иногда неясный, содержитъ двойное правило: ставить національный интересъ превыше всего, а въ области партійной борьбы строго руководиться чувствомъ справедливости.

Если строго руководствоваться этимъ правиломъ, то политическія раздѣленія, приносящія иногда странѣ столько зла, не будутъ опасны.

Нужно умѣть понимать и переносить нѣкоторыя волненія, являющіяся самой жизнью демократій и не придавать имъ слишкомъ большого значенія. Поскольку патріотизмъ и идея справедливости глубоко заложены въ сердцахъ людей, страсти ихъ не перейдутъ необходимыхъ границъ.

Важно также, чтобы привилегированные въ этомъ мірѣ проникнуты были чувствомъ равенства. Они должны знать, что преимущества ихъ богатства, ума, высшаго образованія и воспитанія не даютъ имъ никакихъ политическихъ привилегій. При демократическомъ режимѣ, въ которомъ живетъ Франція, права ихъ равны правамъ всѣхъ другихъ гражданъ.

Обязанности ихъ также одинаковы, легально и матеріально. Что должны другіе, то должны и они. Но морально, они должны нѣчто большее. Обязанности увеличиваются сообразно средствамъ ихъ осуществленія.

Тѣ, кого защита собственныхъ интересовъ и интересовъ семьи не принуждаютъ заниматься исключительно своими дѣлами, должны посвящать больше времени общественнымъ дѣламъ и общимъ интересамъ. Они должны заниматься большими дѣлами, которыя создаетъ и поддерживаетъ частная инициатива: учрежденія научныя, вспомогательныя, благотворительныя, гигиеническія, и т. д.

Человѣкъ, обладающій интеллектуальными способностями и познаніями выше обыденныхъ, долженъ дать государству и своимъ согражданамъ возможность использовать его дарованія. Пусть онъ стремится произвести болѣе чѣмъ другіе, менѣе одаренные, лучше успѣть въ жизни, это его долгъ человѣка и гражданина, и, такимъ образомъ, онъ косвенно служитъ своей странѣ, получающей выгоду отъ результатовъ, достигнутыхъ каждымъ въ отдѣльности. Но онъ обязанъ также странѣ непосредственными услугами, отъ которыхъ свободны другіе. Общественная польза требуетъ отъ него болѣе активнаго и постояннаго участія, болѣе энергичной дѣятельности.

Обладаемая имъ преимущества создаютъ для него высшій долгъ, не падающій на всѣхъ гражданъ.

ГЛАВА XIX.

РАВЕНСТВО ПРАВЪ

Права гражданъ въ республикѣ абсолютно равны.

Подтверженіе равенства правъ представляетъ первую статью Декларациі 1789-го года. Она составлена слѣдующимъ образомъ:

«Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ. Соціальныя различія могутъ быть основаны лишь на общественной пользѣ».

Республика не признаетъ никакихъ преимуществъ, основанныхъ только на рожденіи, никакой наслѣдственности во власти и государственныхъ должностяхъ.

Иначе обстоитъ дѣло въ монархіяхъ, будь онѣ либеральными или деспотическими. Можно сказать въ общемъ и несмотря на нѣкоторыя исключенія, что монархія опирается на дворянство, пользующееся извѣстными привилегіями, ставящими его выше обыкновенныхъ гражданъ.

Англія, хотя это классическая страна индивидуальной свободы, не знаетъ равноправія. Она обладаетъ аристократіей, быть можетъ болѣе сильной, пустившей въ странѣ болѣе глубокіе корни, чѣмъ сама королевская власть. Англійскіе лорды обладаютъ долею власти, которая позволяетъ имъ противостать волѣ самого народа. Они оказались достаточно благоразумными, чтобы пользоваться своими прерогативами лишь очень скромно и лишь въ важнѣйшихъ случаяхъ, и постоянно уступали, когда народъ настаивалъ на своихъ первоначальныхъ рѣшеніяхъ, которыя ясно полтверждались и укрѣплялись.

Тотъ фактъ, что никакія функціи въ республикѣ не являются наслѣдственными и ни одна категорія гражданъ не пользуется привилегіями имѣть слѣдствіемъ, что всѣ могутъ быть допущены къ «должностямъ, почестямъ и функціямъ». Способности и таланты — единственныя условія занятія такихъ постовъ.

Таково право, такова и правда при республиканскомъ режимѣ.

Необходимо неукоснительно уважать ее на практикѣ, подѣ страхомъ впасть въ худшія злоупотребленія, чѣмъ при самомъ узкомъ аристократическомъ режимѣ. Въ самомъ дѣлѣ, существуютъ принадлежащіе къ партіи люди, стремящіеся сдѣлать изъ государственныхъ должностей частную собственность, которой можно овладѣть лишь принявши политическое или религіозное кредо и примкнувши къ убѣжденіямъ, претендующимъ на монополію гражданства, гдѣ способности и трудъ считаются ни во что и только протекція ведетъ ко всему.

Такое понятіе ничего не имѣетъ общаго ни съ республикой ни съ демократіей.

Демократія требуетъ полного равенства правъ, безъ всякаго предпочтенія, кромѣ тѣхъ, которыя принадлежатъ знанію и заслугамъ.

Если принятіе на должности и повышенія зависятъ отъ фаворитизма, въ администраціяхъ неизбежно царитъ ничтожество и неспособность чиновниковъ. Что еще хуже, отсюда слѣдуютъ ослабленіе характеровъ, доносы и шпіонство, организованные вокругъ и среди самихъ служащихъ.

Можно представить себѣ, какъ низко падаетъ чиновничество, предоставленное такому режиму. Дурное качество работы на пользу общества еще наименьшая часть приносимаго имъ зла. Государственныя учрежденія являются, до нѣкоторой степени, скелетомъ большого тѣла, представляемаго цивилизованнымъ государствомъ. Заражающая его гангрена разрушаетъ все, и, мало по малу, болѣзнь и разложеніе овладѣваютъ всѣмъ социальнымъ тѣломъ.

Та же система протекцій и политической кліентуры приводитъ въ арміи къ еще болѣе быстрымъ и роковымъ послѣдствіямъ.

Въ дни войны побѣда и спасеніе страны зависятъ въ значительной степени отъ способностей начальниковъ. Если начальники избираются не по своимъ военнымъ способностямъ, но подѣ предлогомъ, что они исповѣдуютъ тѣ или иныя убѣжденія, а на самомъ дѣлѣ потому, что они пошли на постыдные компромиссы съ тѣмъ, чтобы стать кліентами того или иного

кружка или политическаго лица, — высшее командованіе попадаетъ въ руки наименѣе способныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, не только нѣтъ никакой гарантіи ихъ моральной цѣнности, но можно быть увѣреннымъ, что люди съ характеромъ и моральной деликатностью будутъ отстранены. Выборъ производится среди наименѣе способныхъ и наименѣе достойныхъ командовать.

Опасность такого режима слишкомъ велика, чтобы нужно было говорить, какъ могли бы пострадать отъ него свобода и республиканскія учрежденія. Армія, не занятая исключительно великой задачей національной защиты, руководствующаяся чѣмъ либо инымъ, кромѣ военной чести и долга, не держащая строго въ сторонѣ отъ политики и партійныхъ вождедѣній, рано или поздно неизбежно броситъ въ борьбу свое оружіе.

Политическая армія роковымъ образомъ становится арміей государственныхъ переворотовъ и гражданской войны.

Итакъ все: забота объ общественной морали, принципы равенства и справедливости и инстинктъ республиканскаго самосохраненія способствуютъ тому, чтобы рекомендовать гражданамъ въ вопросѣ приглашенія на службу офицеровъ и чиновниковъ и повышенія ихъ изъять фаворитизмъ и инквизицію совѣсти. Нужно, чтобы у всѣхъ была увѣренность, что будущее ихъ зависитъ исключительно отъ ихъ способностей, отъ оказанныхъ ими услугъ, отъ точности соблюдаемой ими дисциплины. Политически отъ нихъ можно требовать лишь совершенной лояльности, полного воздержанія отъ участія въ избирательной бorbѣ, гдѣ авторитетъ ихъ должности, данный имъ республикой, т. е. всѣми, не можетъ быть употребленъ на пользу отдѣльныхъ лицъ.

Національная верховная власть не можетъ мириться съ вмѣшательствомъ государственныхъ служащихъ въ свободное проявленіе воли гражданъ.

Когда приходитъ часъ обращенія къ народному голосованію, всеобщее избирательное право должно проявляться и въ управленіи дѣлами и въ избраніи народныхъ представителей съ полной свободой.

Право избирателя, являющееся самой основой демократіи, должно быть свободно отъ всякихъ посягательствъ. Поскольку

личное вліяніе человѣка на человѣка, пропаганда словомъ и перомъ суть вещи естественныя и законныя, постольку давленіе, устрашеніе и подкупъ обѣщаніями или деньгами, откуда бы они ни исходили, отвратительны и наказуемы.

Гражданинъ съ независимымъ умомъ и твердымъ характеромъ обезпеченъ отъ такого рода маневровъ. Но недостаточно, чтобы онъ защищался лично и охранялъ свои собственныя права и отдавалъ свои духовныя силы и мужество на службу болѣе слабымъ.

Это долгъ его, долгъ исходящій изъ самаго его превосходства. Въ демократіи, если права всѣхъ равны, то обязанности увеличиваются сообразно моральнымъ и матеріальнымъ преимуществамъ каждаго. Вышесказанное только лишній разъ косвенно подтверждаетъ это.

Одинъ изъ принциповъ современнаго права состоитъ въ томъ, что всѣ граждане равны передъ закономъ.

Гражданскіе и уголовные законы защищаютъ и наказываютъ всѣхъ безъ различія, каково бы ни было ихъ общественное положеніе, ихъ имущество или занимаемая ими должности.

Ни для какой части народа, ни для какого отдѣльнаго лица не существуетъ ни привилегій ни исключеній изъ «права, общаго для всѣхъ французовъ».

Одинаковые факты судятся по однимъ и тѣмъ же законамъ и подсудны однимъ и тѣмъ же судамъ, независимо отъ личности или качества совершившихъ ихъ лицъ.

Въ этомъ принципъ и правило, ненарушимые въ свободныхъ странахъ.

Особые законы и юрисдикція, созданные для какой либо одной категоріи гражданъ или отдѣльнаго лица, являются плодомъ тираніи.

Когда демократія даетъ увлечь себя въ эту сторону, когда она вступаетъ на этотъ путь произвола, гдѣ ничто болѣе не останавливаетъ ея, право и свобода становятся пустыми звуками, словами, лишенными всякаго реального смысла.

Итакъ, нужно твердо держаться правила объ абсолютномъ равноправіи всѣхъ передъ закономъ, о его характерѣ всеобщности и полной справедливости. Законъ пристрастный и несправедливый — дурной законъ во всѣ времена и во всѣхъ стра-

нахъ. Въ XX-мъ вѣкѣ и при республиканскомъ режимѣ такой законъ — возмутительная несообразность.

Не только въ самомъ законѣ должно быть равенство, но и въ приложеніи его. Къ чему могутъ служить справедливые законы, если они несправедливо примѣняются?

Осуществленіе законовъ лежитъ, съ одной стороны, на государственныхъ судебныхъ чиновниковъ, съ другой — на администраціи.

Одни лишь судебные дѣятели располагаютъ свободой, честью и жизнью людей и ихъ частнымъ имуществомъ. На администраціи лежитъ, по преимуществу, выполненіе законовъ, имѣющихъ коллективный интересъ, относящихся къ полиціи, къ образованію, налогамъ, общественнымъ работамъ и т. д.

Въ отношеніи примѣненія законовъ, граждане прежде всего должны быть увѣрены въ правильномъ отправленіи правосудія, въ честности и независимости судей. Къ счастью, французское судебное вѣдомство абсолютно честно. Его честность стоитъ выше всякой критики и подозрѣній.

Можно ли съ такой же увѣренностью сказать, что оно независимо? Не имѣетъ ли на него вліянія политическая власть?

Въ этомъ пунктѣ нельзя быть такъ же увѣреннымъ, какъ въ отношеніи честности.

Независимость судей обеспечивается ихъ несмѣняемостью. Судья не можетъ быть наказанъ, перемѣщенъ и отставленъ правительствомъ. Но оно располагаетъ наградами; оно распределяетъ по своему усмотрѣнію повышенія и ордена. У судьи не обязательно высокая душа и сильный характеръ. Соблазнъ возможной награды можетъ, до нѣкоторой степени, смутить его душу. Какъ бы исключительнымъ ни считать такой случай, достаточно, чтобы онъ былъ возможенъ, чтобы организація была такова, что мало щепетильное правительство можетъ поставить судью между его интересами и долгомъ, — этого достаточно, чтобы отправленіе правосудія въ странѣ было опорочено и раздѣленіе властей недостаточно обеспечено.

Къ счастью, государственные служащіе, зависящіе непосредственно отъ власти, не располагаютъ ни свободой, ни имуществомъ, ни честью людей. Однако, и администрація можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, злоупотребляя закономъ, нанести

ущербъ частнымъ интересамъ. Если администрація считаетъ себя въ правѣ дѣлать то, что обычно называютъ политикой, но что, на самомъ дѣлѣ, только карриатура ея, если она сливается свои интересы съ какой либо опредѣленной партіей, она становится придирчивой и несправедливой и нарушаетъ принципъ равенства гражданъ, лежащій въ основѣ демократическаго государства.

Такимъ образомъ, для справедливаго и равнаго примѣненія законовъ нужно, чтобы, рядомъ съ честнымъ и независимымъ судебнымъ вѣдомствомъ, существовало чиновничество, преданное общественной пользѣ, находящееся внѣ партійной борьбы, относящееся безпристрастно ко всѣмъ гражданамъ.

Равноправіе не должно быть чисто теоретическимъ.

Оно должно осуществляться въ дѣйстви, въ примѣненіи закона, какъ и въ самомъ законѣ.

ГЛАВА XX.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ СВОБОДЫ

Права гражданина суть тѣ же права человѣка, въ приложеніи къ политическому порядку.

Можно резюмировать ихъ въ двухъ словахъ: Равенство и Свобода.

Мы только что говорили о равенствѣ, согласно которому всякій французъ равноправенъ другому французу, равенствѣ, дѣлающемъ государственныя функціи и должности одинаково доступными всѣмъ, дающемъ, благодаря всеобщему избирательному праву, всѣмъ одинаковую долю въ управленіи государственными дѣлами и мѣстными интересами, дѣлающемъ всѣхъ равными передъ закономъ.

Декларация 1789-го года провозгласила, что Свобода, съ вытекающими изъ нея Безопасностью и Собственностью, есть «естественное и неотъемлемое» право человѣка.

Политическая свобода является лишь продолженіемъ свободы гражданской, о которой говорилось въ одной изъ предшествующихъ главъ настоящей книги.

Народъ поистинѣ свободенъ, только если онъ пользуется этими обоими видами свободы.

Въ своихъ «Рѣчахъ о всемірной исторіи» Боссюэ сказалъ: «Подъ именемъ свободы римляне, вмѣстѣ съ греками, подразумѣвали такое состояніе, въ которомъ всѣ были подданными только закона и гдѣ законъ былъ могущественнѣе людей».

Несомнѣнно, что свобода не можетъ царствовать тамъ, гдѣ законъ не является абсолютнымъ господиномъ, гдѣ нѣкоторая часть ея зависитъ отъ произвола находящихся у власти людей.

Исключительное господство законовъ есть условіе, необходимое для существованія свободы, но одного этого условія не достаточно. Нужно еще, чтобы законы сами по себѣ были справедливы и либеральны. Нужно, чтобы они ни въ какомъ случаѣ

не были пристрастны, стѣснительны или придирчивы, чтобы они предоставляли гражданамъ дѣлать все, что не вредить другимъ и не нарушаетъ общественнаго порядка.

Свобода убѣжденій и вѣрованій, свобода говорить, писать и печатать, свобода собраній и ассоціаций — все это формы политической свободы.

Политическая свобода требуетъ, чтобы человекъ могъ вѣрить какъ хочетъ и говорить, что ему угодно, исповѣдывать тѣ или иныя убѣжденія, критиковать дѣйствія людей, занимающихъ государственныя должности, лишь бы онъ не побуждалъ гражданъ къ преступленіямъ, не клеветалъ и не распространялъ ложныхъ слуховъ, словомъ не совершалъ преступленій уголовнаго характера. Свобода слова, въ которую входитъ свобода собраній, мирныхъ и никому не мѣшающихъ, свобода писать и печатать, во всякой формѣ и, въ частности, въ прессѣ, являющейся въ настоящее время главной распространительницей извѣстій и идей, — представляетъ собою существенный элементъ политическаго права гражданъ.

Безъ свободы собраній и печати не существуетъ политической свободы.

Свобода союзовъ, какъ ни важна она, занимаетъ лишь второе мѣсто. Она можетъ быть нѣсколько опасна для народа съ недостаточнымъ гражданскимъ воспитаніемъ. Нельзя допускать, чтобы великій національный союзъ, называемый государствомъ, могъ постоянно подвергаться опасности со стороны части гражданъ, выступающихъ противъ него открыто или составляющихъ заговоры. Нужно также слѣдить за накопленіемъ богатствъ, за образованіемъ мертваго капитала въ рукахъ союза, который, самъ не умирая и не передавая своего имущества, иммобилизируетъ и изымаетъ изъ оборота значительныя богатства. Противъ этой двойной опасности необходимы мѣры предосторожности, и покуда сами нравы не достаточны для предохраненія отъ нея, должны существовать нѣкоторыя ограниченія въ законѣ о правѣ союзовъ.

Они должны быть, однако, достаточно широки, чтобы позволить полезнымъ группировкамъ образовываться и выполнять свою роль, благотворительную, политическую, профессиональную и т. д.

Впрочемъ, всѣ свободы ограничены такимъ образомъ въ общественныхъ интересахъ.

Свободы экономического порядка точно такъ же, какъ и другія.

Свобода, которую общество должно полностью обезпечить отдѣльнымъ лицамъ въ ихъ работѣ, производствѣ, торговлѣ, приобретеніи и владѣніи также имѣетъ свои границы.

Право работать есть одно изъ естественныхъ правъ чловека, обезпечить которое отъ всякихъ стѣсненій въ цивилизованныхъ государствахъ обязаны законъ и государственная сила. Это право вытекаетъ изъ права на жизнь, включающее заботу о своемъ существованіи, о потребностяхъ своей семьи.

Забастовка, являющаяся согласованнымъ прекращеніемъ работы служащими какого либо предпріятія, совершенно законна. Это опасное оружіе, ибо оно ранить того, кто пользуется имъ неловко или некстати, но иногда оно единственное, которое можетъ употребить рабочій для улучшенія условій своего труда или повышенія своего заработка. Всѣ желающіе прекратить работу должны имѣть возможность это сдѣлать, но тѣмъ, кто имѣютъ причины не присоединяться къ своимъ товарищамъ въ забастовкѣ и желаютъ продолжать свою обычную работу, не должно ставиться препятствій, ибо иначе было бы нарушено ихъ право работать.

Свободу труда государство должно полностью обезпечить.

Оно должно сдѣлать это въ промышленности, какъ по отношенію къ рабочему, такъ и къ хозяину предпріятія; можно представить себѣ такой идеальный режимъ, при которомъ свобода труда была бы совершенна для того и другого, безъ оговорокъ и ограниченій. Такъ же, какъ цѣны вещей, работа подчинялась бы исключительно экономическому закону спроса и предложенія, и условія ея продолжительности, страхованія отъ рисковъ, женскаго и дѣтскаго труда — регулировались бы по общему соглашенію.

Справедливость и гармонія устанавливались бы единственно согласно равновѣсію существующихъ въ данный моментъ силъ. Но при этомъ нужно было бы, чтобы эти силы были равны или чтобы благоразуміе людей устраняло несправедливость, вытекающую изъ ихъ неравенства.

Фактически, это до сихъ поръ не осуществлялось, и необходимо было вмѣшательство закона для урегулированія труда въ промышленности и установленія границъ свободы. Женщины и дѣти, хуже вооруженныя для защиты, чѣмъ мужчины, жертвы несчастныхъ случаевъ, даже и сами здоровые рабочіе должны были пользоваться защитой закона.

Съ одной стороны, нужно было считаться съ бережнымъ отношеніемъ къ ограниченнымъ силамъ рабочихъ и съ сохраненіемъ расы, могущей пострадать отъ чрезмѣрной или преждевременной работы; съ другой стороны, — съ потребностями промышленности и съ конкуренціей, требующей дешеваго производства.

Если бы не существовало потребностей промышленности, нужно было бы не только ограничить, но совершенно запретить работу женщинъ на фабрикахъ. Ихъ мѣсто въ семьѣ, гдѣ заботы о хозяйствѣ, о дѣтяхъ и о мужѣ дали бы имъ достаточно работы. Мужчина долженъ зарабатывать, чтобы кормить семью, а жена, своею дѣятельностью и постояннымъ присутствіемъ, должна давать ему благоденствіе и счастливую жизнь.

Законъ не можетъ запретить женскій трудъ, т. к. этого не позволяетъ экономическое положеніе, ибо существуютъ необходимыя исключенія и отдѣльные случаи, при которыхъ его вмѣшательство невозможно. И однако, рано или поздно, общественные нравы должны будутъ добиться того, чтобы женскій трудъ на фабрикахъ былъ запрещенъ. Нравы также должны устанавливать границы свободы, когда результаты ея могутъ быть вредны.

Итакъ, свобода труда оказывается ограниченной правилами, установленными для охраны рабочаго.

Сама промышленность такъ же, какъ и земледѣліе, охраняется таможенными барьерами, учрежденными на границахъ національной территоріи, чтобы воспрепятствовать ввозу, увеличивъ цѣну заграничныхъ промышленныхъ или земледѣльческихъ продуктовъ. Этотъ протекціонизмъ, съ своей стороны, стѣсняетъ покупательную свободу потребителя и ставитъ серьезныя препятствія для коммерческихъ сдѣлокъ.

Страна, находящаяся въ полнотѣ промышленнаго произ-

одства, не боящаяся конкуренціи, съ хорошими социальными правами, съ корпоративными группировками, достаточно сильными и благоразумными, чтобы не бояться злоупотреблений въ рудѣ, выигрываетъ, если она избавлена отъ всѣхъ этихъ стѣсненій. Такая страна жила бы несомнѣнно гораздо лучше въ полной свободѣ. Это было бы идеаломъ... Мы отъ него далеки, нужно считаться съ настоящимъ состояніемъ народа, его силъ и слабостей и всякаго рода гибельныхъ возможностей въ этомъ отношеніи.

Долго еще нельзя будетъ достигнуть полной экономической свободы, и въ настоящее время республика принуждена слѣдовать точной регламентаціи.

Что касается права собственности, иначе говоря, свободы пріобрѣтать и владѣть, то уваженіе этого права не менѣе необходимо гражданину, чѣмъ свобода труда, результатомъ которой оно является.

Кто работаетъ съ пользою, тотъ производитъ, и чѣмъ больше отдають труду ума и силы, тѣмъ болѣе имѣють шансовъ производить много, болѣе, чѣмъ требуютъ повседневныя потребности семьи. Плодъ его труда неоспоримо принадлежитъ человѣку; онъ имѣетъ право полностью использовать его немедленно или отложить часть его.

Отложенные такимъ образомъ плоды труда, собирающіеся у дѣятельнаго и экономнаго производителя, образуютъ капиталъ, имущество, которымъ онъ обладаетъ.

Эта собственность гарантирована ему закономъ и самой организаціей общества, т. е. она законна и необходима для блага всѣхъ.

Сохраненіе имущества, совмѣстно съ безопасностью личности, было однимъ изъ основаній первыхъ человѣческихъ обществъ.

Въ деклараціи правъ человѣка и гражданина Національное Собраніе 1789-го года торжественно установило собственность, провозгласивъ:

«Цѣлью всякой политической ассоціации является охрана естественныхъ и ненарушимыхъ правъ человѣка. Права эти

суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивление стѣсненіямъ».

Собрание возвращается къ этому вопросу въ ст. 17-ой и послѣдней, составленной слѣдующимъ образомъ:

«Ввиду того, что собственность является неотъемлемымъ и священнымъ правомъ человѣка, никто не можетъ быть лишенъ его, кромѣ случаевъ, когда того требуетъ ясно и законно установленная общественная необходимость, и то при условіи предварительнаго справедливаго вознагражденія».

Въ своихъ основныхъ постановленіяхъ Конституція 1791 года говоритъ еще: «Конституція гарантируетъ неприкосновенность собственности»...

Чѣмъ была бы свобода человѣка безъ права собственности?

Быть свободнымъ въ передвиженіи, въ устномъ и печатномъ словѣ, въ собраніяхъ и союзахъ, — все это касается достоинства гражданина и правильнаго управленія общественными дѣлами въ республиканской странѣ.

Гарантія безопасности въ жизни также имѣетъ свое большое значеніе.

Существованіе человѣка гарантируется трудомъ и собственностью. Безъ нея, безъ возможности сохранять свое имущество, жизнь человѣка была бы неустойчива и находилась бы подъ постоянной угрозой. Нормальный или случайный перерывъ въ работѣ, нетрудоспособность и болѣзнь вызывали бы смерть, если бы человѣкъ, въ какой либо формѣ, не экономизировалъ части плодовъ своей работы и не составлялъ такимъ образомъ капитала.

Право собственности включаетъ въ себѣ право пользоваться и распоряжаться своимъ имуществомъ.

Онъ можетъ продавать его, одалживать бесплатно или за деньги (проценты), дарить его при жизни или оставлять въ наслѣдство.

Государство, гарантируя передачу имущества, обставляетъ ее нѣкоторыми условіями, ограничивающими права передающаго. Оно взымаетъ съ него нѣкоторую долю, т. к. нужда-

ется въ средствахъ, и одной этой причины было бы достаточно. Но налогъ имѣеть въ этомъ случаѣ и характеръ вознагражденія за услуги, оказываемыя государствомъ, гарантировавшимъ образованіе и сохраненіе имущества покойному собственнику.

Собственникъ, если онъ отецъ семейства, можетъ свободно распоряжаться своимъ имуществомъ по завѣщанію лишь въ опредѣленной части. Остальное должно, въ равныхъ частяхъ, перейти его дѣтямъ. Это установленіе вошло въ сводъ гражданскихъ законовъ ввиду ограниченія стариннаго права старшинства. Оно оправдывается матеріальной связью, прибавляющейся къ духовнымъ связямъ семьи.

Налоги, взимаемые государствомъ съ дарственныхъ записей и наслѣдствъ, весьма значительны для крупныхъ наслѣдниковъ, были бы достаточны для устраненія опасности чрезмернаго накопленія капиталовъ въ немногихъ рукахъ, если бы обязательный раздѣлъ между дѣтьми одного отца уже не подготовилъ этого распределенія.

Это раздѣленіе, установленное въ интересахъ семьи, и изъятіе части наслѣдства въ интересахъ государства представляютъ собою законныя ограниченія права собственности. Они не могутъ помѣшать образованію капитала активностью въ работѣ и экономіей, которыя общество должно желать и поощрять.

Капитальъ есть орудіе человѣческаго прогресса. Лишь съ тѣхъ поръ, какъ человѣческія поколѣнія начали накапливать свои скромныя богатства и передавать ихъ слѣдующимъ поколѣніямъ, увеличивая для нихъ средства защиты и производства, — лишь съ этихъ поръ положеніе человѣка на землѣ стало прогрессивно улучшаться.

Капитальъ, находящійся въ распоряженіи гражданъ и употребляемый въ промышленности, земледѣліи и торговлѣ, создающій цѣнности и образующій новые капиталы, есть существенный факторъ національнаго богатства. Чтобы страна благоденствовала, нужно одновременно, чтобы люди любили трудъ, обладали инициативой и накопленными капиталами, благодаря которымъ ихъ дѣятельность можетъ быть плодотворна.

Само государство, требующее отъ людей части ихъ дохо-

довъ для содержанія своихъ силъ, администраціи и государственныхъ учреждений, а также предпріятій общественной пользы, должно по возможности отводить значительную часть этихъ средствъ на расходы продуктивнаго характера. Иначе говоря, необходимо увеличивать коллективный капиталъ народа. Онъ составляется изъ сѣти дорогъ, прорѣзывающихъ территорию и допускающихъ дешевый транспортъ товаровъ по большимъ артеріямъ, желѣзно - дорожныхъ путей, каналовъ и рѣкъ, организованныхъ для судоходства, наконецъ, изъ морскихъ гаваней, лѣсовъ, и т. д.

Національный капиталъ, выраженный въ экономическомъ оборудованіи страны, сильно содѣйствуетъ производству, являющемуся результатомъ употребленія частнаго капитала, приведеннаго въ дѣйствіе трудомъ.

Государство обязано гражданамъ этимъ содѣйствіемъ, котораго ничто не могло бы замѣнить. Оказывая эту помощь, оно выполняетъ свою роль. Но было бы безуміемъ пытаться заставить его выйти изъ этой роли и полагать, что оно можетъ занять мѣсто промышленниковъ, земледѣльцевъ и коммерсантовъ и замѣнить въ промышленности частный капиталъ капиталомъ коллективнымъ. Не говоря уже о томъ, какимъ способомъ можно честнымъ путемъ отнять капиталъ у его собственниковъ и предполагая, что такая революція возможна, что случилось бы въ ближайшемъ будущемъ? Чтобы помѣшать образованію трудомъ новыхъ частныхъ капиталовъ, нужно было бы лишить человѣка всякой свободы и, такимъ образомъ, уничтожить прогрессъ.

Соціальное положеніе, которое получилось бы въ результатѣ, могло бы быть пригоднымъ для народа, состоящаго изъ ангеловъ или изъ звѣрей, но не пригодно для людей.

Покуда человѣчество таково, какимъ создали его природа и вѣковое совершенствованіе, свобода труда и право собственности, взаимно связанныя, останутся основой всякой цивилизаціи.

Это естественныя права, которыя, въ нашемъ обществѣ, имѣютъ характеръ свободъ скорѣе гражданскихъ, чѣмъ политическихъ. Но онѣ столькими нитями связаны съ политикой, играютъ такую роль въ соціальной организаціи, что намъ показалось полезнымъ вкратцѣ рассмотреть ихъ здѣсь.

ГЛАВА ХХІ.

О Б Р А З О В А Н І Е

Отецъ и мать принимаютъ на себя по отношенію къ рождающемуся ребенку обязанность дать ему возможность жить, содержать его, воспитать и сдѣлать изъ него честнаго человѣка, вооруженнаго для жизненной борьбы, и гражданина, полезнаго Республикѣ.

Вмѣстѣ съ пищей и матеріальными заботами, они должны дать ему воспитаніе и образованіе, согласно ихъ возможностямъ и имуществу.

Государство, на которомъ лежитъ забота объ общихъ интересахъ народа и о его будущемъ, не можетъ относиться совершенно равнодушно къ ребенку, въ которомъ оно видитъ завтрашняго человѣка и гражданина. Оно не можетъ позволить родителямъ не выполнить ихъ существенныхъ обязанностей и требуетъ отъ нихъ сначала дать ребенку необходимое ему пропитаніе, затѣмъ начала образованія, безъ которыхъ онъ сталъ бы своего рода паріемъ въ нашей цивилизаціи.

Требовать, чтобы ребенокъ обладалъ тѣмъ, что считается необходимымъ минимумомъ познаній, есть неоспоримое право государства.

Отецъ семейства имѣетъ право обучить ребенка этимъ первымъ элементамъ или дать ему болѣе полное образованіе, какими онъ найдетъ нужнымъ средствами. Есть лишь одинъ способъ познанія, но есть двадцать способовъ приобрѣтенія его.

Идеаломъ было бы, чтобы ребенокъ получалъ дома, въ самой семьѣ, одновременно и образованіе и воспитаніе, чтобы въ ней протекала вся его жизнь до возраста, когда онъ переходитъ къ высшему образованію, для котораго нужны спеціальные наставники, или къ продуктивной работѣ въ полѣ, на фабрикѣ, въ конторѣ или въ магазинѣ.

Лучшей и самой нормальной была бы, конечно, жизнь, въ которой мать давала бы ребенку первое образованіе, а черезъ

нѣсколько лѣтъ наступала бы очередь отца, который ежедневно, въ свободные часы, давалъ бы ребенку книжное образование, въ которомъ заключается почти все школьное обученіе, училъ бы его самостоятельной работѣ, бралъ бы его какъ можно чаще съ собою, посвящалъ бы его въ свою жизнь и работу, дополняя такимъ образомъ теоретическое образованіе далеко не бесполезными практическими уроками.

Такая прекрасная семейная жизнь требуетъ, къ сожалѣнію, рѣдко встрѣчающихся условій, даже никогда не осуществляющихся въ городахъ, и ихъ нельзя предложить, какъ общее правило.

Однако, первое образованіе ребенка матерью, въ младшемъ возрастѣ, почти всегда возможно, по крайней мѣрѣ въ состоятельныхъ и богатыхъ семьяхъ, и желательно оно со всѣхъ точекъ зрѣнія. Физически и морально для ребенка лучше не смѣшиваться слишкомъ рано съ толпой другихъ дѣтей, отъ которыхъ онъ легче всего можетъ перенять недостатки и болѣзни. Что касается учителя — матери, — то она отъ этого можетъ только выиграть у своихъ дѣтей въ уваженіи и любви, а для этого стоитъ пожертвовать нѣсколькими свѣтскими связями и удовольствіями.

Но наступаетъ часъ, когда ребенокъ долженъ искать внѣ семьи нужное ему образованіе, вмѣняемое закономъ въ обязанность отцу семейства.

Налагая обязанность, Республика должна была сдѣлать выполненіе ея возможнымъ, даже легкимъ. Отсюда учрежденіе въ каждой общинѣ открытыхъ для всѣхъ общественныхъ школъ, въ которыхъ образованіе должно даваться пріемлемое для всѣхъ, каковы бы ни были вѣрованія, убѣжденія и положеніе родителей. Элементарныя познанія, какъ чтеніе, письмо, математика, исторія; затѣмъ, мораль порядочныхъ людей, гражданскій долгъ, основанный на любви къ родинѣ, — въ этомъ состоитъ образованіе низшей школы. Она должна быть доступна для всѣхъ, но не обязательна. Отецъ семейства долженъ дать своему ребенку образованіе, потому что этого требуетъ общественная польза; но нельзя заставлять его дать это обра-

ование опредѣленнымъ образомъ и опредѣленными учителями. Свобода въ этомъ отношеніи полная, кромѣ свободы невѣжества.

Легальная обязанность ограничивается низшимъ образованіемъ. Его организаціей на всей территоріи могъ бы ограничиться долгъ государства, если бы оно не должно было также заботиться объ удержаніи на высотѣ и даже о повышеніи интеллектуального уровня страны, объ увеличеніи ея производительныхъ способностей, о предоставленіи тѣмъ, кто можетъ ими воспользоваться, элементовъ научнаго прогресса.

Отецъ долженъ дать сыну наилучшее образованіе, чтобы вооружить и вполнѣ подготовить его для жизненной борьбы въ ожидающемъ его родѣ дѣятельности. Государственныя учрежденія дають ему на это средства. Рядомъ съ ними и частныя учрежденія играютъ полезную роль. Они сообразуются съ мѣстными потребностями и съ частными требованіями, которыхъ не можетъ принимать во вниманіе общественное образованіе.

Лицеи и колледжи дають общее среднее образованіе юношѣ, родные котораго обладаютъ достаточными средствами или приносятъ жертвы, чтобы помочь ему стать на ноги въ 16 или 17 лѣтъ къ началу карьеры. Вмѣстѣ съ дипломомъ бакалавра онъ владѣетъ уже тогда довольно обширными литературными и научными познаніями, правда — нѣсколько смутными, но позволяющими ему, по крайней мѣрѣ, изучить что либо серьезно, если у него есть къ тому вкусъ и потребность.

Сказать, что нынѣшнія программы оффиціального средняго образованія вполнѣ соответствуетъ своей цѣли умственной формации молодого человѣка было бы преувеличеніемъ. Это смѣсь своего рода компромиссъ между классическимъ образованіемъ стараго университета и современнымъ. Двадцать разъ передѣланныя и дополненныя, эти программы носятъ слѣды колебаній и неувѣренности, съ которыми онѣ вырабатывались. По революцѣ кажется, что характеръ ихъ только преходящій. Послѣ урока лѣтъ послѣдовательныхъ опытовъ формула современнаго идея еще, повидимому, не найдена. Нужно надѣяться, что ее долго прійдется ждать.

Несмотря на недостатки своей программы, государственное среднее образование подготавливает юношу къ болѣе высокимъ и серьезнымъ наукамъ, за которыя ему придется приняться впоследствии. Само по себѣ, оно ничего не заканчиваетъ. Послѣ него нужно приобрести еще инья познанія, либо научныя, либо практическія, ввиду предстоящей специальности.

Поэтому, это среднее образование не должно быть единственнымъ доступнымъ для учениковъ, окончившихъ низшую школу. Семьи, обладающія лишь скромными средствами, не смогутъ продолжать ученіе дольше юношескаго возраста. Обладаніе дипломомъ бакалавра не дастъ имъ средства жизни. Добившись его, можно сказать, что важный этапъ пройденъ, но цѣль не достигнута.

Вотъ почему для торопящихся начать жизнь и приняться за производительную работу, кромѣ школъ, въ которыхъ дается лишь классическое образованіе, нужны всякаго рода промышленныя, коммерческія и земледѣльческія, для юношей отъ 13-и до 16-и или 18-и лѣтъ. Такія школы отвѣчали бы частнымъ потребностямъ семействъ и общимъ нуждамъ страны.

Если, согласно извѣстному изрѣченію, не нужно, чтобы Франція стала страной «старшихъ рабочихъ» (контрометры), необходимо все же, чтобы мы не пренебрегали образованіемъ квалифицированныхъ рабочихъ, составляющихъ низшіе кадры промышленности, среди которыхъ набираются и большинство высшихъ кадровъ и, быть можетъ, лучшіе и самые предприимчивые начальники. Если ужъ нужно было бы выбирать, то пожалуй лучше быть народомъ контрометровъ, чѣмъ ученыхъ болтуновъ.

Къ счастью, дѣло обстоитъ иначе, и можно бороться съ говорунами, нисколько не понижая интеллектуальнаго уровня страны; можно давать большинству юношей необходимое имъ практическое образованіе, не пренебрегая при этомъ образованіемъ теоретическимъ для тѣхъ, кого семья можетъ дольше содержать и для тѣхъ, чьи выдающіяся способности заслуживаютъ воспитанія за счетъ общества, города, департамента или государства.

Широкое распространение профессиональнаго образования, даже отчасти замѣняющаго классическое, абсолютно ничѣмъ не мѣшаетъ сильной организаціи высшей культуры университетовъ и научныхъ учреждений.

И дѣйствительно, среднее образование само по себѣ не достаточно; оно лишь подготавливаетъ къ высшему образованию. Получившіе его юноши въ состояніи подготавливаться къ такъ называемымъ либеральнымъ профессіямъ, на медицинскомъ и юридическомъ факультетахъ, въ специальныхъ школахъ, изъ которыхъ выходятъ профессора, инженеры, агрономы... Они могутъ также безкорыстно заниматься высшими науками, обогащающими сумму человѣческихъ знаній.

Быть можетъ, именно это высшее образование, хотя имъ и пользуется только избранное юношество, имѣетъ особенныя права на государственныя заботы. Это первое орудіе научнаго прогресса, на которомъ основана современная цивилизація. И если образование это и не имѣетъ въ виду народную массу, то все же именно она, и вся она, въ значительной степени пользуется имъ, хотя и не непосредственно.

«Добро, проистекающее изъ науки, говорилъ Араго, имѣетъ корни болѣе глубокіе, сильныя и развитыя, чѣмъ изъ всякаго другого источника».

Событія ежедневно подтверждаютъ слова великаго ученаго.

Итакъ, для общей пользы, для образования и изысканій, Республика должна давать сильную организацію научнымъ учреждениямъ. Со своей стороны, граждане, которые въ состояніи это дѣлать, должны всѣми силами содѣйствовать созданію и распространенію науки, — своей личной работой, воспитаніемъ своихъ дѣтей, возможными для нихъ денежными жертвами.

Богатые граждане С. А. Соединенныхъ Штатовъ, создавая и обезпечивая средствами университеты, даютъ примѣръ просвѣщеннаго патріотизма, которому можно было бы съ пользой слѣдовать и по сю сторону Атлантическаго океана.

Эти крупныя частныя учрежденія дополняютъ официальныя, возбуждаютъ соревнованіе, какъ между ними, такъ и среди профессоровъ, и тѣмъ содѣйствуютъ совершенствованію и прогрессу. Это своего рода соперничество, отъ котораго всѣ выигрываютъ.

Нужно ли прибавлять, что не только въ высшемъ образованіи частныя учрежденія могутъ имѣть значеніе и приносить пользу? Общественныя школы не могутъ удовлетворять всѣхъ потребностей, но даже если бы и могли, желательно, чтобы у нихъ были конкуренты. Кто является полнымъ хозяиномъ, безъ соревнованія и противовѣса, тотъ легко предается рутинѣ или впадаетъ въ произволь.

Свободная конкуренція всюду необходима; свобода хороша во всѣхъ областяхъ.

А свободное образованіе есть слѣдствіе свободы слова и печати.

Однако, она не можетъ осуществляться безъ гарантіи и контроля, когда дѣло касается воспитанія дѣтей. Она можетъ существовать только для тѣхъ, кто можетъ доказать свои способности и моральныя качества.

Такимъ образомъ, можно и должно регулировать эту свободу въ интересахъ общественной пользы; но ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ она не можетъ быть уничтожена.

ГЛАВА XXII.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ПОМОЩЬ

Взаимныя права и обязанности государства и гражданина, о которыхъ до сихъ поръ говорилось, выражены въ первыхъ двухъ терминахъ республиканскаго девиза: Свобода и Равенство.

Третій терминъ, — Братство, выражаетъ другія права и обязанности.

Раньше всего онъ указываетъ, что между дѣтьми одного народа, гражданами одной страны, существуетъ связь болѣе нѣжная, если не болѣе сильная, чѣмъ общая защита національной территоріи и интересовъ. Связь эта происходитъ изъ долгой исторіи, изъ славы и несчастій предковъ, изъ вѣковой солидарности, соединившей миллионы людей въ одну общую семью.

Каждый французъ — братъ всѣхъ другихъ французовъ. У него есть обязанности по отношенію къ нимъ, они имѣютъ обязанности по отношенію къ нему.

Въ одной семьѣ нужно помогать другъ другу, поддерживать въ тяжелые дни, соглашаться на лишенія, чтобы дать кому нужно необходимое.

Братство требуетъ, чтобы такъ было въ великой французской семьѣ.

Долгъ и индивидуаленъ, и коллективенъ. Каждый обязанъ помогать лично несчастнымъ, которыхъ онъ знаетъ; приносить имъ матеріальную помощь и моральную поддержку своими заботами и добротой. Соціальныя группировки: общины, департаменты и государства, должны помогать въ случаяхъ, когда частная помощь недѣйствительна.

Помощь слабымъ и несчастнымъ есть національный долгъ.

«Общественная помощь есть священный долгъ», заявило Національное собраніе 1789-го года. Въ Конституціи, которая была его завѣщаніемъ, оно повторило:

«Будетъ создано и организовано общее учрежденіе «Общественной помощи» для воспитанія покинутыхъ дѣтей, помощи несчастнымъ калѣкамъ и пріисканія работы для здоровыхъ взрослыхъ людей, не могущихъ найти ее собственными силами».

Наслѣдники составителей конституціи, понявшіе практическое осуществленіе этого учрежденія національной помощи и солидарности слишкомъ узко, сдѣлали гораздо больше зла, чѣмъ добра. Они сочли желательнымъ вызвать исчезновеніе частной благотворительности, особыхъ и мѣстныхъ организацій помощи, а сами оказались не въ состояніи организовать и снабдить средствами общее благотворительное учрежденіе, какъ его понимали составители Конституціи. Въ странѣ образовалась страшная нищета, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ ужасныя катастрофы, въ которыхъ несчастные погибали въ большомъ числѣ.

Память объ этомъ достаточна, чтобы охранить насъ нынѣ отъ подобной ошибки.

Общественная помощь появляется лишь когда семьи не существуетъ или она не въ состояніи выполнить свои обязанности и когда частная помощь и учрежденія также безсильны; наконецъ, когда нарождающееся социальное страхование еще не можетъ быть примѣнено или оказывается неэффективнымъ.

Такимъ образомъ, долгъ челоуѣка остается полностью: долгъ по отношенію къ роднымъ, по отношенію къ себѣ подобнымъ. Онъ долженъ помогать нуждающимся членамъ своей семьи, а затѣмъ, поскольку позволяютъ средства, людямъ, которыхъ онъ знаетъ и которыхъ смерть близкихъ, болѣзнь или инвалидность сдѣлали неспособными справляться съ жизненными нуждами.

И послѣ этого, какъ бы тщательно большое число гражданъ ни выполняло своего долга щедрости, на долю общественной помощи падаетъ еще большая и тяжелая задача. Зада-

ча эта даже слишком велика и трудна, чтобы ее могло выполнить одно единственное государственное учреждение, какъ рѣшили это въ теоріи революціонные дѣятели.

Отъ государства должны исходить и имѣть національный характеръ общіе принципы помощи, обязанности общества по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ и предписываемыя закономъ общія правила.

Организація и практическое осуществленіе могутъ быть только мѣстными.

Принципъ, доминирующій въ общественной помощи, какъ и въ частной благотворительности, это — братство между людьми и національная солидарность. Она требуетъ, чтобы не только каждый въ отдѣльности, но и община, департаментъ и даже весь народъ, коллективно, помогали падающимъ подъ бременемъ жизни, сиротѣ и покинутому, больному и нуждающемуся, бѣдному безъ работы, инвалиду и старику; неспособнымъ вообще самимъ пропитать себя.

Помощь этимъ обездоленнымъ или побѣжденнымъ въ жизни, — одновременно долгъ и гражданина, и Республики.

Отсюда законы, обязывающіе къ помощи — не частныхъ лицъ, для которыхъ эта обязанность можетъ быть только моральной, — но большіе административные коллективы, общины и департаменты. Законы даютъ имъ общія правила и приносятъ государственную финансовую помощь въ суммѣ обратно пропорціональной ихъ собственнымъ средствамъ.

Такъ, законъ распространилъ свое покровительство на дѣтей, родители которыхъ умерли или порочны, на бѣдныхъ больныхъ, на бесплатную медицинскую помощь, на инвалидовъ и стариковъ, которымъ помогаютъ на дому или устраиваютъ ихъ въ пріютахъ.

Помощь безработнымъ, оставшимся безъ средствъ, достаемая частными обществами и коммунальными благотворительными учрежденіями, недостаточна и еще не вполне организована. Дѣло въ томъ, что вопросъ этотъ чрезвычайно сложенъ,

и здѣсь особенно надо опасаться причинить зло, желая дѣлать добро. Нужно помогать въ несчастіѣ, но надо во что бы то ни стало избѣгать поощренія лѣни.

Трудъ необходимъ и здоровъ. Работать есть законъ чело-вѣческой и законъ социальный. Безъ острой нужды сколько людей нарушало бы этотъ законъ.

Нужно остерегаться, чтобы рабочіе не были предоставлены праздности, стали бы, такимъ образомъ, бесполезными и, быть можетъ, вредными. Лѣнь порождаетъ порокъ и часто толкаетъ на преступленіе. Плохо раздаваемая помощь можетъ привести къ печальнымъ результатамъ и сдѣлать изъ честныхъ рабочихъ нищихъ или преступниковъ.

Вотъ почему помощь при невольной безработицѣ должна даваться съ осторожностью и съ полнымъ знаніемъ среды и людей. Слѣдовательно, она должна носить чисто мѣстный характеръ.

Хотя другіе виды помощи не представляютъ столь же очевидной опасности, они требуютъ, однако, знанія людей и обстоятельствъ, большой осторожности и бережливаго отношенія къ имѣющимся средствамъ.

Въ этомъ главная причина мѣстной организациі помощи, при средствахъ, тоже, хотя бы частично, мѣстнаго происхожденія.

Что касается функціонированія, то строгая организациа государственнаго учрежденія, не обладая достаточной гибкостью, затрудняла бы приноравливаніе къ мѣстнымъ нравамъ и социальнымъ условіямъ, использование мѣстныхъ благотворительныхъ учреждений, безъ которыхъ нельзя обойтись.

Что касается средствъ, то если бы они исходили исключительно отъ государства, если бы распредѣляющія ихъ лица не должны были заботиться о ихъ сборѣ и бережливомъ къ нимъ отношеніи, — царили бы расточительность и непроизводительность. Помощь шла бы не только на истинныя нужды, на облегченіе глубокихъ и незаслуженныхъ несчастій, гдѣ она можетъ сдѣлать добро, но и къ тѣмъ, кто въ своемъ мужествѣ и энергіи могли бы найти средства преодолѣть временныя затруд-

ненія и ослабляла бы, такимъ образомъ, у рабочихъ чувство отвѣтственности и собственнаго достоинства.

Помощь должна оказываться такъ, чтобы прибѣгающій къ ней не испытывалъ униженія.

Но много выше съ моральной точки зрѣнія имѣть достаточно гордости, чтобы никогда не протягивать руки и ничего не просить ни отъ общественной помощи, ни отъ кого другого. Человѣкъ бѣдный, но умѣющій регулировать свою жизнь и думать о будущемъ, можетъ сдѣлать такъ, чтобы не опасаться необходимости прибѣгнуть къ этой тяжелой крайности, за исключеніемъ непредвидѣнной катастрофы.

Общества взаимопомощи и страховыя кассы научаютъ элементарной солидарности знающихъ другъ друга людей, благодаря чему они легко осваиваются и съ солидарностью національной. Практически они служатъ тому, чтобы охранить отъ нужды въ серьезныхъ несчастныхъ случаяхъ жизни. Можно только посоветовать рабочимъ, жизнь которыхъ скромна и необеспечена, основывать такого рода «взаимныя» группировки. Благодаря имъ они обезпечаютъ себя и свое достоинство свободныхъ людей.

И государство и частныя лица должны поощрять и помогать имъ. И сами лица, по положенію своему и имуществу стоящія внѣ риска, для котораго создаются эти взаимныя общества, должны принимать въ нихъ участіе вмѣстѣ съ другими согражданами, дабы дать такимъ образомъ легкое, но необходимое доказательство своихъ братскихъ чувствъ и духа солидарности.

Развитіе такихъ учрежденій нужно и полезно.

Кромѣ матеріальной помощи, они даютъ и моральные результаты первостепенной важности. Они приучаютъ демократію къ тому, что все добывается усиленіемъ, инициативой и дисциплиной. Они даютъ людямъ прекрасный девизъ: Будемъ любить и помогать другъ другу. Они служатъ человѣчеству и націи.

Мы должны быть имъ за это благодарны.

IV.

РОДИНА

ГЛАВА XXIII.

ПАТРИОТИЗМЪ

Первый и главный долгъ человѣка и гражданина въ томъ, чтобы любить, почитать свою Родину и служить ей.

Это властный долгъ для француза нашего вѣка, наследника долгаго и славнаго прошлаго, передъ смутнымъ настоящимъ и неизвѣстнымъ будущимъ:

Въ критическій часъ національной жизни, къ которому мы пришли, патриотизмъ есть главное качество.

Кто не проникнуть имъ до мозга костей, до самой глубины мысли и сердца, тотъ плохой гражданинъ, недостойный сынъ великаго народа, изъ котораго онъ произошелъ.

До какой степени должны были софисты затуманить самыя ясныя истины, осложнить самыя простые вопросы, чтобы стало необходимо настаивать на патриотическомъ долгѣ, на пламенной, страстной и ревливой любви, которую мы должны Франціи! Это все равно, что доказывать существованіе свѣта, пользу воздуха, которымъ мы дышимъ.

Развѣ глубокое чувство человѣка не диктуеть ему, даже раньше, чѣмъ на то указываетъ мозгъ, привязанность къ своей странѣ?

Вначалѣ онъ любитъ ее просто, потому что любить, не зная за что. Это врожденно, инстинтивно, какъ все, что дается природой, какъ вся сущность вещей.

Чѣмъ выше и великодушнѣе душа, тѣмъ болѣе велика любовь къ Родинѣ.

Чувство захватило насъ полностью, даже прежде, чѣмъ мы могли объ этомъ подумать.

Родина!

Нѣжнѣйшее и въ то же время величайшее слово, раздающееся въ нашихъ ухахъ. Оно поетъ намъ о любви, преданности, самопожертвованіи, силѣ и славѣ.

Все, что есть въ сердцѣ человѣка прекраснаго и возвышеннаго заключено въ идеѣ Родины.

Нѣтъ другого понятія, столь полнаго и столь совершенно прекраснаго. Оно содержитъ въ себѣ все, что мы видѣли уже въ семейномъ чувствѣ и еще нѣчто большее, такъ какъ въ немъ, вмѣстѣ съ семьей, заключается народъ и его исторія, его сила и престижъ.

Слово «Родина» звучитъ всегда прекрасно; но въ нѣкоторые часы и въ извѣстныхъ мѣстахъ, оно трогаетъ до слезъ.

Родина!

Это все, что намъ принадлежитъ, что насъ окружаетъ, что мы любимъ; въ ней наша личная, семейная и социальная жизнь, съ которой мы такъ тѣсно связаны. Это воздухъ и земля, наслѣдіе наше и нашихъ предковъ; голубое небо надъ головой и плодородная почва подъ ногами.

Это благословенная земля, окруженная четырьмя морями, обильно орошенная рѣками, гдѣ климатъ умѣренъ, гдѣ природа милостива и нѣжна, какъ нигдѣ больше.

Это страна, гдѣ живутъ люди одной съ нами расы, говорящіе на нашемъ языкѣ, гордые и независимые, съ одинаковыми правами и обязанностями, подчиненные только законамъ, или же созданнымъ и не принимающимъ никакихъ другихъ.

Это смѣлый народъ, къ которому мы принадлежимъ, доказавшій вѣками свой умъ и силу, больше всѣхъ другихъ, быть можетъ, поработавшій на благо человечества, отмѣтившій землю своей печатью.

Это наша былая слава; это наша нынѣшняя независимость; это наша вѣра въ великое будущее.

Родина! Это Франція, нѣжная, могучая и великодушная Франція!

Это общая мать всѣхъ французовъ.

Это мать наша, и какъ мать должны мы ее любить.

Ей принадлежимъ мы раньше, чѣмъ нашимъ роднымъ, ибо отъ нея получили и они жизнь.

Въ нашей преданности она должна стоять впереди ихъ.

впереди самыхъ дорогихъ намъ существъ; она выше всѣхъ и всего.

У насъ тысячи причинъ любить ее, моральныхъ и материальныхъ, но лишь одна изъ нихъ дѣйствительна: это та, что она Франція, и мы французы; она наша мать, и мы ея дѣти.

Излишне перечислять ея красоты, великодушіе и славу: ея заслуги ничего не прибавляютъ къ нашему долгу любить ее.

Развѣ вы любите вашу мать потому, что она красива, изящна, эlegantна, потому что у нея есть тѣ или иныя качества? Вы любите ее, потому что она ваша мать, и этого достаточно. Вы ни съ кѣмъ ея не сравниваете.

Въ 1870-мъ году, когда война была въ полномъ разгарѣ, когда германскія войска вторглись на нашу территорію, Викторъ Гюго провелъ параллель, которую назвалъ: «Выборъ между двумя народами».

Поэтъ говоритъ въ своихъ стихахъ о Германіи все, что онъ думаетъ о ней хорошаго: онъ прославляетъ ея философію, литературу... Потомъ онъ оборачивается къ Франціи, и бросаетъ ей лишь одно слово, одинъ крикъ: «О, мать моя!» Выборъ сдѣланъ или, вѣрнѣе, не можетъ быть выбора, нельзя допустить никакого сравненія. Одинъ изъ народовъ представляетъ собою нѣчто, что можно разсматривать, хвалить или критиковать. Другой — это Родина, мать, которую безъ святотатства нельзя сравнивать ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ. Она имѣетъ право на любовь, почетъ, преданность и даже жизнь своихъ дѣтей.

Человѣкъ становится патриотомъ такъ же просто, какъ хорошимъ сыномъ. Лучшій и величайшій тотъ, кто лучше всего любить.

«Какъ Родина мила для всѣхъ великодушныхъ!»

Есть низкія души, въ которыя не проникаетъ патриотизмъ, какъ существуютъ люди, не любящіе своихъ родителей.

Любовь налагаетъ обязанности, и тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ Родинѣ серьезнѣе и важнѣе всѣхъ лежащихъ на гражданинѣ. Тайное или явное желаніе освободиться отъ нихъ порождаетъ уродливое чувство анти - патриотизма.

Человѣка долга это чувство не можетъ даже коснуться. Всякій прозорливый умъ различитъ его безуміе и вредъ.

Долгъ къ Родинѣ стоитъ выше всѣхъ остальныхъ и явля-

ется полнымъ хозяиномъ. Это долгъ сохраненія расы, безъ котораго не можетъ существовать ни семья, ни отдѣльная личность. Ничто не превышаетъ его, ничто не можетъ съ нимъ сравниться. Когда является онъ, — все остальное исчезаетъ.

Долгъ любви имѣетъ послѣдствіемъ долгъ служить.

Должно любить свою Родину; должно защищать ее; должно отдавать на службу ея интересамъ свою преданность, энергію, мужество.

Монтескье говоритъ, что въ демократіи единственное самолюбіе выражается въ желаніи, въ счастіи служить своей Родинѣ лучше всѣхъ другихъ гражданъ. «При рожденіи, добавляетъ онъ, дѣлаешь ей огромный долгъ, который никогда не оплачивается вполнѣ».

Именно этотъ долгъ надо стараться уплатить усиліями всей своей жизни въ мирное время, а если пробилъ часъ войны — смѣлой и рѣшительной борьбой вплоть до самой смерти.

Слова стараго Горація приложимы къ каждому гражданину:

«Всю кровь свою онъ долженъ родинѣ».

Перечитывайте, молодые люди, безъ устали, великолѣпную трагедію Корнеля; вдохновляйтесь проникающимъ ее пламеннымъ патріотизмомъ, воодушевлявшимъ римлянъ и сдѣлавшимъ изъ нихъ великій народъ. Каждый изъ бессмертныхъ героевъ поэта можетъ служить примѣромъ и вызывать въ насъ восхищеніе: Горацій, хотя языкъ его и дѣла суровы; Куріацій, нѣжный и смѣлый возлюбленный Камиллы, оплакивающій свое утерянное счастье, но идущій, куда зовутъ его долгъ и смерть; старый Горацій, прекрасный и великій, римлянинъ прежде всего, но и нѣжный отецъ, преданный чести и славѣ. Эти трое мужей говорятъ въ несравненныхъ стихахъ, ставшихъ пословицами, о долгѣ передъ родиной.

Они говорятъ, что все должно смолкнуть, когда повелѣваетъ Родина, что ничто не существуетъ для гражданина, когда она въ опасности.

Когда она требуетъ защиты, когда нужно защищать національную честь и интересы, нужно бросить все: свои личные интересы, семью, любовь и дружбу. Долгъ передъ Родиной превосходитъ тогда и стираетъ всѣ остальные обязанности.

Отдать нашу жизнь, принести ее въ жертву просто и весело — не трудно. Наши предки пѣли сто лѣтъ тому назадъ: «Умереть за Родину — прекраснѣйшая участь»... Мы всѣ знаемъ, что рано или поздно умремъ, а случаи умереть хорошо такъ рѣдки, что, въ самомъ дѣлѣ, легко рисковать жизнью на полѣ сраженія, когда на ставку поставлены величіе и самое существованіе Родины.

Много тяжелѣе жертва въ тотъ день, когда сыновья наши заступаютъ наше мѣсто, когда отдавать приходится не нашу собственную, а ихъ кровь.

Но что же? Это долгъ и спасеніе; нужно склониться безъ жалобъ, безъ слезъ. Лишь женщины имѣютъ право плакать. Патриотизмъ ихъ не можетъ имѣть той же силы, что у насъ; онъ не можетъ побѣдить чувства матери и жены.

Для мужчины, для хорошаго гражданина, любовь къ Родинѣ и чувство долга передъ нею должны быть такъ сильны, что самыя тяжелыя жертвы становятся легкими и естественными. Нашихъ любимыхъ дѣтей, связанныхъ съ нами всѣми фибрами души, мы посылаемъ въ бой и на смерть, если это необходимо для побѣды. Мы смотримъ, какъ они уходятъ, счастливы ихъ мужествомъ, горды ими, и немного завидуемъ ихъ участи, если возрастъ не позволяетъ намъ занять мѣсто рядомъ съ ними.

Умереть за родину, отдать жизнь своихъ дѣтей, таковъ долгъ въ тяжкіе, иногда трагическіе часы, когда разгорается война.

Въ нормальное время долгъ требуетъ менѣе высокой доблести и менѣе жестокихъ жертвъ. Но доблесть должна быть постоянной и жертвы безпрестанными.

Гражданинъ долженъ неустанно заботиться о благѣ Родины и склонять передъ нимъ собственные интересы, честолюбіе, самыя законныя чувства. Если онъ принадлежитъ къ какой либо политической партіи, онъ сумѣетъ побороть убѣжденія товарищей, отвергнуть приказы и освободиться отъ дисциплины, когда отъ нихъ можетъ пострадать Родина.

Какъ Гамбетта, несмотря на то, что онъ страстно увлекался политической борьбой, онъ будетъ «раньше всего патриотомъ».

Чтобы слѣдовать принципамъ моральнаго закона и своей совѣсти, молодой человекъ, пожелавшій быть активнымъ, мужественнымъ и предприимчивымъ, захочетъ быть такимъ въ интересахъ своей Родины. Зная, что народъ занимаетъ мѣсто въ великой человѣческой общинѣ лишь сообразно своей энергiи, продуктивной работѣ и развитiю ея, онъ будетъ стараться принести ему своими постоянными усилями элементы благоденствiя и силы.

То, что совѣтуетъ личный интересъ, то повелѣваетъ и долгъ къ Родинѣ.

— Работайте и производите, молодые люди! Вашъ трудъ принесетъ пользу вамъ самимъ и вашей семьѣ; онъ необходимъ Франціи.

Взгляните на окружающіе ее народы: какъ растутъ ихъ силы и на какое мѣсто низведутъ они насъ, если мы будемъ продолжать стоять на одномъ мѣстѣ; судите сами, чего требуетъ отъ васъ патріотизмъ.

Онъ желаетъ, чтобы въ трудѣ вы проявили то же мужество, которое покажете на полѣ сраженія, чтобы вы были энергичны во всемъ, со смѣлостью и упорствомъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, чтобы активность ваша была неутомима, безъ передышки и малодушія, до финальнаго успѣха, до смерти.

Мужество и духъ инициативы гражданъ дадутъ странѣ силу и богатство.

Отъ нихъ зависитъ ея величіе. Зависитъ оно и отъ ихъ заботы о ея интересахъ и правахъ, отъ ихъ рѣшимости защищать ихъ.

Матеріальная сила націи недостаточна для охраны ея независимости: она не позволила бы ей играть никакой роли среди другихъ народовъ, если - бы національный характеръ не былъ твердо закаленъ. Какъ бы ни были вы миролюбивы, нужно быть готовымъ пустить въ дѣло оружіе, когда честь подъ угрозой. Достаточно, чтобы другіе въ этомъ были увѣрены, чтобы вы внушали уваженіе. Безопасность, и даже превосходство, не всегда принадлежать сильнѣйшимъ: они удѣлъ самыхъ рѣшительныхъ.

— Юноша, читающій меня, принеси въ общественную жизнь, въ твою жизнь гражданина качества, нужныя тебѣ въ частной и семейной жизни; проникнись главной гражданской доблестью: люби свою Родину; работай на ея внутреннее благоденствіе, на ея величіе и славу во внѣшнемъ мірѣ.

Отдай ей свой мозгъ и сердце, свою дѣятельность и трудъ; отдай ей, если это нужно, свою кровь до послѣдней капли на сохраненіе ея существованія, на защиту ея интересовъ и чести.

ГЛАВА XXIV.

СОФИСТЫ

Любовь къ Родинѣ и долгъ гражданина стоятъ выше споровъ.

Это аксіомы, на которыхъ покоится національная жизнь, какъ личная и социальная жизнь покоятся на обязанностяхъ человѣка по отношенію къ семьѣ и къ другимъ людямъ.

Нельзя возбуждать споръ о священныхъ принципахъ, не распатывая въ то же время до основаній самую цивилизацію. Нужно пламенно вѣрить въ нихъ и не позволять прикасаться къ нимъ.

Вѣра въ Родину есть условіе существованія народа.

Чѣмъ глубже и живѣе она, тѣмъ выше народъ.

Кто не любитъ страстной любовью Родину, все, что она представляетъ высокаго и прекраснаго, прошлое своихъ предковъ, будущее своихъ дѣтей, силу своего народа, тотъ идетъ по наклонной плоскости къ упадку и приближается къ концу.

Родину и священную идею о ней оспаривали только народы во власти моральной анархіи и на пути къ гибели подъ гнетомъ своихъ ошибокъ.

Греческія республики время упадка, разложившійся и развратившійся Римъ породили софистовъ, утверждавшихъ, что нѣтъ больше родины и что нужно думать только о томъ, чтобы пріятно жить. Они повергли Грецію и Римъ къ гибели, жестокой и унижительной, подъ иностраннымъ владычествомъ и въ злобномъ разрушеніи варварскаго нашествія.

У современныхъ народовъ, особенно, увы, у Франціи, есть сегодня свои софисты. Они проповѣдуютъ космополитизмъ, который, если не обратить на него вниманіе, разрушилъ бы и патріотизмъ, и самую Родину.

Если слушать ихъ, — мы погибли.

Внутреннее разложеніе или вторженіе враговъ, быть мо-

жесть, и то и другое, положили бы конецъ нашему національному существованію.

Славный народъ, недостойными дѣтми котораго мы бы оказались, погибъ бы въ безчестіи.

Нѣтъ, нѣтъ! Этого не можетъ быть, этого не будетъ.

У насъ слишкомъ ясный умъ, слишкомъ много крови въ жилахъ, чтобы не защититься противъ всего, что намъ угрожаетъ, что силится насъ разрушить!

Враги патріотизма и враги Родины столкнутся съ народомъ, не желающимъ умирать, оставшимся прозорливымъ и сильнымъ.

Въ народѣ Іоанны д - Аркъ патріотизмъ есть качество неотъемлемое.

Онъ всегда одинаковъ, всегда равенъ самому себѣ. Ибо идея и чувство Родины не измѣняются, не эволюционируютъ, несмотря ни на какія утвержденія. Патріотизмъ сегодня тотъ же, чѣмъ онъ былъ въ Афинахъ, во времена величія Рима, чѣмъ онъ былъ въ Галліи Вердингеторикса. Возникли другія родины, но чувства любви и преданности къ нимъ ни въ чемъ не измѣнились.

Несправедливо приговоренный къ смерти грекъ Фокіонъ, передъ принятіемъ яда, говорилъ своему сыну:

«Я настаиваю, чтобы ты служилъ своей Родинѣ со всѣмъ усердіемъ и вѣрностью своей души, и особенно, чтобы ты забылъ, что цѣною моихъ услугъ была несправедливая смерть».

Это внушеніе патріота. Оно прекрасно во всѣ времена и для всѣхъ странъ.

Если актъ консула Брута, умертвившаго своихъ сыновей за заговоръ противъ Рима, кажется намъ въ то же время геройскимъ и дикимъ, невозможнымъ въ настоящее время, то это потому, что нравы стали мягче, что измѣнились моральныя и легальныя права главы семейства; но чувство патріотизма не менѣе сильно и порицаніе предателей не менѣе велико.

То, что могло бы ослабить французскій патріотизмъ: эгоизмъ отъ слишкомъ легкой жизни у однихъ и вѣра въ софизмы у другихъ, — нанесло вредъ еще только въ отдѣльныхъ случаяхъ. Масса народа еще не затронута.

Новая кампанія, предпринятая противъ Родины во имя человѣчества, не можетъ имѣть большаго успѣха.

Это тотъ же вѣчный софизмъ анти - патріотовъ, возвращающійся въ едва омоложенной формѣ.

Что понимаютъ они подъ человѣчествомъ? Повидимому, это не симпатія къ несчастіямъ другихъ, кто бы они ни были, и которымъ мы хотимъ прійти на помощь. Такъ понимаемая гуманность есть долгъ cadaго человѣка, предписываемый всѣми религіями и всѣми моральями. Онъ вполне согласуется съ долгомъ передъ Родиной.

Для нашихъ резонеровъ слово «человѣчество» обозначаетъ совокупность живущихъ на землѣ людей, иначе говоря, весь родъ людской.

Какимъ образомъ любовь къ человѣческому роду можетъ быть противопоставлена любви къ Родинѣ?

Скажите, что нужно любить всѣхъ людей, и никто не будетъ съ вами спорить.

Но говорить, что преданность нашей странѣ, долгъ служить ей, защищать ее и жертвовать для нея нашей жизнью, все это не имѣетъ больше смысла, потому что мы граждане вселенной, — это означаетъ совсѣмъ иное и принимаетъ слишкомъ ясное значеніе. Это значить покрывать двусмысленнымъ и соблазнительнымъ аргументомъ уклоненіе отъ главнѣйшаго гражданскаго долга.

Это все равно, что внушать ребенку, что, если онъ долженъ любить всѣхъ жителей своей деревни или города и всѣхъ обитателей земли, то онъ повтому не долженъ особенно любить свою мать, поддерживать и защищать ее, если нужно, отъ всего и отъ всѣхъ; что его легкія и смутныя обязанности по отношенію къ ближнимъ достаточны и что у него нѣтъ болѣе тѣсныхъ въ отношеніи къ семьѣ. Это все равно, что внушать человѣку, что онъ не долженъ любить свою жену больше другихъ женщинъ, своихъ дѣтей болѣе, чѣмъ чужихъ, и что у него нѣтъ особенныхъ обязанностей къ своимъ, иначе говоря, что онъ никому и ничего не долженъ.

Именно къ этому клонить анти - патріотизмъ, къ отрицанію національнаго долга и, какъ слѣдствіе, къ отрицанію всякаго долга.

Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, можетъ обязывать любовь къ человѣческому роду? Она требуетъ отъ насъ общей чувствительности, которая у всѣхъ насъ имѣется. Но, ввиду того, что человечество не представляетъ собою организованнаго существа, лица, по отношенію къ которому можно было бы выполнять точно установленныя обязанности, и требующаго жертвъ, гражданинъ вселенной ни передъ кѣмъ, ни въ чемъ не обязанъ и эгоизмъ его можетъ расцвѣтать совершенно свободно.

Онъ достойное дитя трусости.

Хотятъ ли того или нѣтъ и каковы бы ни были исповѣдующіе ее люди, теорія анти - патріотизма — въ дѣйствительности, теорія человѣческой трусости.

Люди безъ долга не представляли бы больше народа. Это было бы огромное стадо, руководимое худшими животными инстинктами.

Цивилизація не можетъ жить безъ идеи о долгѣ, безъ великодушнаго чувства любви къ Родинѣ.

Президентъ великой С. Американской республики Соединенныхъ Штатовъ, г. Рузвельтъ, написалъ по поводу анти - патріотическихъ теорій страницы, отражающія его ясный и сильный здравый смыслъ и острую иронию, съ которыми стоитъ ознакомиться молодымъ французамъ. Могу процитировать здѣсь только отрывокъ:

«Нѣкоторое число людей, пишетъ г. Рузвельтъ, любятъ отрицать патріотизмъ, какъ качество эгоистическое, и пытаются всѣми своими жалкими усиліями водрузить на его мѣсто какой то космополитизмъ, смѣсь воды съ молокомъ.

«Эти милые люди никогда не являются людьми съ характеромъ и съ выдающейся личностью, и теорія ихъ не заслуживаетъ уваженія.

«Нѣкоторые реформаторы могутъ утверждать, что въ отдаленномъ будущемъ патріотизмъ, какъ и обычай единобрачія, станетъ излишнимъ анахронизмомъ. Но въ настоящее время человѣкъ, любящій другія страны наравнѣ съ своей собственной, такой же вредный членъ общества, какъ любящій другихъ женщинъ такъ же, какъ свою жену.

«Любовь къ Родинѣ есть качество элементарное, какъ любовь къ семьѣ, какъ честность и мужество.

«Ни одно государство ничего не совершить въ мірѣ вообще, если оно не возвеличится само.

«Полезный членъ общества раньше всего внимательно относится къ своимъ собственнымъ правамъ и обязанностямъ и, такимъ образомъ, оказывается болѣе способнымъ принять участіе во всеобщихъ обязанностяхъ. Полезнѣйшій членъ совокупности націй тотъ, кто болѣе всего проникнуть національной идеей»:

Прекрасный урокъ, даваемый Рузвельтомъ гражданамъ всѣхъ странъ, долженъ быть особенно услышанъ французами.

Другимъ приходится бороться лишь за величіе своей родины, тогда какъ имъ надо защищать самое существованіе ея.

Они имѣютъ право сказать нападающимъ на патріотизмъ въ этотъ тяжкій часъ національнаго существованія:

«Если вы не любите вашей Родины, если вы не готовы служить ей всѣми своими силами, защищать ее, ея права, интересы и честь всѣмъ вашимъ мужествомъ и всей вашей кровью, если вы не готовы взять въ руки оружіе по первому вызову, безъ споровъ, разсужденій и колебаній, — Бога ради, уходите: идите искать себѣ другую родину, которая наложитъ на васъ меньше обязанностей, такой уголъ земли, гдѣ вы сможете жить безъ долга.

«Здѣсь патріотическій долгъ повелителенъ.

«Отрицающіе это или уклоняющіеся отъ него — враги общества».

ГЛАВА XXV.

ФРАНЦІЯ

«Царица міра, Франція, о Родина моя» —
пѣлъ Беранже три четверти вѣка тому назадъ.

Этотъ возгласъ, этотъ крикъ любви и вѣры приходитъ на уста, когда произносишь прекрасное и дорогое имя Франціи.

Любить свою Родину, служить ей и почитать ее— долгъ каждаго человѣка. Но какъ легкокъ для насъ этотъ долгъ; какъ мало заслуги быть патріотами для насъ, французовъ, Родина коихъ такъ прекрасна, велика и славна.

Сколько причинъ у насъ любить ее въ часы, когда она особенно нуждается въ своихъ сыновьяхъ, когда войны, даже побѣда, оставляютъ ее матеріально ослабленной, когда требуется усиліе, чтобы вернуть ей ея мѣсто среди народовъ.

Какъ могутъ французы не любить пламенно Франціи, когда иностранецъ Джефферсонъ могъ сказать, и почти всѣ готовы повторить: «У всякаго человѣка двѣ родины: страна, въ которой онъ родился и Франція».

Въ какой странѣ такъ хорошо жить? Гдѣ видишь соединенными, какъ на ея территоріи, богатство и красоту?

Природа соперничала съ людьми, чтобы украсить ее, сдѣлать прекрасной и гостепріимной.

Франція соединяетъ все, что на землѣ стоитъ видѣть: величественныя высоты, грандіозныя цѣпи горъ, дикія, живописныя или нѣжно - граціозныя; богатыя и плодородныя поля, безконечныя сады, созданныя вѣковыми трудами; прелестныя, улыбающіяся долины; извилистыя, источенныя морями берега или, наоборотъ, широко раскинутыя, гдѣ безконечныя лініи ихъ сливаются съ безконечностью океана; многочисленныя и прекрасныя города, иногда центры движенія и дѣятельности, но всегда пріятныя и гостепріимныя, гдѣ каждый вѣкъ оставилъ

свою печать, гдѣ каждое поколѣніе оставило память своего искусства.

Территориальное единство Франці весьма многообразно. Сколько различныхъ пейзажей, такъ непохожихъ другъ на друга, между Альпами и Сѣвернымъ моремъ, между Пиренеями и Вогезами! Тутъ — горячее солнце, легкая жизнь; тамъ — суровый климатъ, борьба за жизнь, ежедневная, ежечасная, но закаляющая человѣка, дающая ему благоденствіе, власть надъ силами природы.

И эти разнообразныя области составляютъ Францію, поистинѣ «единую и недѣлимую». Этотъ духъ всѣхъ старыхъ провинцій творить французскій геній. Это интимная, гармоническая смѣсь и какъ - бы произведеніе провансальскаго духа, гасконскаго, бретонскаго, пикардійскаго, фламандскаго... и эльзасскаго.

Эта, болѣе всякой другой, благословенная богами земля всегда привлекала и соблазняла народы. Наши предки только потому сохранили ее намъ, что были сильны и смѣлы. Внушая страхъ, добились они уваженія.

Послѣ паденія Римской имперіи и послѣдовавшаго за нимъ длительнаго періода насилій и смуть, Франція, одна изъ первыхъ европейскихъ націй, организовалась, исполнилась сознаниемъ своего единства, начала новую цивилизацію, все еще съ суровыми и грубыми нравами, съ законами, приноровленными къ социальному состоянію, родившемуся подъ владычествомъ иностранныхъ варваровъ, безжалостныхъ къ побѣжденнымъ. Но въ черномъ хаосѣ первыхъ вѣковъ показались проблески интеллектуальности и справедливости, память о которыхъ сохранилась. Затѣмъ прогрессъ сталъ подвигаться съ Карломъ Великимъ, потомъ съ Филлипомъ - Августомъ, Людовикомъ Святымъ, Людовикомъ XI и другими. Возобновились литература и философія. Родилось новое искусство, не происходившее отъ древняго, но имѣвшее свою грацію и красоту; оно развилось и достигло высшей красоты и величественности.

Замки, вѣрности и церкви, выросшіе на нашей землѣ начиная съ IX-го вѣка и изъ которыхъ многіе сумѣли противостать разрушенію времени, природы и людей, свидѣтельству-

ють о могуществѣ Франці уже въ эти отдаленныя времена. Народъ, сумѣвшій возвести и оставить будущимъ поколѣніямъ такіе памятники, громко говоритъ о своемъ вкусѣ, силѣ и мужествѣ. Властители и крестьяне, свѣтскіе и духовные, артисты и ремесленники — всѣ поработали надъ этимъ. Это слѣды огромнаго труда цѣлой націи.

Это дворянскія грамоты нашего народа.

Короли, властелины и солдаты много сражались между собою и съ внѣшними врагами. И въ этихъ постоянныхъ конвульсіяхъ зародилось французское единство.

Столѣтняя война, видѣвшая столько горя и разгромовъ, послужила, по крайней мѣрѣ, тому, что дала всѣмъ національное чувство. Молодая лотарингская крестьянка, Іоанна д-Аркъ, свѣтлая память о которой озаряетъ всю нашу исторію, создала французскій патріотизмъ. Она вызвала его изъ народа, изъ труженниковъ земли, которыхъ разоряли и мучали и дружественныя и вражескія арміи и партіи, но которые все же сознавали и глубоко чувствовали существованіе и интересы своего народа, охраняли живую душу Франці, когда тѣло ея раздиралось на части и казалось смертельно раненнымъ.

Наша страна была основана, когда эпоха Возрожденія принесла Европѣ съ воскресеньемъ древности или, по крайней мѣрѣ, исторгнутаго изъ ея развалинъ призрака, расцвѣтъ искусства и литературы, озарившій землю новымъ свѣтомъ. Франція приняла въ этомъ движеніи широкое участіе, и ея медленное интеллектуальное восхожденіе ускорилося, чтобы, черезъ двѣсти лѣтъ, привести къ несравненному расцвѣту вѣка Людовика XIV.

За этотъ промежутокъ времени она развилась и политически. Учрежденіе общинъ, созывъ національныхъ собраній подъ именемъ Генеральныхъ Штатовъ, энергичная дѣятельность Людовика XI, Генриха IV, Ришелье, Мазарини, — разрушили феодализмъ и принесли новый духъ и новые нравы, болѣе либеральные и гуманые. Зрѣлище, которое представляла Франція XVII вѣка, было поистинѣ великолѣпнымъ, и ничего не было въ Европѣ, что можно было бы съ нимъ сравнить.

Послѣ него началась Революція. Она произошла сначала въ мысляхъ, благодаря философамъ и ученымъ, и могла бы совершиться мирнымъ путемъ въ дѣйствительности, если бы не тяжкія ошибки царствованія Людовика XV-го и не слабость Людовика XVI. Покуда монархія ослабляла полученное ею наслѣдство силы и славы, которое все же было еще достаточно велико, чтобы ничто не угрожало французской независимости, мы распространяли въ мірѣ гегемонію нашихъ идей.

Но событія ускорились...

Наше вмѣшательство, моральная поддержка, золото и кровь Франціи оказали могущественное вліяніе на освобожденіе англійскихъ колоній въ Америкѣ и созданіе великой республики Соединенныхъ Штатовъ.

Созывъ Генеральныхъ Штатовъ въ 1789-мъ году привелъ къ взрыву революціи, которая ослѣпила своимъ свѣтомъ землю и на долго потрясла ее. Благодаря провозглашенію Правъ человека и патриотическому взрыву, отбросившему иностранное вторженіе и продвинувшему наши арміи въ сосѣднія государства, то, что было національной революціей превратилось въ большой европейскій кризисъ, призванный доминировать, въ теченіе долгаго времени, въ исторіи многихъ народовъ. Послѣянные широкой рукой великія идеи всюду возрастаютъ, неся съ собою имя Франціи.

Войны Революціи и необычная эпопея Имперіи дали ей военную славу, какой не обладало ни одно государство со временъ Рима. Нашъ народъ выказалъ на поляхъ сраженія несравненную силу и храбрость. Солдаты Вальми, Маренго и Аустерлица были достойными сынами своихъ предшественниковъ въ Пуатье, Бувинѣ и Деннѣ. Къ именамъ великихъ полководцевъ старой Франціи: Карла - Мартелла, Карла Великаго, Филлипа Августа и Людовика Святого, Генриха IV, Тюренна и Кондэ, прибавились новыя имена Гоша, Марсо, Массены и Наполеона. Многихъ приходится пропустить, но одного послѣдняго достаточно: какое бы зло его чрезмѣрное честолюбіе ни принесло Франціи, нужно признать, что онъ стоитъ на первомъ мѣстѣ въ исторіи міровыхъ завоевателей, наравнѣ съ Александромъ и Цезаремъ.

Пролитая въ теченіе двадцати лѣтъ кровь и печальное

пораженіє въ концѣ не истощили энергіи нашего народа, и онъ занималъ еще значительное мѣсто въ продолженіе ХІХ-го вѣка.

Чѣмъ былъ онъ въ политикѣ и войнѣ, тѣмъ сталъ въ поэзіи, искусствахъ и наукѣ. Послѣдняя, въ необыкновенномъ развитіи своемъ одновременно съ преобразованиемъ общества, въ своихъ приложеніяхъ химіи, физики и механики, въ подчиненіи силъ природы на пользу человѣка, создала современную европейскую цивилизацію.

Франція сыграла большую роль въ этой мирной революціи. Французскія имена Лагранжа, Лапласа, Лавуазье, Араго, Пастера и ста другихъ ученыхъ должны быть поставлены въ ряду первыхъ среди создателей современной науки и промышленности, среди величайшихъ благодѣтелей человѣчества.

Напомню здѣсь мимоходомъ и только, чтобы дать нѣсколько примѣровъ, права нашего народа на всемірную славу. Искать ихъ нужно въ нашей прекрасной и длинной исторіи, и въ ней отмѣтить имена людей, которыми мы можемъ гордиться. Лучше всякихъ разсужденій исторія внушить французамъ глубокий и пламенный патріотизмъ. Она научитъ ихъ любить и преклоняться съ восхищеніемъ передъ цѣлымъ рядомъ героевъ, родившихся на ихъ землѣ, изъ той же крови, которая течетъ и въ ихъ жилахъ; она научитъ ихъ гордиться своимъ народомъ.

Она скажетъ имъ также, какой лежитъ на нихъ долгъ, какая великая задача стоитъ передъ ними, если они не хотятъ паденія, если они желаютъ дать Родинѣ будущее, достойное ея славнаго прошлаго.

Ибо Франція знала и черные дни. Она испытала въ 1870-мъ году пораженіе, иностранное вторженіе и расчлененіе. Память объ этомъ долго тяготѣла надъ ней, морально и физически. Когда это воспоминаніе было остро, мы сдѣлали великолѣпное усиліе, чтобы вновь поднять Францію, возстановить ея силы и вернуть ей ея мѣсто.

Усиліе было слишкомъ коротко. Въ теченіе послѣдовавшихъ лѣтъ, этотъ порывъ энергіи истощился и борьба за возстановленіе и развитіе страны продолжалась вяло. Если наши

колоніальныя предпріятія доказывали, что французы не потеряли мужества, смѣлаго и предпріимчиваго духа и способности управлять народами, то, съ другой стороны, они слабѣли въ экономической борьбѣ, жестоко разразившейся между цивилизованными народами. То же отступленіе, которое Франція испытывала въ своемъ народонаселеніи, замѣчалось и во внѣшней торговлѣ. Въ міровомъ коммерческомъ движеніи она сошла со второго мѣста на третье, затѣмъ на четвертое. Значительность ея торговаго флота падала еще быстрѣе. Казалось, что въ этой существенной области человѣческой дѣятельности страна опустила руки.

Страшное кровопролитіе великой войны и огромныя матеріальныя потери не облегчаютъ ея возстановленія. А между тѣмъ, побѣда даетъ моральную силу и престижъ, цѣнныя во всѣхъ областяхъ. Побѣда облегчаетъ народу усиліе воли и энергіи, необходимое, чтобы вернуть утраченное мѣсто.

Мы совершимъ это усиліе, и оно должно быть плодотворно.

Мишлэ, лучше всѣхъ изучившій и понявшій нашу исторію, написалъ слѣдующія ободряющія строки:

«Давно слѣжу я за Франціей, переживая съ ней, день за днемъ, цѣлыя тысячелѣтія. Мы вмѣстѣ видѣли черные дни, и я приобрѣлъ вѣру, что это страна непобѣдимой надежды. Естественно, что Богъ освѣщаетъ ее лучше всякаго другого народа, разъ въ полной тьмѣ она видитъ, когда не видитъ никто другой. Въ страшномъ мракѣ, часто торжествовавшемъ въ средніе вѣка, никто не различалъ неба; одна лишь Франція видѣла его.

«Вотъ что такое Франція. Съ ней ничего не кончено: все начинается сызнова.

«Когда наши галльскіе крестьяне прогнали на мгновеніе римлянъ и создали Галльскую имперію, они выгравировали на своихъ монетахъ первое и послѣднее слово этой страны: «Надежда».

Да, нужно надѣяться, нужно вѣрить. Вѣрить въ будущее нашей Родины.

Французскій народъ обладаетъ силой и энергіей, которыя позволяютъ ему всплыть изъ всякой глубины и достигъ высочайшихъ вершинъ.

Но поторопимся дѣйствовать. Не будемъ ждать, чтобы сила изсякла и энергія сломилась.

Примемся за дѣло для возстановленія силы и благоденствія Франціи, для возврата ей ея мѣста и значенія.

Лѣтъ сто двадцать тому назадъ, одинъ иностранецъ сказалъ: «Если бы Франціи не было больше въ мірѣ, міръ скоро погрузился бы снова во мракъ».

— Сдѣлайте такъ, молодые люди, чтобы это можно было повторить и завтра!

Работайте для блага, для славы вашей Родины.

Таково ея мѣсто на міровой картѣ, таково ея прошлое въ которомъ сила и величіе являются самыми условіями ея существованія.

ГЛАВА XXVI.

НАЦИОНАЛЬНЫЯ СИЛЫ

Посмотрите на положеніе Франціи на картѣ Европы: оно прекрасно, но и опасно.

Расположенная на краю континента, на берегу Атлантическаго океана, какъ передовой постъ изъ стараго міра въ новый, кажется, будто всѣ европейскія націи напираютъ на нее и что роль ея состоитъ въ томъ, чтобы сдерживать и уравнивать ихъ. Во времена великихъ переселеній народовъ она была мѣстомъ естественнаго средоточія, конечной точкой всѣхъ азіатскихъ вторженій, не истощившихся и не сломившихся по дорогѣ.

На Сѣверѣ, Югѣ и Востокѣ границы Франціи тѣснятъ народы дѣятельные, мужественные и плодовитые. Плодородіе ея почвы, красота ея неба, мягкость ея климата — всегда привлекали ихъ. Въ теченіе вѣковъ нужно было защищаться и отъ нихъ, и отъ тѣхъ, кто шли сзади ихъ.

Нужно было сражаться, и французскій народъ устоялъ только потому, что былъ силенъ и смѣлъ. Длинные періоды мира были у него только благодаря тому, что онъ внушалъ страхъ.

Могущество Франціи необходимо для равновѣсія и, слѣдовательно, для мира Европы.

Слабая Франція была бы слишкомъ соблазнительной добычей, на которую бросились бы со всѣхъ сторонъ и въ длительныхъ, постоянныхъ войнахъ растерзали бы и раздѣлили части. Но если бы даже ея дѣтей перебили до послѣдняго, страна все же стремилась бы возродиться въ своемъ національномъ единствѣ, французы выросли бы изъ ея земли, и природа постаралась бы возстановить то, что разрушили люди.

Мы хотимъ жить, и жить независимо, играть предназначенную намъ великую роль, а для этого нужно, чтобы мы были сильны.

Сила народа состоитъ изъ двухъ существенныхъ вещей: моральной и физической силы гражданъ и могущественной организаціи арміи. Обѣ одинаково необходимы, и одна безъ другой была бы бесполезна.

Патріотизмъ, мужество и упражненіе необходимы сейчасъ для солдатъ, какъ были они необходимы во времена холоднаго оружія и индивидуальныхъ сраженій. Измѣнились лишь условія организаціи арміи, ставшія столь трудными и сложными, что въ этой области нельзя безъ опасности импровизировать. Если вспыхнетъ война, то въ современныхъ условіяхъ ея не будетъ времени для прочныхъ и серьезныхъ организацій. Какъ бы ни были храбры призванные на службу люди, ихъ можно будетъ только слабо использовать, если для нихъ не будетъ опредѣленнаго мѣста въ заранѣ установленномъ организмѣ, учрежденномъ и оборудованномъ научнымъ образомъ.

Итакъ, Франція нуждается въ могущественно организованной арміи, на сушѣ и на морѣ, такъ какъ у нея есть земныя границы и чрезвычайно развитое побережье. Постоянной заботой французовъ является поддерживать эту двойную силу въ возможномъ максимумѣ; создать для нея такое состояніе, чтобы она всегда могла выполнить возложенныя на нее задачи, какъ для охраны независимости страны, такъ и для сохраненія ея правъ и защиты ея интересовъ во всѣхъ концахъ міра.

Эта забота лежитъ на молодомъ гражданинѣ, какъ истинный долгъ.

Есть и другой долгъ, совершенно личный и особенно настойчивый, а именно, готовиться самому стать хорошимъ солдатомъ. Забота о защитѣ Родины лежитъ на всѣхъ французахъ, и всѣ должны быть въ состояніи выполнять ее съ пользой и реально. Имъ нужно для этого сильное и гибкое тѣло, привычное къ ходьбѣ, утомленію и различнымъ физическимъ упражненіямъ.

Этихъ существенныхъ качествъ солдата, даже если они имѣются у всѣхъ, призванныхъ въ часъ войны, не достаточно, чтобы они растворились въ постоянныхъ войскахъ и составили съ ними, почти мгновенно, настоящую армію. Нужно еще, чтобы вновь явившіеся получили предварительно военное обуче-

ніе, имѣли свое мѣсто въ строю, являли бы собою часть огромной машины, мобилизуемой и приводимой въ дѣйствіе для защиты страны.

Отсюда польза всеобщей воинской повинности въ мирное время. Каждый подлежитъ этой службѣ въ условіяхъ и границахъ, установленныхъ закономъ. Какъ бы ни были тяжелы налагаемая этимъ обязанности, нужно принимать ихъ рѣшительно, безъ жалобъ и ропота. Онѣ входятъ въ долгъ по отношенію къ Родинѣ и позволяютъ хорошо выполнять его, требуютъ полной жертвы личности, интересовъ, привязанностей и жизни.

Когда молодой афинянинъ, достигшій восемнадцатилѣтняго возраста, получалъ оружіе, которое долженъ былъ носить для защиты государства, онъ долженъ былъ принести присягу, въ которую входили слѣдующія прекрасныя слова:

«Я буду сражаться за все, что свято и священно... я передамъ слѣдующимъ за мною свою Родину не уменьшенной, а болѣе великой и болѣе сильной, чѣмъ получилъ ее...»

Такой завѣтъ долженъ дать себѣ молодой французъ, призванный къ воинской повинности. Его глазамъ должна представляться картина Франціи; она должна занимать его мысли, возвышать и облагораживать обязанности, иногда вульгарныя, которыми будетъ наполнена его жизнь солдата. Нѣтъ ничего непріемлемаго на службѣ у Родины.

Гражданинъ, прошедшій періодъ своего военного обученія въ казармѣ, не заплатилъ еще всего своего военного долга въ мирное время.

Кромѣ регулярно установленныхъ призывовъ, которымъ онъ долженъ будетъ подчиняться, ему нужно будетъ еще постоянно упражняться, чтобы сохранить физическое состояніе, позволяющее ему участвовать въ кампаніи. Одна изъ большихъ опасностей войны состоитъ въ исключительномъ утомленіи, съ которымъ приходится бороться. Кто живетъ вяло, плохо сообразуетъ свое питаніе съ обычной затратой силъ, не даетъ работы своимъ мускуламъ, тотъ рискуетъ, что болѣзнь устранивъ его изъ арміи въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, что онъ глупо пожертвуетъ своей жизнью и, что хуже, лишитъ Родину своихъ рукъ въ рѣшительные часы.

Поэтому, человекъ долженъ оставаться здоровымъ и сильнымъ, гибкимъ, ловкимъ и способнымъ переносить усталость. Это въ его интересахъ, и это его долгъ.

Только при такихъ условіяхъ онъ можетъ быть полезнымъ защитникомъ Франціи.

Но онъ будетъ хорошимъ солдатомъ только если моральная сторона у него на высотѣ физической силы; если, вмѣстѣ съ качествами честнаго человека и пламеннымъ патріотизмомъ гражданина, онъ обладаетъ любовью къ арміи и культомъ знамени.

Знамя проходящихъ полковъ, флагъ плавающихъ въ морѣ кораблей, національный гимнъ, страстные звуки котораго бросаетъ въ воздухъ военная музыка, — все это воспроизведеніе и голосъ Родины.

Нужно смотрѣть на нихъ, слушать ихъ съ почтеніемъ, съ религиознымъ чувствомъ. Мы обязаны имъ всѣми знаками почтенія и преданности, какъ вещамъ, выражающимъ то, что мы любимъ больше всего, что ставимъ выше всего.

Наше трехцвѣтное знамя — самое веселое и гордое изъ всѣхъ существующихъ. Оно дивно выдѣляется въ небѣ, въ ясныхъ и сильныхъ чертахъ, веселыхъ и гордыхъ, выписывая имя Франціи, провозглашая его въ шелестѣ своихъ трепещущихъ складокъ.

Кто не оставался долго вдали отъ родной земли, тотъ не можетъ представить себѣ, съ какимъ глубокимъ умиленіемъ, въ то же время нѣжнымъ и сильнымъ, привѣтствуетъ французское знамя. Когда путешественникъ видитъ его на верхушкѣ семафора или на кормѣ корабля, онъ испытываетъ радость, смѣшанную съ грустью, которой невозможно передать словами. Знамя говоритъ ему о Родинѣ, объ оставленныхъ тамъ близкихъ, о его семейномъ очагѣ, о народѣ, обо всемъ, что дорого его уму и сердцу. Часто показываются слезы на его глазахъ и подгибаются ноги: онъ хотѣлъ бы стать на колѣни передъ этимъ кускомъ матеріи, который для него представляетъ цѣлый міръ.

— Развѣвайся вѣчно и великолѣпно, священное знамя на-

шей Франціи! Оставайся символомъ великодушія, чести и славы! Пусть никогда пятно или малодушіе твоихъ сыновъ не затемнитъ твоихъ красокъ.

И пусть всегда гордо звучитъ наша «Марсельеза», внушая страхъ нашимъ врагамъ, воспѣвая «священную любовь къ Родинѣ», свободу и непобѣдимую храбрость. Пусть скажетъ она въ минуту опасности нашимъ солдатамъ, что «часъ славы наступилъ», пусть ведетъ она ихъ, смѣлыхъ и мужественныхъ, на путь побѣды!

Мишлэ описалъ внушительную картину арміи въ походѣ, съ блестящими штыками, со знаменемъ впереди, о которой отецъ говоритъ своему юному сыну:

«Смотри, сынъ мой, говоритъ онъ, вотъ Франція, вотъ Родина. Все это, какъ одинъ человекъ — одна душа и одно сердце. Всѣ они умерли бы за одного, и каждый долженъ также жить и умереть за всѣхъ... Тѣ, кто проходятъ тамъ съ оружіемъ, и уходятъ, — идутъ сражаться за насъ. Они покидаютъ здѣсь своего отца, старую мать, которые нуждаются въ нихъ. Ты поступишь такъ же, ты никогда не забудешь, что твоя мать Франція!».

И въ самомъ дѣлѣ, ничто не производитъ такого впечатлѣнія, ничто не заставляетъ такъ биться сердце и гордиться своей Родиной, какъ это организованное, дисциплинированное могущество, выраженное либо арміей въ походѣ, со своими людьми, лошадьми, пушками и матеріаломъ, либо флотомъ, съ большими кораблями, покрытыми темной броней, съ ихъ могучей артиллеріей, окруженными меньшими, быстрыми пароходами, служащими часовыми, и въ то же время тайными и страшными борцами.

Армія олицетворяетъ Родину въ ея силѣ, въ ея независимости.

— Люби армію, гдѣ отмѣчено и твое мѣсто, юноша, читающій эти страницы; люби своихъ товарищей по строю: они твоя вторая семья. Вамъ прійдется помогать другъ другу, сражаться и, быть можетъ, умереть вмѣстѣ. Будьте соединены брат-

ствомъ въ трудѣ, братствомъ мужества и спокойнымъ братствомъ смерти.

Принимай весело тяготы военной службы; готовься къ ней, упражняйся, развивай свою силу и гибкость тѣла, и мужественныя черты твоей души.

Будь сильнымъ, дисциплинированнымъ и храбрымъ солдатомъ, какихъ требуетъ Родина.

Люби и почитай трехцвѣтное знамя, олицетворяющее Францію, и національный гимнь, выражающій ея голосъ.

ГЛАВА XXVII.

В О Й Н А

Война есть страшное бѣдствіе, внушавшее страхъ и ненависть всѣмъ народамъ, во всѣ времена.

Если наемный солдатъ или жаждущій славы полководецъ могутъ любить, жаждать и искать ее, народы, испытывающіе ее, рагромленная территорія которыхъ служить полемъ сраженія для армій, слишкомъ страдаютъ, чтобы не страшиться ея.

Французы видѣли, какъ война 1870-го года закончилась для нихъ катастрофой. Они познали тогда жестокое униженіе пораженія, иностраннаго вторженія и расчлененія. Они уже не могли впослѣдствіи взирать съ веселымъ сердцемъ на возможность новой войны. Великая война, къ которой они вынуждены были въ 1914-мъ году и потери которой въ людяхъ и разрушеніяхъ превысили всѣ опасенія, не могла измѣнить ихъ чувствъ и желаній. Они преданы миру. Нужно, чтобы такъ было и чтобы они всегда употребляли всѣ усилія, чтобы избѣжать войны. Но нужно также, чтобы они не боялись ея; чтобы разумъ, а не трусость дѣлалъ ихъ миролюбивыми.

Война — зло. Но есть худшее зло. Война въ сто разъ лучше, чѣмъ потеря независимости или національной чести.

Великій народъ, неспособный взяться за оружіе, чтобы защитить свою свободу и достоинство, былъ бы скоро покоренъ и заслужилъ бы это. У народовъ,, какъ у отдѣльныхъ людей, кто предпочитаетъ жизнь чести, не достоинъ жить.

Есть лишь одно средство сохранить миръ: это — быть сильнымъ и рѣшительнымъ.

Старый девизъ «Если хочешь мира, готовься къ войнѣ», не утерять своей силы. Чтобы пользоваться миромъ, нужно всегда быть готовымъ къ войнѣ и не бояться ея.

Народъ, наименѣе подверженный атакѣ и вовлеченію въ войну, есть народъ, наиболѣе сильно вооруженный, никого не вызывающій и никого не боящійся, моральная сила котораго

стоитъ силы матеріальной, активно защищающій свои интересы и права и играющій въ мірѣ роль, соответствующую его положенію и прошлому.

«Сила, дѣятельность и мужество — вотъ созидатели мира.

«Миръ только съ поднятой головой — вотъ чего хочетъ Родина».

Такъ говорилъ Викторъ Гюго тотчасъ послѣ ужаснаго года.

Да, только миръ съ поднятой головой. Нѣтъ мира въ униженіи и слабости. Ибо отъ такого мира Франція умерла бы вѣрнѣе, чѣмъ отъ самой ужасной войны. Потому что миръ, основанный на обезличеніи и бездѣйствіи — непродолжителенъ.

Положеніе народа на землѣ то же, что отдѣльнаго человѣка въ большомъ городѣ.

Когда знаешь о человѣкѣ, что онъ силенъ и смѣлъ, когда онъ спокойнымъ и твердымъ шагомъ идетъ по своимъ дѣламъ, — никто не остановитъ его по дорогѣ, не оскорбитъ и не заставить драться; онъ проходитъ безнаказанно въ опасныхъ мѣстахъ, гдѣ вздымается пѣна нашей цивилизаціи. Человѣкъ слабый и боязливый, такъ же какъ выскочка и задира, можетъ нарваться на всякую авантюру: вполне естественно падаютъ на него угрозы и удары.

Народы, руководимые здравымъ и гордымъ разумомъ, опирающіеся на свое право и оружіе, проходятъ безъ риска времени и пространства.

Нужно поѣтому стремиться, чтобы страна наша была какъ можно сильнѣе, такъ же активна, смѣла и мужественна, какъ благоразумна и миролюбива.

Къ этой ли цѣли идутъ люди, предпринявшіе во Франціи, болѣе чѣмъ гдѣ либо, настоящую кампанію, чтобы внушить гражданамъ, а затѣмъ и солдатамъ, ужасъ передъ войной? Очевидно, нѣтъ. Ненавидѣть войну у насъ бесполезно, ибо ни вчера ни сегодня сохраненіе мира не зависитъ отъ нашихъ чувствъ.

Нечего опасаться, чтобы демократическій народъ, у котораго существуетъ только народная воля, нѣтъ наемныхъ войскъ

и каждый гражданин - солдатъ, сдѣлался народомъ воинственнымъ. Но нужно опасаться, чтобы душу его не сдѣлали вялой и трусливой, чтобы онъ не ставилъ любовь къ миру выше всего, выше заботы о важнѣйшихъ интересахъ, выше своей независимости, своей чести.

Пропагандисты мира во что бы то ни стало могутъ безъ ущерба вести свою проповѣдь у народовъ, границы которыхъ не стоятъ подъ угрозой, которые, въ нѣкоторой степени увѣрены, что у нихъ не будетъ другой войны, какъ та, которую они сами вызовутъ. Иначе обстоитъ дѣло со страной, какъ наша, которой угрожаютъ и которая сама никому не угрожаетъ.

У такого народа, безъ желанія его запугать, проповѣдывать миръ бесполезно.

Это значить, во всякомъ случаѣ, ослаблять мужество людей, внушая имъ, что достаточно желать мира, чтобы имѣть его; это значить, плохо готовить людей къ опасности, могущей встать передъ ними.

Напротивъ, до 1914-го года нужно было, какъ нужно и теперь, хотя опасность и менѣ велика, чтобы граждане Франціи знали — и нужно громко твердить имъ объ этомъ, — что они могутъ быть вынуждены воевать и что нужно быть готовыми къ тяжкому долгу, налагаемому войной. Нужно, чтобы они знали, что защита не въ томъ только состоитъ, чтобы отбросить грубую атаку сосѣда; надо также не позволять нарушенія нашихъ правъ, разгрома другого народа, существованіе котораго необходимо для нашей безопасности.

Въ 1866-мъ году Пруссія бросилась на Австрію и побѣдила ее при Садовой. Франція могла бы воспрепятствовать этому. Изъ за того, что она осталась тогда бездѣятельной, ей пришлось испытать страшную войну черезъ четыре года. Мы были побѣждены и раздавлены за то, что не сумѣли бороться во время, когда это было и благоразумно, и справедливо.

Урокъ былъ слишкомъ жестокъ, чтобы мы не воспользовались имъ.

Кто хочетъ мира во что бы то ни стало, рискуетъ навлечь на свою страну страшныя войны въ часъ, избранный врагами, въ условіяхъ, въ которыхъ вѣроятно пораженіе.

Президентъ республики Соединенныхъ Штатовъ, г. Руз-

вельтъ, инициатива котораго положила конецъ смертоносной борьбѣ Россіи и Японіи въ Манчжуріи, ясно показалъ необходимость для народа безстрашно взирать на возможность справедливой войны. Онъ далъ тому много причинъ и доказательствъ.

Одно изъ нихъ особенно ярко, ибо касается войны, принципъ которой представляется весьма спорнымъ поверхностнымъ умамъ: рѣчь идетъ о войнѣ между сѣверными и южными штатами за освобожденіе негровъ. Сѣверные штаты объявили въ 1861-мъ году войну южнымъ штатамъ, отдѣлившимся отъ «Союза», т. е. отъ Республики Соединенныхъ Штатовъ. Послѣ четырехъ лѣтъ войны, они побѣдили и возстановили единство. Республика возобновила тогда свое восхожденіе, прогрессъ и развитіе. Она достигла огромнаго могущества, благодаря которому стала равной великимъ и старѣйшимъ государствамъ Европы.

О пользѣ этой войны можно судить по ея результатамъ. Г. Рузвельтъ доказалъ это въ прекрасной работѣ, изъ которой приводимъ слѣдующую выдержку:

«Если бы близорукіе люди, защитника мира, говорить онъ, поступили тогда согласно своему разуму и раздѣлъ сталъ бы окончательнымъ, ничто не помѣшало бы повторенію въ Сѣверной Америкѣ такой же разрушительной и анархической войны, какая свирѣпствовала въ теченіе трехъ четвертей вѣка въ Южной Америкѣ, послѣ того, какъ она освободилась отъ испанскаго владычества.

«Мы избѣгли цѣлыхъ поколѣній анархіи и кровопролитія, благодаря тому, что отцы наши, поддержавшіе Линкольна и послѣдовавшіе за Грантомъ, были мужчинами въ полномъ смыслѣ слова и обладали достаточнымъ здравымъ смысломъ, чтобы не поддаться увѣщаніямъ тѣхъ, которые проповѣдывали, что война всегда зло...»

Доблестные предки президента Рузвельта согласились на длительную войну, пожертвовали сотнями тысячъ человѣческихъ жизней, милліонами долларовъ, они посѣляли вокругъ себя смерть и трауръ, но спасли свою великую Родину; они приготовили ей прекрасное и славное будущее, ставшее теперь настоящимъ. Они были столь же смѣлы, сколь благоразумны.

Они заслужили священную и патриотическую благодарность, какую оказываютъ имъ ихъ сыновья.

Ихъ примѣръ долженъ быть въ памяти гражданъ всѣхъ странъ въ смутные и трагическіе часы. Онъ скажетъ имъ, что могутъ сдѣлать для Родины, когда она стоитъ на краю пропасти, прозорливость, энергія и несокрушимое мужество.

Послѣдовавшая исторія Соединенныхъ Штатовъ, какъ, впрочемъ, и другихъ народовъ, покажетъ имъ, что эти самыя качества, постоянно прилагаемыя къ политикѣ, даютъ огромные результаты. Постоянной защитой своихъ правъ, просто, но рѣшительно, безъ вызова и безъ слабости, достигается несомнѣнная выгода и, вдобавокъ, всѣ шансы сохранить миръ.

Политика опусканія рукъ и страха не только раззорительна и унизительна для практикующаго ее народа; она неизбѣжно приводитъ къ конфликтамъ, къ рабству и уничтоженію.

Нѣтъ противъ войны иного средства, какъ сила, энергія и смѣлость.

Молодой французъ будетъ стремиться развивать ихъ въ самомъ себѣ; онъ сумѣетъ сохранить и развить ихъ въ своей странѣ.

Это гражданскія доблести и доблести національныя.

ГЛАВА XXVIII.

ЧЕЛОВѢЧЕСТВО

Если мы должны пламенно любить свою Родину, это не значить, что надо закрыть глаза на весь остальной міръ и не замѣчать или ненавидѣть другіе народы.

Напротивъ, тѣмъ болѣе будешь любить свою Родину и служить ей, чѣмъ лучше будешь знать ея мѣсто на землѣ и роль въ исторіи.

Патріотизмъ — чувство слишкомъ высокое, чтобы оно могло породить ненависть.

Патріотизмъ желаетъ, чтобы справедливость царила въ отношеніяхъ между народами; и если къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ возбуждаетъ недовѣріе, то это къ тѣмъ именно, поведеніе коихъ основывается на иныхъ принципахъ, — къ хищнымъ и наступательнымъ, которые угрожаютъ законнымъ интересамъ и правамъ Родины.

Молодой французъ долженъ быть гражданиномъ вселенной въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ знать и слѣдить за общими дѣлами человѣчества и поступать такимъ образомъ, чтобы Франція играла въ нихъ свою роль, чтобы она участвовала въ ихъ руководствѣ въ первомъ ряду народовъ, способныхъ и достойныхъ вести огромную массу людей къ ихъ участи.

У гражданина существуютъ обязанности лишь по отношенію къ собственной странѣ; однако, цивилизованные народы имѣютъ обязанности и по отношенію другъ къ другу; они представляютъ собою большія человѣческія семьи, которымъ нельзя терять сознанія необходимой солидарности между своими членами, какъ нельзя не признать общей солидарности, правда, еще довольно смутной, обнимающей весь родъ человѣческій.

Эта солидарность существуетъ, по меньшей мѣрѣ, фактически. Она устанавливается черезъ пространство, ибо добро и зло, совершающіяся въ какой либо точкѣ земли, развитіе однихъ, упадокъ другихъ, вооруженные конфликты, — все это

имѣть отдаленный отзвукъ, распространяющійся иногда на огромную часть земли. Это распространяется также во времени, какъ напр., вся Европа испытала послѣдствія и чувствуетъ, можетъ быть, еще до сихъ поръ ошибки, приведшія къ паденію Грецію и тѣ, изъ за которыхъ погибла Римская имперія.

Къ тому же, повидимому, существуютъ общіе законы развитія человѣчества, обязательные для всѣхъ народовъ, хотя не всѣ способны собственными силами пройти послѣдовательные этапы на пути прогресса и многіе изъ нихъ, утомленные, останавливаются или теряются на побочныхъ дорогахъ, — безъ выхода.

Это зрѣлище движущихся человѣческихъ обществъ въ исторіи чрезвычайно интересно и увлекательно. Оно показываетъ ихъ намъ въ послѣдовательныхъ фазахъ ихъ перерожденія, отъ крайняго варварства до утонченнѣйшей цивилизаціи. Изучая прошлыя вѣка, мы открываемъ то же и въ настоящее время. Есть народы цивилизованные и народы варварскіе, находящіеся на разныхъ ступеняхъ историческаго развитія. На нихъ можно измѣрить длинный пройденный путь преобразования съ теченіемъ вѣковъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сдѣлалъ свое первое великое открытіе, когда онъ овладѣлъ огнемъ и сталъ пользоваться для своего потребленія этой великой силой природы, бывшей для него до тѣхъ поръ разрушительной и страшной, онъ медленно и тяжело проходилъ ступени цивилизаціи.

На самой низшей ступени находятся еще дикія племена центральной Африки и азіатскихъ горъ; когда то такими были туземцы Америки, когда Колумбъ открылъ Новый Свѣтъ, или древніе жители Греціи и Италіи, о которыхъ говорятъ легенды. Нѣсколько выше находятся народности, которыя греки и римляне называли варварами, напримѣръ, галлы и германцы, состояніе коихъ мало отличалось отъ нынѣшнихъ народовъ Марокко, Сіама и многихъ другихъ странъ. На верхушкѣ находятся дисциплинированные народы болѣе или менѣе высокой и разнохарактерной цивилизаціи.

Со времени классической древности, двадцать или двадцать пять вѣковъ тому назадъ, существовало три большихъ человѣческихъ цивилизаціи.

Первая, наслѣдниками которой мы являемся, была цивилизація Средиземнаго моря, столицами которой были послѣдовательно Афины и Римъ, и характеристической чертой которыхъ является постоянное движеніе, преобразование на путяхъ прогресса и свободы.

Вторая, восточная цивилизація, которая быстро и жестоко столкнулась съ первой, занимала всю южную и западную Азію до огромнаго барьера Гималайскихъ горъ и ихъ дальнихъ развѣтвленій. Въ ней было много могущественныхъ имперій, большинство которыхъ остались неизвѣстными и о существованіи и величіи коихъ говорятъ намъ только нѣкоторыя развалины. То, что мы знаемъ о нихъ, что говоритъ намъ исторія и что мы сами еще видимъ, доказываетъ, что эта цивилизація была весьма отлична отъ той, колыбель которой находилась на берегахъ Средиземнаго моря. Какъ сама природа, въ которой она развилась, она была роскошна, колоссальна и подавляюща для человѣка, бывшаго подъ ея властью. Дойдя до извѣстнаго уровня, она больше не развивалась, не преображалась; она застыла въ своей неподвижной роскоши.

Третьей цивилизаціей является Дальній Востокъ. Нѣкоторыми своими сторонами она соприкасается со второй, но отличается отъ нея столькими чертами, что ихъ нельзя слить воедино. Хотя она и достигла своего полного развитія приблизительно тридцать вѣковъ тому назадъ, древніе не знали ея. Огромныя разстоянія и природныя препятствія мѣшали войскамъ и легіонамъ доходить до нея.

Цивилизація Дальняго Востока, которую можно назвать китайской, имѣетъ свое искусство, литературу и философію. Она покоится на спокойномъ благоразуміи, нѣсколько узкомъ, благодаря которому она пренебрегаетъ многими матеріальными благами жизни, не позволяетъ развитія личности, задерживая, такимъ образомъ, всякій прогрессъ. Она позволила огромной Китайской имперіи существовать болѣе пятидесяти вѣковъ, чего не зналъ до сихъ поръ никакой другой народъ. Но, повидимому, по крайней мѣрѣ съ половины этого долгаго періода, она больше не движется впередъ, ничего не изобрѣтаетъ, ни въ чемъ не улучшается. Она, какъ будто бы, навсегда связана. Совершенныя ею ошибки въ презрѣннй матеріи и силы

были дорого оплачены, когда установился контактъ съ болѣе развитой цивилизаціей, болѣе дѣятельной, и возникли соперничество и конфликты.

Она безъ ущерба для себя столкнулась съ цивилизаціей юга и запада Азіи, которую мы называемъ восточной цивилизаціей. Къ тому же, между ними установилось извѣстное взаимное вліяніе при посредствѣ религій. Географическія точки соприкасанія были слишкомъ малочисленны и незначительны, чтобы между ними могла возникнуть серьезная борьба.

Поэтому, подъ ударами западной склонилась восточная цивилизація, и покинула ее всякая активная жизнь. Происходящія отъ нея государства нынѣ подчинены и находятся подъ чужимъ владычествомъ. Это долгая агонія, продолжающаяся давно и, къ тому же, безъ всякой надежды на возвратъ къ жизни.

Античная средиземная цивилизація также погибла. Но изъ воспоминаній о ней, изъ ея остатковъ, изъ ея развалинъ родилась новая цивилизація, христіанская, которая, послѣ болѣе чѣмъ десятивѣкового существованія, породила современную цивилизацію: ее справедливо называютъ европейской цивилизаціей, и она идетъ нынѣ къ покоренію міра.

Для человечества важны расцвѣтъ и окончательная побѣда этой европейской цивилизаціи.

Въ ея послѣдовательныхъ фазисахъ развитія, съ древнихъ временъ, находятся примѣры и уроки, полезные для народовъ, какъ нашъ, обладающихъ темпераментомъ, качествами и недостатками своихъ исчезнувшихъ предковъ. Хотя причины величія и упадка народовъ вездѣ одинаковы и всюду находишь патріотизмъ и смѣлость въ сердцахъ людей, создавшихъ величіе и благоденствіе своей страны, въ Азіи и въ Африкѣ, какъ и въ Европѣ, — все же предпочтительно и болѣе убѣдительно наблюдать въ странахъ нашей цивилизаціи, какъ рождались, развивались и умирали народы.

Молодой французъ вообще лучше всѣхъ другихъ проникнуть исторіей средиземной древности. Добрую часть своего юношества онъ провелъ въ томъ, чтобы смутно разбираться,

при помощи текстовъ, въ жизни греческаго и римскаго міра. Кромѣ того, получилъ ли онъ или нѣтъ классическое образованіе, ему придется понять весь этотъ міръ, достаточно освѣщенный нынѣ учеными. Слишкомъ много уроковъ исходятъ изъ его исторіи, чтобы гражданинъ, думающій о будущемъ своей Родины, могъ пренебречь ею.

Цивилизація начинается для насъ съ героическихъ временъ Греціи, болѣе тридцати вѣковъ тому назадъ, и съ самаго начала своего принимаетъ характеръ, которымъ ни въ какой мѣрѣ не обладали цивилизаціи Азіи. Она возвышаетъ и облагораживаетъ человѣческую личность; она возноситъ усиліе и трудъ; она развиваетъ любовь къ государству и народу; она создаетъ патріотизмъ.

И потому, какъ изумительно развитіе городовъ Эллады подъ вліяніемъ этихъ благородныхъ и великихъ принциповъ! Какъ быстро и великолѣпно развивается цивилизація, чтобы достигъ такихъ высотъ искусства, литературы и философіи, какихъ никогда не достигало человѣчество.

Этотъ народъ артистовъ, ученыхъ и литераторовъ, въ то же время народъ энергичный и смѣлый. Онъ ставитъ необходимый культъ силы наравнѣ съ культомъ свободы и красоты. Онъ умѣетъ прибѣгать къ оружію для защиты своей независимости, своихъ правъ и интересовъ; онъ умѣетъ преслѣдовать побѣду. Это великій народъ.

Мало по малу онъ распространился, не по континенту населенному варварами внѣ занятаго имъ полуострова, но по берегамъ Средиземнаго моря. Народъ моряковъ, греки создаютъ колоніи всюду, куда могутъ доплыть ихъ корабли. Они подчиняютъ своей торговлѣ и цивилизаціи берега извѣстнаго въ то время міра.

Маленькія греческія республики, несмотря на взаимную зависть, несмотря на внутренніе раздоры, обладаютъ высокимъ чувствомъ патріотизма расы. Онѣ объединены и смѣлы, когда нужно воспротивиться иностранному вторженію, остановить вооруженныя толпы, бросаемыя на нихъ восточной цивилизаціей.

Греція — побѣдительница, покрыта славой, бессмертна. Ни Востокъ, ни стоявшее у ея дверей и напиравшее всюду на ея свободныя колоніи варварство не могли побѣдить ея, покуда долгъ, мужество и любовь къ Родинѣ вдохновляли ея гражданъ. Но приходитъ часъ, когда эти качества ослабѣвають, когда вѣра въ великое и прекрасное замѣняется общимъ сомнѣніемъ, когда народъ вѣритъ уже только въ благополучіе, богатство и наслажденія. Вмѣстѣ съ развратомъ появляются беспорядокъ, демагогія, анархія. Какъ говоритъ ея великій ораторъ, Афины стали искать «лишь говоруна или генерала, которые могли бы дать имъ счастливое рабство».

Возмездіе не заставило себя ждать. Появились македонскія фаланги; затѣмъ наступила очередь за римскими легіонами. Греція была побѣждена, разбита, подчинена и погасла въ страданіяхъ и позорѣ.

Римъ, принявшій изъ обезсилѣвшихъ рукъ Греціи свѣточъ цивилизаціи, въ свою очередь освѣщаетъ имъ міръ и даетъ ему новый блескъ.

Тѣ же качества, которыя создали величіе Эллады, царятъ въ Римѣ, — съ большей суровостью, но и съ болѣе твердымъ разумомъ, съ болѣе постоянной и мудрой политикой. Всѣ народы, территоріи которыхъ окружаютъ Средиземное море, одни за другими побѣждены, организованы и дисциплинированы. Восточная цивилизація, уже ослабленная своими раздорами и внутренними пороками, потрясенная громовыми побѣдами Александра, отступаетъ и, частично, впадаетъ въ подчиненіе.

Римскіе граждане, одушевленные патріотизмомъ и любовью къ свободѣ, становятся хозяевами міра. Они управляютъ имъ столько же мудрой политикой, сколько и силой. Слава ихъ, хотя и иного рода, но равна славѣ грековъ. То же мужество сдѣлало ихъ великими; тѣ же ошибки, то же малодушіе приведутъ ихъ къ упадку и полному паденію.

Скептицизмъ и развратъ проникли въ Римъ, неся съ собой нищету, рабство и беспорядокъ. Развратъ такъ великъ, что этотъ народъ гражданъ остановился въ ростѣ. Въ государствѣ остались почти только освобожденные и настоящіе рабы. Люди, могущіе еще назвать себя потомками великихъ римлянъ,

утеряли гордость и мужество; женщины потеряли цѣломудріе. Кончился могучій и славный народъ.

Греція погибла въ демагогіи; Римъ падаетъ подъ унижительнымъ деспотизмомъ. И Греція, и Римъ наказаны одинаково: они умираютъ въ позорѣ, разгромленные врагами.

Двойной и страшный урокъ для народовъ будущаго.

Римская имперія обнимала всѣ цивилизованные народы Запада; паденіе ея было гибелью самой цивилизаціи.

Вся Европа, ставшая добычей варваровъ, не поддавшихся даже вліянію христіанской религіи, переживаетъ вѣка мрака и страшныхъ насилій.

Трудно разобраться въ этой глубокой тьмѣ.

И, однако, смутно чувствуется, что римская цивилизація, какъ бы пропитавшая землю и воздухъ побѣжденныхъ народовъ, даетъ мало по малу ростки новой цивилизаціи. Въ мукахъ народовъ рождается она и съ трудомъ развивается. Долгое время нельзя будетъ признать въ ней дочь античной цивилизаціи, изъ которой она все же произошла.

Она живетъ; она медленно растетъ, и Европа, выпедшая изъ хаоса Варварства, становится Христіанствомъ.

Едва она родилась, страшный ударъ чуть не разрушилъ ея, и вмѣстѣ съ нею все, что оставалось отъ греческой и римской цивилизаціи, что было въ потенціалѣ добраго и прекраснаго въ новой цивилизаціи. Страшное нашествіе мавровъ угрожало поразить христіанство въ самое сердце. Оно распространилось уже на всю сѣверную Африку, на Испанію и проникло въ бывшую Галлію, ставшую королевствомъ франковъ.

Ничто до тѣхъ поръ не могло сопротивляться этому нашествію. Всякая защита оказывалась бесполезной.

Если бы молодая Франція была побѣждена, съ Европой было бы покончено. Востокъ былъ бы отомщенъ за пораженія, нанесенныя ему греками и латинянами. Онъ сталъ бы окончательнымъ хозяиномъ и наложилъ бы свое тяжелое ярмо на народы Запада, которымъ осталось бы только исчезнуть послѣ длительной агоніи.

Битва при Пуатье, въ которой нашъ Карль - Мар-

ель побѣдилъ сарациновъ, опредѣлила міровыя судьбы. Торжествующее христіанство возобновило свое поступательное пествіе; европейская цивилизація начала свое тяжелое, медленное и славное восхожденіе.

Излишне говорить, чѣмъ она стала. Ея исторія, въ значительной степени, исторія нашей Родины.

Если различные народы, Италія, Германія, Англія, Испанія, Португалія, Голландія, Скандинавія (нѣкоторыхъ я не упоминаю), сыграли большую роль и оказали значительное содѣйствіе въ теченіе вѣковъ дѣлу цивилизаціи, нельзя, однако, отрицать, что Франція, начиная отъ Карла - Мартела и до Людовика XIV, играла тутъ большую и, чаще всего, главную роль.

Возрожденіе, еще болѣе пропитавшее новую цивилизацію классической древностью, не было исключительно итальянскимъ: оно было также французскимъ и носить на себѣ несомнѣнную печать духа нашего народа. Эта печать, столь же глубокая, проявляется снова въ научномъ и промышленномъ обновленіи, отъ котораго произошла, вотъ уже около вѣка, современная цивилизація.

Несомнѣнно, морально и фактически, это дочь и продолжательница христіанской цивилизаціи, безъ того перерыва и безконечной летаргіи, которые ослабили связь между послѣдней и римской цивилизаціей. Послѣдовательность, на этотъ разъ, тѣсна и абсолютна. Тутъ имѣеть мѣсто скорѣе преобразованіе, чѣмъ созиданіе.

Но современная европейская цивилизація приняла, матеріально, совершенно новый характеръ. Она обязана этимъ человѣческимъ открытіямъ и приложеніямъ науки къ жизни.

Послѣ того какъ, въ теченіе вѣковъ и вѣковъ, использовавъ свое первое завоеваніе, огонь, исключительно для своей защиты, пропитанія, элементарнаго потребленія, человѣкъ замѣтилъ вдругъ, что можетъ извлечь изъ него гораздо болѣе могучее орудіе, онъ понялъ, что теплота порождаетъ силу, преобразуетъ матерію, что, при ея помощи, невѣроятное становится возможнымъ. И невѣроятное было осуществлено.

Сначала, это была паровая машина; источники тепла, извлеченные изъ нѣдръ земли и позволяющіе производить теплоту;

приложеніе ея къ заводамъ, желѣзнымъ дорогамъ и кораблямъ; электричество, съ телеграфомъ, телефономъ и освѣщеніемъ; взрывчатые моторы, подводное плаваніе, воздухоплаваніе, сотня другихъ необычайныхъ и неожиданныхъ изобрѣтеній, умножившихъ средства производства и транспорта, способы дѣйствія во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности.

При помощи этихъ завоеванныхъ силъ, своей наукой и промышленностью, человѣкъ овладѣлъ природой. Онъ покоряетъ ее и подчиняетъ своимъ нуждамъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, царь природы.

И въ этомъ характеристическая черта современной цивилизаціи.

Внѣ ея преобладаютъ силы природы, и человѣкъ почти всегда является ихъ игрушкой.

Какъ всѣ народы высокой цивилизаціи, въ частности, какъ греки и римляне, европейскіе народы стремятся распространиться въ мірѣ, подчинить себѣ низшіе или недостаточно развитые народы, быть начальниками, воспитателями и колонизаторами.

По очереди или одновременно, португальцы и испанцы, голландцы, англичане и французы вступили на этотъ путь. Были у нихъ на немъ и успѣхи и неудачи. Одни потерпѣли окончательное пораженіе въ своихъ попыткахъ, другіе, послѣ большихъ неудачъ, вновь смѣло принялись за дѣло и восторжествовали.

Всякій народъ, чувствующій себя сильнымъ, способнымъ руководить и воспитывать народы отсталые или варварскіе, можетъ требовать своей доли во владѣніи надъ территоріями, куда еще не проникла европейская цивилизація. Это полезная и благородная задача. Она увеличиваетъ благоденствіе и могущество тѣхъ, кто доводятъ ее до конца.

Послѣ того, какъ у Франціи были богатые колоніальныя владѣнія въ XVII и XVIII вѣкахъ и она потеряла ихъ, она постаралась создать себѣ новыя. Это удалось ей и она окончательно восторжествуетъ, если сумѣетъ присоединить къ своимъ существеннымъ качествамъ упорную настойчивость, которой у нея часто не хватаетъ.

Уже въ настоящее время она обладает колониальными владѣніями, которыми нужно управлять и организовать ихъ правильную эксплоатацію. За ней осталась часть континентовъ, которые покорила и раздѣлила Европа во второй половинѣ XIX-го вѣка; она находится въ такомъ положеніи, чтобы сыграть свою роль въ финальномъ актѣ современной колонизаціи.

Въ самомъ дѣлѣ, Европа не закончила еще своей задачи и не побѣдила всѣхъ трудностей. Она легко справилась съ африканскими народностями, дикими или варварскими, съ которыми она столкнулась на черномъ континентѣ. Также и Америка, дочь нашей цивилизаціи, побѣдила, разсѣяла и уничтожила туземныя народности, оспаривавшія ея землю. Черныя и краснокожія расы не поднялись на интеллектуальный уровень и не создали силы, которая позволила бы имъ удержаться.

Но въ своемъ распространеніи по лицу земли, Европѣ пришлось столкнуться съ цивилизаціей Дальняго Востока. Она несомнѣнно ниже нашей, ибо пренебрегла всей матеріальной стороной человѣческаго развитія и оставила неиспользованными въ землѣ ея силы и богатства.

Произошли столкновенія. Европейскія націи хотѣли поступать какъ хозяева; имъ воспротивились, и онѣ отвѣтили употребленіемъ могущественныхъ оружій, вложенныхъ имъ въ руки наукой. Многократно полученные такимъ образомъ уроки заставили упорствовавшихъ уступить, и сначала привели къ желательнымъ результатамъ. Но послѣдствія оказались менѣе желательными и неожиданными.

Населяющіе восточную Азію люди желтой расы умны и смѣлы. Ихъ цивилизація, хотя застывшая и неполная, позволила имъ проникнуть въ плохо охраняемую тайну нашей силы. Послѣ долгихъ колебаній у однихъ, болѣе быстрого рѣшенія у другихъ, они обратились къ нашему же оружію, сначала для защиты, а затѣмъ, когда наступило время, — и для того, чтобы атаковать насъ.

И въ настоящее время, желтая раса, насчитывающая по меньшей мѣрѣ 500 милліоновъ человѣкъ, находится на пути всеобщей организаціи для войны. Первый актъ этой предвидѣнной драмы уже разыгрался. Театромъ его былъ восточный

Китай, и актерами, со стороны Европы, русскіе, и съ азіатской стороны, японцы. Какъ извѣстно, преимущество оказалось не на сторонѣ русскихъ.

Скоро ли разыграются слѣдующіе акты, и, даже, будутъ ли они разыграны?

Кто знаетъ? Все возможно.

Одно несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что европейская цивилизація, считавшая себя хозяиномъ всего міра, нашла передъ собой препятствіе. Желтая цивилизація возстала противъ бѣлой.

Если должна произойти борьба, она будетъ ужасна и тѣмъ болѣе опасна для Европы, чѣмъ позднѣе она возникнетъ. Удастся ли избѣгнуть ея? Въ настоящее время можно на это надѣяться, если подготовить пути къ соглашенію между столь различными расами и не предоставлять себя во власть событій.

Необходимо, чтобы западные народы не повторили исторіи греческихъ республикъ, раздѣленныхъ между собою, деморализованныхъ и ослабленныхъ, въ то время какъ вблизи ихъ развивались Македонія и Римъ, которымъ предстояло покорить и разрушить ихъ.

Сухопутная война на дальнемъ разстояніи долго была невозможна изъ за огнестрѣльнаго оружія съ необходимыми для него амуниціями, снаряженіями, запасами и требующейся для этого перевозкой огромнаго обоза. Желѣзные дороги вернули насъ ко временамъ всѣхъ возможностей холоднаго оружія, и потомки Чингизъ - Хана могутъ, когда-нибудь, вступить по его слѣдамъ на путь въ Европу.

Какъ ни далека еще отъ насъ такая возможность, нужно предвидѣть ее и сдѣлать невозможной, дабы избѣжать новаго и великаго кризиса, могущаго быть ея результатомъ.

На горизонтѣ темно. Постараемся проникнуть въ эту тьму и разсмотрѣть, какое будущее готовится человѣчеству.

Прозорливымъ и сильнымъ предстоитъ въ этомъ большая роль.

Ея желаемъ мы Франціи.

Для этого нужно, чтобы она осталась сильной и активной, въ первомъ ряду народовъ, среди тѣхъ, которые ведутъ за со-

бой и освѣщаютъ путь слѣдующимъ за ними; нужно, чтобы она была, сегодня, какъ вчера, завтра, какъ сегодня, однимъ изъ главныхъ чемпионовъ цивилизаціи.

— Молодой другъ мой, слѣдовавшій за мною до этихъ послѣднихъ страницъ, ты знаешь это, какъ всякій другой. Ты знаешь, что у тебя есть лишь одно хорошее средство быть полезнымъ населяющему землю человѣчеству: это любить Францію и служить ей.

Работая на величіе твоей Родины, ты тѣмъ самымъ содѣйствуешь благу человѣчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

П Р А В И Л А И С О В Ъ Т Ы

Мнѣ показалось, что заключающіеся въ этой книги правила и совѣты должны быть повторены въ сжатомъ видѣ.

Въ этомъ нѣтъ желанія сказать въ нѣсколькихъ строкахъ все, что полезно молодому французу, какъ и сама книга не должна была быть доктринальной.

И здѣсь, и тамъ нужно искать только указаній, жизненныхъ правилъ, даваемыхъ сыновьямъ ихъ отцомъ, въ нѣскольکو случайной простотѣ семейныхъ бесѣдъ. Въ частности, не нужно удивляться, если мнѣ случается нѣсколько разъ, въ различной формѣ, возвращаться къ тѣмъ же идеямъ. Это тѣ мысли, которыми самъ я проникнуть и которыя хочу внушить моему молодому читателю.

I.

Умѣй хотѣть.

Дѣлай, что долженъ.

Будь мужественъ физически и морально.

Умѣй дѣйствовать. Стань человекомъ дѣйствія, чтобы развить въ себѣ тѣлесныя и душевныя силы, чтобы добиться успѣха въ жизни, чтобы быть хорошимъ французомъ.

Будь активенъ и трудолюбивъ; отдавай труду лучшую часть твоей жизни.

Будь дисциплинированъ.

Оказывай безъ колебаній уваженіе достойнымъ почтенія лицамъ и вещамъ.

Сохраняй всегда собственное достоинство.

Люби истину; будь во всемъ правдивъ, простъ и естественъ.

Будь искрененъ и откровенъ, честенъ и прямъ.

Будь умѣренъ и скромнъ.

Соблюдай порядокъ и прилежаніе, будь умѣренъ въ питъѣ и ѣдѣ, вѣжливъ и любезенъ.

Будь справедливъ и честенъ.

Будь добръ, благосклоненъ и поступаай по - братски.
Защищай ревниво свою свободу и уважай чужую.

Будь терпимъ. Твердо храни свою вѣру и убѣжденія, но допускай, чтобы другіе имѣли иныя вѣру и убѣжденія. Не дѣлай ничего, что могло бы оскорбить вѣрованія другого; это внутреннее дѣло человѣческой совѣсти, столь деликатное, что можно обидѣть его однимъ прикосновеніемъ.

Развивай свой мозгъ и разумъ ученіемъ; направляй свое воображеніе и руководи имъ.

Твердостью характера и благородствомъ чувствъ обезпечь своему тѣлу здоровье и красоту.

II.

Во всякомъ возрастѣ, во всякомъ положеніи, люби, уважай и почитай тѣхъ, кто далъ тебѣ жизнь.

Оставайся связанъ любовью и преданностью со своими родственниками во всѣхъ степеняхъ.

Будь проникнутъ семейнымъ духомъ. Вмѣстѣ съ глубокимъ уваженіемъ къ женщинѣ, приобрѣти качества, которыя ты найдешь только у семейнаго очага.

Остерегайся разврата, грубыхъ и унижающихъ наслаженій.

Сохраняй молодость и свѣжесть своихъ чувствъ, здоровье и достоинство.

Умѣй любить. Пусть любовь и разумъ направятъ тебя въ выборѣ подруги жизни.

Ищи въ дѣвушкѣ, которая будетъ тебѣ принадлежать, прямоту, доброту, моральное и физическое здоровье, отъ котораго зависитъ красота.

Вступи въ бракъ, какъ только сможешь. Создай семью и очагъ. Это долгъ и человѣческій, и социальный. Это также — счастье.

Трудись для своей семьи. Доставь ей, насколько можешь, пріятную матеріальную жизнь; но, главное, дай ей благород-

ную и прекрасную моральную жизнь, которой никогда не коснется ничто низкое или зловерное.

Дай Обществу и Націи нужныхъ имъ дѣтей. Воспитывай ихъ для нихъ, а не для себя.

Готовь своихъ сыновей стать людьми добра, воли и мужества, какимъ ты самъ хочешь быть; дочерей своихъ — стать такими женщинами, какой самъ ты желалъ себѣ въ подруги.

Живи въ семьѣ; люби свой очагъ. Старайся сдѣлать его пріятнымъ для глазъ и теплымъ для сердца.

Открой свой домъ близкимъ и вѣрнымъ друзьямъ, но только имъ.

Отдавай часть своего свободного времени развлеченіямъ, простымъ удовольствіямъ и играмъ, поддерживающимъ здоровье и веселость.

III.

Будь хорошимъ гражданиномъ, искренне привязаннымъ къ республикѣ, являющейся режимомъ власти народа, правительствомъ всѣхъ французъ.

Приобрѣти гражданскія доблести, безъ которыхъ не могутъ существовать республиканскія учрежденія: любовь къ Родинѣ, заботу объ общественныхъ интересахъ; уваженіе къ законамъ, преданность свободѣ, справедливости и равенству; чувство братства къ согражданамъ.

Сохраняй достаточную свободу ума и независимость характера, чтобы различать, надъ интересами партіи, національные интересы и все подчинять имъ.

Въ политической борьбѣ пусть чувство справедливости остается твоимъ постояннымъ руководителемъ.

Проникнись принципомъ, что въ демократіи права всѣхъ равны, но что иначе обстоитъ дѣло съ обязанностями и что превосходство ума, знаній и богатства налагаетъ на его обладателей болѣе строгія и многочисленныя обязанности, чѣмъ на остальныхъ.

Будь ревнивъ къ своимъ правамъ гражданина, и уважай чужія права.

Пользуйся своимъ вліяніемъ, чтобы проведены были за-

копы, равные для всѣхъ; чтобы они справедливо примѣнялись честными и независимыми судьями, безпристрастной администраціей, преданной общественной пользѣ и не находящейся подъ вліяніемъ партій.

Люби и защищай политическую свободу, право слова и печати, собраній и союзовъ.

Будь также преданъ праву работать, производить, приобретать и владѣть.

Будь убѣжденъ, что безъ права личной собственности не было бы въ жизни ни безопасности ни свободы.

Старайся служить наукѣ, содѣйствовать прогрессу ея и промышленности, вызывать государство на работу въ этомъ направленіи въ убѣжденіи, что благо, исходящее изъ этого источника, выше всякаго другого.

Проникнись въ твоихъ дѣйствіяхъ, какъ гражданина, въ образованіи государственныхъ учрежденій чувствомъ равенства, высшей солидарностью, объединяющей членовъ одного народа.

Будь добръ и милостивъ; помогай, по мѣрѣ силъ, всѣмъ несчастнымъ и удрученнымъ, не въ состояніи подняться собственными силами.

Помогай распространенію учрежденій взаимной помощи, не заботясь о собственныхъ интересахъ, если твое положеніе или богатство обезпечиваютъ тебя самого отъ нужды въ ихъ содѣйствіи; соединяйся съ объединяющимися въ такія группы труженниками; помогай имъ обходиться собственными усилями безъ частной и общественной благотворительности и обезпечить себѣ безопасность и собственное достоинство свободныхъ людей.

IV.

Люби Родину. Служи ей и почитай ее; трудись на ея внутреннее благосостояніе, на ея величіе и славу на землѣ.

Отдай ей свой умъ и сердце, свою дѣятельность и работу; отдай ей свою кровь, если это нужно для защиты ея интересовъ и чести.

Будь, согласно словамъ Гамбетты, раньше всего патриотомъ и ничего не ставь выше этого званія.

Не слушай софистовъ, проповѣдующихъ разрушительный космополитизмъ, отрицающихъ Родину и долгъ. Это враги общества; если бы послушать ихъ, они привели бы Францію къ паденію и смерти, какъ сдѣлали ихъ предшественники съ Греціей и Римомъ.

Научись знать Францію въ ея величественной красотѣ и богатствѣ, въ ея прелестныхъ пейзажахъ, городахъ и памятникахъ, служащихъ дворянскими грамотами твоего народа.

Проникнись ея долгой и славной исторіей, дабы сознать твой долгъ французамъ, твои суровыя обязанности, если ты не хочешь дать ей пасть, если ты желаешь для нея будущаго, достойнаго ея прошлаго.

Нужно надѣяться, нужно вѣрить; нужно имѣть вѣру въ судьбы Родины.

Трудись на благо и на славу Франціи. Она занимаетъ такое мѣсто на міровой картѣ, у нея такое прошлое, что могущество и величіе являются условіями самаго существованія ея.

Люби національную армію, гдѣ отмѣчено и твое мѣсто; она олицетворяетъ собою Родину въ ея силѣ и независимости.

Люби твоихъ товарищей, солдатъ, въ которыхъ ты долженъ видѣть вторую семью. Вамъ придется помогать другъ другу, вмѣстѣ бороться и, быть можетъ, вмѣстѣ умереть. Будьте объединены братствомъ въ трудѣ, братствомъ въ мужествѣ и спокойнымъ братствомъ въ смерти.

Прими рѣшительно, безъ сожалѣнія и ропота, тяготы военной службы въ мирное время. Готовься, упражняйся, развивай свою силу и гибкость такъ же, какъ мужественныя качества твоей души.

Будь сильнымъ, дисциплинированнымъ и смѣлымъ солдатомъ, какихъ требуетъ Родина.

Люби и почитай трехцвѣтное знамя — символъ Франціи и національный гимнъ — ея великій голосъ.

Смотри на войну, какъ на бѣдствіе, отъ котораго ты долженъ стараться оберечь свою Родину. Избѣгай ея, ненавидь ее, но не бойся ея.

Скажи себѣ, что война есть зло, но не худшее изъ золъ, и

что во сто разъ лучше испытать войну, чѣмъ потерять національную независимость и честь.

Знай: чтобы имѣть возможность сохранить миръ, великій народъ долженъ быть силенъ, активенъ, энергиченъ и смѣлъ.

У тебя есть лишь одно хорошее и единственное средство служить человѣчеству, — это трудиться на величіе своей Родины.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Вмѣсто предисловія, отъ русскаго издателя
Avant-propos de l'éditeur russe
Предисловіе Поля Думера
Идея этой книги

I

ЧЕЛОВѢКЪ

Глава I.	Воля и характеръ	29
„ II.	Долгъ	38
„ III.	Мужество	47
„ IV.	Дѣйствіе и трудъ	57
„ V.	Моральная культура	63
„ VI.	Справедливость и братство	70
„ VII.	Свобода и терпимость	76
„ VIII.	Интеллектуальная культура	82
„ IX.	Воздѣйствіе моральнаго на физическое	88

II.

СЕМЬЯ

Глава X.	Родные	99
„ XI.	Любовь	106
„ XII.	Бракъ	110
„ XIII.	Дѣти	118
„ XIV.	Счастье и богатство	125
„ XV.	Уменьшеніе населенія	132

III.

ГРАЖДАНИНЪ

Глава XVI.	Республика	141
„ XVII.	Конституція	147
„ XVIII.	Гражданскія обязанности	155
„ XIX.	Равенство правъ	163
„ XX.	Общественныя свободы	169
„ XXI.	Образованіе	177
„ XXII.	Благотворительность и помощь	183

IV.

Р О Д И Н А

Глава XXIII.	Патріотизмъ	191
„ XXIV.	Софисты	198
„ XXV.	Франція	203
„ XXVI.	Національныя силы	210
„ XXVII.	Война	216
„ XXVIII.	Человѣчество	221

З А К Л Ю Ч Е Н І Е

Правила и совѣты	235
------------------	-----

